В.А. Кокорев

Экономические провалы

Пора государственной мысли прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу

Экономическая история России

Василий Александрович Кокорев (1817-1889) - знаменитый русский предприниматель, благотворитель, меценат, видный общественный деятель и публицист.

УДК 338.24.021.8(47+57)(091)
ББК 63.3(2)-2
К 59
Книга издана при содействии Издательского дома "Секрет фирмы"
В.А. Кокорев
К 59
Экономические провалы. - М.: Общество купцов и промышленников России, 2005.
- 336 с. (Серия: Экономическая история России).

Василий Александрович Кокорев (1817-1889) - знаменитый русский предприниматель, благотворитель, меценат, видный общественный деятель и публицист.

"Экономические провалы" - главное публицистическое произведение Кокорева, его политическое завещание, обращенное к русской общественности. В ней русский предприниматель призывает отказаться от слепого подражательства Западу и перейти к поиску своих внутренних начал для экономического возрождения России. "Пора государственной мысли, - пишет он, - прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу".

ISBN 5-98889-002-4

Оглавление

РУССКОЕ ЧУДО

Необыкновенна жизнь и судьба Василия Александровича Кокорева. О таких людях говорят, что они прожили три жизни в одну. Простое перечисление его инициатив, дел и достижений поражает воображение. В родном городе Солигаличе он основал водолечебный санаторий, в Орле создал винный откуп, в Баку построил первый в России нефтеперегонный завод, в Москве на Софийской набережной соорудил гостинично-складской комплекс, получивший название "Кокоревское подворье".

Он написал записку о развитии золотого промысла в России, пытался наладить торговлю с Персией и Средней Азией, участвовал в учреждении Общества Волжско-Донской железной дороги, Русского общества пароходства и торговли, а также Волжско-Каспийского пароходства "Кавказ и Меркурий". Он учредил Волжско-Камский банк, основал первую художественную галерею, написал несколько книг. И это еще далеко не все, чем прославился знаменитый русский предприниматель и общественный деятель XIX века.

Отличительной чертой его характера была склонность к риску, основанному на глубоком расчете. Один из компаньонов Кокорева, крупный экономист и предприниматель Ф.В. Чижов отмечал, что Василию Александровичу свойственны "грандиозные фантазии" и "чисто американские затеи".

Другой современник так писал о нем: "Был Кокорев человек замечательный по редкому уму, по оригинальности воззрений и по широкому добродушию своего характера. Это был тип коренного русского человека, с его достоинствами и недостатками - человека, который был не чужд утонченной цивилизации, а крестился двумя пальцами, не прочь был заимствовать с Запада, что там было хорошо, но верил, что Россия - страна мужицкая. Шампанское пил с квасом и огуречным рассолом, обожал иногда поесть с лотка у прихожей бабы тертого гороха с постным маслом... Прекрасно излагал свои мысли, искусно подбирая подходящие словечки и новые обороты, отличался остроумием. Также хорошо и оригинально писал, любя употреблять библейские изречения".

Самобытность, ум и масштабность Кокорева признавали все. Как отмечал тот же публицист, "наше купеческое сословие выставило мало людей, которые могли бы равняться с Кокоревым игрой ума, талантами и характером, да и немного по всей России за полстолетия сыщется людей такого калибра".

Знаменитый историк Константин Кавелин с восхищением писал о Кокореве: " Вот человек, рожденный оратором! У него есть мысли, от которых не отказались бы и древние. И сколько свежести, глубины и силы!" Михаил Погодин: "Русский купец Василий Кокорев, которого имя сделалось у нас народным и пронеслось теперь с его речью по всей стране". Поэт Николай Струговщиков: "Кокорев - величайший гений русской земли".

Не было человека в России, который не слышал о Кокореве. Даже в глухих деревнях о Василии Александровиче толковали крестьяне, считая именно его, а не императора Александра II своим освободителем.

Солигаличский "крепак"

Василий Кокорев родился в 1817 году в городе Солигаличе Костромской губернии, в старообрядческой семье, относящейся к беспоповскому поморскому согласию.

Обитатели Солигалича называли свою родину "концом света" . Здесь почтовый тракт из Костромы упирался в тупик; дальше до самой Вологды шли непроходимые хвойные пущи.

Воспитывали в семье по традиции строго - в безоговорочном почтении к родителям и ревности к истинной вере, отчего старообрядческие семьи и получили название "крепаки".

Отец Василия Александровича происходил из мещан и был одно время сидельцем в питейных домах города. Помогая ему, младший Кокорев приобрел опытность по винному делу.

Первое деловое начинание 20-летнего Кокорева - попытка преобразовать солеваренный завод в Солигаличе в общероссийский курорт с минеральными источниками - окончилось неудачей, но молодой предприниматель не терял оптимизма. В 24 года Кокорев стал поверенным богатого казанского откупщика полковника Лихачева.

"Король откупщиков"

Государственный бюджет России во все времена во многом зависел от продажи алкоголя. В середине XIX века доходы от продажи питей собирали не чиновники, а откупщики, которые имели монопольное право торговать спиртными напитками на определенной территории. Сами откупщики не могли присматривать за каждым сидельцем в кабаке, поэтому они действовали через управляющих. Таким управляющим и стал Василий Кокорев

При Николае I Россия содержала самую большую в Европе армию - в 800 тысяч солдат. Деньги тратились не маленькие, а бюджет находился в извечном дефиците. Роль откупов по этой причине возрастала год от года.

Василий Кокорев, на собственном опыте познав все особенности откупного дела, пришел к выводу о необходимости перемен. Он пишет записку, в которой предлагает целую систему мер, направленных на увеличение дохода от продажи питий. Письмо провинциального "реформатора" доходит до тогдашнего министра финансов графа Вронченко и получает одобрение.

Кокорев предлагает, в частности, "придать торговле вином увлекательное направление в рассуждении цивилизации". Для того чтобы взять в казну больше денег, по его мнению, необходимо истребить всякую возможность покупать спиртное помимо откупа, сократить издержки на обслуживающий персонал и как можно больше продавать водки в разлив. Кокорев уверяет, что благодаря этим мерам возможно практически вдвое увеличить доходы и в доказательство своих слов просит дать ему один из самых "неисправных", то есть задолжавших казне, откупов.

Место для эксперимента ему предоставили в Орловской губернии, за винным откупом которой числился долг в 300 000 рублей серебром. Василий Александрович первым делом сменил большую часть вороватых откупных служащих и заменил их людьми честными, заявив, что настоящий водочный торговец должен трудиться "не из воровства... а из насущного лишь хлеба". Его ближайшим помощником стал Иван Мамонтов - выходец из московской купеческой династии. У Кокорева служили и выкупленные им у помещиков

крепостные и сами помещики и купцы. Жалование своим работникам Кокорев платил хорошее, но при малейшей оплошности безжалостно их рассчитывал.

Орловский откуп в короткое время стал приносить доход. Кокореву предоставили в управление еще 23 откупа - от Оренбурга до Рязани и от Перми до Брянска. Со временем благодаря стараниям Василия Александровича казна получила 1800 тысяч рублей чистой прибыли. Проект Кокорева был положен в основу Закона 1847 года под названием "Положение об акцизно-откупном комиссионерстве", который просуществовал 16 лет. Сам Кокорев получил звание коммерции советника, полагавшееся за особые услуги перед отечественной торговлей, и приобрел немалое влияние в кругах высших чиновников, близких к Министерству финансов. Вронченко, как впоследствии и его преемники, советовался с ним во всех важнейших делах.

В последующие годы, объединив усилия и капиталы с богатейшим предпринимателем России Бенардаки, Кокорев создает своеобразный синдикат, который торгует водкой на Кавказе и в Ново-россии. Казна получает более 137 миллионов рублей, а сам откупщик зарабатывает около 8 миллионов. Современники, правда, утверждали, что эти данные самим Кокоревым сильно занижены, а на деле он распоряжается тридцатью. Но даже с восемью миллионами тридцатитрехлетний мещанский сын к тому времени становится одним из богатейших людей империи.

Богатство не меняет характера Василия Кокорева. Он продолжает писать новые проекты и давать советы правительству. В частности, предлагает изменить порядок взноса денег в казну, сократить залоги по откупам и даже отменить все откупа. Министерство финансов отвечает отказом. Тогда Кокорев собирает у себя в доме российских откупщиков и диктует им, как они должны работать, какие цены объявлять и каких стандартов придерживаться. Савва Мамонтов полушутя-полусерьезно именует Кокорева “откупщицким царем”.

Начавшаяся Крымская война привела к резкому буму в водочной торговле. Чиновники перестали следить и за качеством спиртного, и за его ценой. Водка в то время приносила почти половину дохода казны и, пользуясь этим, откупщики взвинтили цены. Кроме того, они начали повсеместно продавать худший сорт водки по цене лучшей. И тут произошло неслыханное. Доведенные до крайности русские мужики пошли громить кабаки и давать обеты не пить. Отмена откупов становится общим требованием. Но к тому времени Василий Кокорев оставляет откупное дело и увлеченно реализует новый проект.

Первый нефтяник России

В 1859 году в городе Сураханы в 17 км от Баку был построен первый в мире нефтеперегонный завод. Инициатором строительства и главным его организатором стал Василий Кокорев.

В нефтяное дело он был вовлечен бароном Торнау, сторонником усиления влияния России в Персии посредством широкого развития экономических связей. Николай Торнау был известен в России как знаток Востока, автор ряда исследований по проблемам исламского законодательства, в том числе монографии "Мусульманское право".

Учредителями Закаспийского торгового товарищества вместе с Василием Кокоревым и бароном Торнау также стали действительный статский советник Николай Новосельский, купцы Иван Мамонтов и Петр Медынцев. Несколько позднее к ним присоединился и предприниматель Петр Губонин, широко известный как удачливый железнодорожный подрядчик.

Первоначальный замысел учредителей состоял в сооружении завода по производству осветительного материала - фотогена из кира (минеральная порода, пропитанная выветрившейся нефтью). Проект этого завода был представлен профессором Мюнхенского университета, иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук Юстусом Либихом.

Однако вскоре оказалось, что немецкая технология была недостаточно эффективна и Василий Кокорев приглашает на завод Дмитрия Менделеева, тогда еще скромного приват-доцента Петербургского университета, который в то время не имел каких-либо значимых работ в области исследования нефти.

За три с половиной недели Дмитрий Менделеев провел целую серию опытных перегонок, результатом которых стала разработка новой технологии очистки фотонафтиля. Впоследствии Дмитрий Менделеев писал: "...Сураханский завод стал давать доход, несмотря на то, что цены керосина стали падать". И еще: "...приемы переработки нефти, употребленные в прошлом десятилетии на Бакинском заводе, очевидно, ни от кого не заимствованные, могли быть поучительными для многих".

Вскоре завод стал производить достаточное количество специального масла для осветительных ламп. Масло Кокорев назвал "фотонафтиль", однако люди стали называть его "керосин". Такое имя предложили американцы, начавшие нефтепереработку четырьмя годами позже.

Спрос на керосин с изобретением керосиновой лампы повышался с поистине революционной быстротой. Повсеместно развивалось городское уличное керосиновое освещение. Новые светильники входили в дома и публичные учреждения.

Стараясь насытить нарастающие потребности в керосине и в мазутных остатках от перегонки нефти, которые шли на топливо в промышленность, Кокорев главным делом считал снижение себестоимости продукции. Он дотошно прослеживал затраты по всей цепочке добычи, переработки, транспортировки и сбыта. На снижение себестоимости работала и нефтеналивная флотилия Волжске-Каспийского пароходства, в котором Кокорев был крупнейшим пайщиком. Выигрыш был и при загрузке собственного продукта, и фрахтах на перевозку чужого мазута, расходившегося по предприятиям Волжского бассейна.

Позже В.П. Рябушинский вспоминал: "Мы же, северные фабрики, сидевшие на самом скверном топливе в мире, на мокрых сплавных дровах, не имея возможности перейти на нефть, могли только облизываться, высчитывая, почем на пуд ткани топлива ложится У нас и почем у волгарей"...

В 1883 году в одном из своих прошений ко двору Василий Кокорев напомнил, что еще до открытия нефти в Пенсильвании он первый организовал нефтяные промыслы и керосиновый завод в России, что именно благодаря его инициативе "в настоящее время существует в Баку более 200 заводов, ежегодно по Каспийскому морю и Волге развозится 36 миллионов пудов нефти, почти каждая изба крестьянская пользуется более удобным освещением и множество волжских пароходов вместо лесоистребления отопляются нефтью, а снижение цен на нефть дало ежегодную многомиллионную экономию промышленности и казне". К этому остается лишь добавить, что благодаря Кокореву Россия к концу XIX века давала 51 процент всей мировой нефтедобычи.

Империя Василия Кокорева

Для развития торговых связей с закавказским и среднеазиатским регионами основал Закаспийское торговое товарищество, а затем - Бакинское

нефтяное общество. Империя Кокорева, в которой нефть играла решающую роль, простиралась по всей Центральной России и Кавказу. Рост нефтяного производства потребовал сопутствующих инфраструктур, и Василий Александрович отдал им должное.

В Москве на Софийской набережной он построил громадную гостиницу с обширнейшим складом - комплекс, который получил у москвичей название "Кокоревское подворье". Этот гостиничный центр появился задолго до первых Гранд-отелей в Европе.

Необходимость транспортировки нефти заставила его заняться железнодорожным строительством и речным транспортом. Еще в начале 60-х годов Василий Александрович выдвигает один за другим проекты, связанные с привлечением частного капитала в железнодорожное строительство. Предлагает взять в аренду у казны Николаевскую железную дорогу и для этих целей создает Московское товарищество, куда входят более 90 крупнейших российских предпринимателей. Но в борьбе за Николаевскую дорогу им пришлось вступить в схватку с опасным конкурентом - Главным обществом российских железных дорог. Его акционерами были высшие чины и аристократы (граф Нессельроде, князь Оболенский, граф Строганов, фаворитка Александра II Екатерина Долгорукова). Несмотря на то что Московское товарищество предложило более выгодные условия, несмотря на поддержку министра путей сообщения Мельникова и огромное большинство голосов в Особом совещании, Александр II утвердил мнение меньшинства, и Николаевская железная дорога была отдана Главному обществу.

Главное общество до начала 60-х годов обладало монополией на строительство важнейших железных дорог (Петербург - Варшава, Москва - Нижний Новгород). Другие компании могли строить только дороги местного значения. Но и этим смог воспользоваться Кокорев, построивший Волго-Донскую железную дорогу и реализовавший таким образом идею Петра Великого о соединении двух крупнейших водных путей России.

Для реализации всех этих грандиозных проектов были нужны огромные деньги и собственных средств предпринимателю явно не хватало. И тогда Василий Кокорев учреждает банк.

Банкир

Создание акционерного коммерческого банка, имеющего всероссийское значение, который опирался бы на провинциальные капиталы и удовлетворял торгово-промышленные нужды всей страны, было давней мечтой Кокорева. 24 февраля 1870 года мечта стала явью - Устав Волжско-Камского банка был утвержден российским правительством.

По составу учредителей новый петербургский банк заметно отличался от своих предшественников. Во-первых, здесь не было представителей других банкирских домов, во-вторых, банк изначально стал сугубо национальным предприятием, его акционерами были по преимуществу русские купцы-хлеботорговцы с Калашниковской биржи (огромная пристань на Неве) Полежаевы, московские ситцевые короли Морозовы, Малютины, Солдатенковы, владелец текстильных фабрик в Петербурге и Ростове Великом - Варгунин. В-третьих, у нового образования была чисто торгово-промышленная специфика.

Акционерный капитал Волжске-Камского банка был установлен в 6 миллионов рублей (6 тысяч акций по тысяче рублей). Устав предусматривал его создание в Москве, Рыбинске, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове и Астрахани.

Вскоре детище Василия Кокорева превратилось в крупнейшее финансовое учреждение России и единственный в Петербурге депозитный банк. Другие банки были активны по преимуществу на фондовом рынке: вкладывали свои средства в государственные ценные бумаги и акции частных предприятий. Волжско-Камский жил за счет кредитов и вкладов населения. Его 20 отделений (больше чем у любого другого банка страны) располагались прежде всего в речных портах волжского бассейна. Волга с ее притоками была главной транспортной артерией России, по ней шло грузов в три раза больше, чем по всем железным дорогам страны. Нужда в сезонном кредите у покупателей и продавцов зерна, рыбы, леса, металла, судовладельцев и грузоотправителей была огромной.

В 70-х годах XIX века в России возникло немало банков и банкирских контор, не вызванных потребностями экономической жизни. Многие из них, не имея сколько-нибудь значительных оборотов, ударились в спекуляцию и потерпели крах, спровоцировав тем самым всеобщий банковский кризис в России. В сложившейся ситуации необходимо было предпринять психологически эффективные шаги. И Василий Кокорев делает верный ход, пригласив в качестве председателя Совета банка Е.И. Ламанского, управляющего Государственным банком (подобное совмещение в те времена признавалось допустимым). Этим Кокорев стремился решить двойную задачу: с одной стороны, убедить Министерство финансов, что дела банка по-прежнему идут хорошо, а с другой - восстановить доверие вкладчиков. План удался. Отлив вкладов прекратился, и дела банка вновь пошли в гору. В начале XX века его дивиденды не опускались ниже 20 процентов, а цена акций превышала номинальную втрое. Накануне Первой мировой войны его складочный капитал составлял 18 миллионов рублей, запасной - 13 миллионов, особый резервный - 3,9 миллиона рублей. Вкладов и текущих счетов было на сумму 248 миллионов рублей, акций - 72 тысячи по 250 рублей. Дивиденд за 1913 год достигал 22 процентов.

"Купеческий кандидат в министры финансов"

Природный ум и личный опыт выдвинули Василия Кокорева в один ряд с самыми выдающимися людьми XIX века. О его житейской мудрости по Руси ходили легенды. Как-то во время заседания Комитета помощи голодающим крестьянам северных губерний члены комитета долго не могли решить, что сделать лучше: оказывать крестьянам единовременную помощь или систематическую. Спросили совета у Василия Кокорева. Тот пожал плечами и промолвил:

— Никакие меры из предложенных и никакие миллионы не спасут Север... Единовременная помощь бесполезна, систематическая - невозможна. На систематическую не хватит денег, от единовременной, если ее не украдут по дороге, мужик забалует.

— Но что же делать? - вопрос председательствующего был, скорее, риторическим, однако Кокорев дал на него вполне конкретный ответ.

- А накупите ружей, пороху и дроби - вот и все. Это поправит их лучше всякой помощи. Сказав это, купец встал и вышел из залы.

- Гениальный человек, - только и сказал ему вслед глава комитета.

Василий Кокорев всегда охотно давал советы, и к его мнению прислушивалось множество людей. Специально для этого он стал проводить банкеты, на которых выступал с речами, которые больше напоминали политические манифесты.

28 декабря 1857 года он организовал торжественный рождественский банкет на 180 персон в залах Московского купеческого собрания. К удивлению

собравшихся, он произнес тост в честь людей, которые будут содействовать выходу "из кривых и темных закоулков на открытый путь гражданственности". А затем заговорил о необходимости отмены крепостного права в России. По его мнению, именно этот позорный пережиток мешает России идти по пути прогресса. Только оставшись без дармовой крестьянской силы, дворяне начнут закупать новую сельскохозяйственную технику, а освободившиеся мужики должны пополнить довольно скудный российский рынок фабричных рабочих.

Речь была настолько блестящей, а аргументация настолько неоспоримой, что уже на следующий день, несмотря на праздники, купца вызвал к себе лично московский генерал-губернатор Закревский. Как рассказывал сам провинившийся, "граф наговорил ему в самых желчных выражениях таких страхов и ужасов и таких угроз", что он вначале счел за лучшее "выслушать все молча, без возражений". Затем, однако, не выдержал и подтвердил свое сочувствие освобождению крестьян и готовность "перенести все злоключения во имя важного исторического значения переживаемого момента". Генерал-губернатор указал ему на дверь и отправил в Петербург письмо с предупреждением, что Кокорев "готов на все".

Несмотря на полученный разнос, банкеты продолжались. Росло и число жалоб с требованиями "унять вредного честолюбца". Генерал-губернатор с возмущением докладывал, что Кокорев - этот "демократ и возмутитель, желающий беспорядков", продолжает устраивать "митинги" и вмешиваться в дела, не относящиеся к его сословию. Генерал-губернаторские стенания возымели действие. Гонения на Кокорева приняли характер настоящей правительственной кампании. По повелению Александра II все выступления по вопросам государственной важности были запрещены, а за неугомонным московским купцом был установлен строжайший негласный надзор.

Уже после отмены крепостного права, Кокорев был душой Комитета по оказанию помощи голодающим, образованного под председательством наследника престола в 1867 году во время голода, постигшего Россию. Самое деятельное участие принимал он в осуществлении проектов Славянского комитета, чему способствовала его тесная связь с ведущими славянофилами: Аксаковым, Хомяковым, Кошелевым, Погодиным. Перед Русско-турецкой войной Кокорев вместе с текстильными фабрикантами братьями Хлудовыми сыграл решающую роль в финансировании и экипировании военной миссии генерала Черняева на Балканах.

Как писал один из его биографов, "наше купеческое сословие мало выставило людей, которые могли бы равняться с Кокоревым игрой ума, талантами и характером, да и немного по всей России за полстолетия сыщется людей такого калибра". А наиболее ярко выразился на этот счет СТ. Аксаков, который в письме к своему другу М.П. Погодину так сказал о своих впечатлениях от встречи с этим необычным предпринимателем: "Я не могу опомниться от Кокорева! Это вполне русское чудо".

"Русский Лаффит"

Русский купец и промышленник Василий Кокорев более всего прославился как общественный деятель и публицист. Одни современники им искренне восхищались, другие посмеивались и в шутку называли "русским Лаффитом" (по имени знаменитого банкира и государственного деятеля эпохи Июльской монархии во Франции). Но все признавали, что он необыкновенно остро чувствовал народный характер, знал потребности русского человека и нужды России и подчас находил верные решения.

В конце 50-х - начале 60-х годов XIX века в России проявилось общественное стремление к открытости, к более широкому обсуждению многих сторон народной жизни, экономического и политического устройства страны. Кокорев со всей энергией принял участие в этих дискуссиях. "Обязанность гласности - распространять в обществе понятие о правде и праве, - писал он. - Без гласности жить нельзя. Это воздух, освежающий понятия, это контроль общественной непорочности".

Кокорев был уверен в необходимости скорейшей отмены крепостного права. Он пишет статью "Миллиард в тумане", в которой призывает: "прежде всего надобно дать крестьянам общечеловеческие гражданские права".

От слов к делу Кокорев разрабатывает проект организации выкупа земель для крестьян, который должен был обойтись крестьянам в тот самый "миллиард", точнее, в 1080 миллионов рублей, для чего предлагает организовать частный банк, который мог бы пользоваться доверием у помещиков и крестьян. Общими усилиями либералов и помещиков идею Кокорева отклонили, а "миллиардом в тумане" обозвали в Москве самого Василия Александровича. "А послушали бы тогда этого толкового человека, глядишь, и от революции потом никуда бежать бы не пришлось...", - вздыхал потом в эмиграции, в 1926 году, один известный приват-доцент Московского университета, из тех, кто в свое время на кокоревскую стипендию получил замечательное высшее образвание.

Незадолго до смерти Василий Александрович опубликовал серию статей в "Русском архиве", объединив их затем в книгу, изданную под названием "Экономические провалы". В ней он призывал вернуться к осмыслению отечественного опыта, искать ответы в народной жизни. "Пора домой! - писал он. - Пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву".

Книга вызвала бурные споры и многочисленные отклики. Автора называли "экономическим славянофилом". Кокорев подверг беспощадной критике экономическую политику царского правительства за минувшие 50 лет. Цель книги, по его словам, - объяснить, "как русская народная жизнь искалечивалась, как на нее надвигались тучи бедности и лишений, несмотря на блестящую внешность официальной России". Говоря о глубоком экономическом расстройстве, постигшем страну, он предупреждал, что "государство дошло до той глубины бездны, где уже редеет дыхание, не освежаемое чистым воздухом". Уничтожающей критике он подверг бюрократическую систему управления экономикой.

Излагая свое понимание принципов управления в этой области, которыми должны руководствоваться представители бюрократии вплоть до министра, он доказывал: "Только тот министр может что-либо созидать, который не душит заявленных ему полезных мыслей справками в старых законах, потерявших уже свое значение по приложении их к новым делам, и который не ставит себя в рамки раболепного служения губительному и мертвящему формализму".

Книга произвела сильнейшее впечатление на современников и осталась в истории отечественной публицистики.

Меценат и благотворитель

Василий Кокорев стал основателем первой в России частной картинной галереи. Вместе с купцами Солдатенковым, Мазуриным, Хлудовым он собрал работы молодых русских художников и открыл выставочную галерею за двадцать лет до братьев Третьяковых.

Историк К.А. Скальковский свидетельствует: "В момент своего богатства Кокорев играл и роль мецената. Ему, строго говоря, обязан своим возникновением так называемый русский стиль в архитектуре, существенно отличающийся от русского стиля, сочиненного немцем Тоном по повелению императора Николая I".

Действительно, многое в меценатской деятельности Кокорева носило отпечаток "купеческого вкуса". Современники, например, упоминают пресловутый, постоянно стоявший на столе у откупщика в его кабинете "золотой лапоть", от которого якобы "началось изучение народного художества" в России.

Особые чувства Василий Кокорев питал к солдатам, героям Севостопольской обороны. Он явился инициатором торжеств, устроенных в честь встречи севастопольцев в Москве в феврале 1856 году Сергей Аксаков писал по этому поводу сыну: "У нас теперь производится встреча и угощения черноморских матросов и офицеров. Зрелище в высшей степени замечательное и поучительное. Бывший откупщик Кокорев, обладатель тридцати миллионов, затеял представление народных сцен с энтузиазмом. Он положил истратить на это двести тысяч".

Вот как описывали эту встречу ее участники: "Лишь только показался длинный строй спускавшихся с пригорка, в серых и стертых шинелях, из-за которых виднелись бараньи околыши, - сердце затрепетало у встречавших, слезы прошибли... Кокорев с Мамонтовым, сняв шапки, несли на большом серебряном блюде хлеб-соль, какую-то испеченную гору, для которой чуть ли не складена была особая печка. Поравнявшись с гостями, Кокорев передал поднос старшему офицеру. "Други и братья, - сказал он им, едва сдерживая слезы, - благодарим вас за ваши труды и подвиги, за пролитую кровь для нас, в защиту родной земли. Примите наше сердечное спасибо и наш земной поклон". Очевидцы через долгое время не могли без слез рассказывать об этой минуте".

Будучи в большой дружбе со славянофилом Погодиным и находясь под впечатлением его идей о самобытности славян, Кокорев еще в 1856 году "водрузил в Погодинском саду русскую избу" - деревянный, с резными наличниками дом по проекту архитектора Никитина, положив начало использованию народного стиля в строительстве. И он же, "миллионщик" Кокорев, фактически первым стал бережно собирать предметы русского народного прикладного искусства и даже задумал построить "хранилище народного рукоделия". Но... московский генерал-губернатор отверг проект, сочтя его проявлением либерального вольнодумства. Тем не менее Кокорев считал, и не без основания, что именно с него "началось изучение народного художества в России".

В 1884 году в Тверской губернии, близ Вышнего Волочка, он устроил Владимиро-Мариинский приют для русских художников, своего рода "русский Барбизон", "академическую дачу", справедливо считая, что своя, родная природа должна больше вдохновлять отечественных живописцев, "чем развалины Помпеи".

Принимая во внимание эту и все иные заслуги Кокорева перед русской культурой, Российская академия художеств решила удостоить Василия Александровича звания почетного своего члена, что и было сделано в 1889 году, за несколько месяцев до его кончины.

Кончина

Василий Александрович Кокорев умер в Петербурге 23 апреля 1889 года от болезни сердца. Приехавшие с его родного Севера поморы вынесли из роскошного особняка на Садовой дубовый гроб, долбленый, без единого гвоздя, и на руках донесли до Малой Охты.

На общественные поминки кто-то принес самодельные плакатики с цитатами из Библии: "Видел ли ты человека, проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями... (Прит. 22,29)" и "...Как хорошо слово вовремя! (Прит. 15,23)".

Вместо речей в качестве своеобразного завещания прочитали отрывки из знаменитой книги Кокорева, "Экономические провалы": "Пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами Отечества, засорять насильными пересадками на родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу".

* * *

В издании сохранены особенности стиля, обороты, архаизмы, а в некоторых случаях и орфография, использовавшаяся автором.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Его Императорскому Высочеству
ГОСУДАРЮ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ВЛАДИМИРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

Ваше Императорское Высочество!

Четырехлетние путешествия Вашего Высочества для обозрения войск, расположенных в северных губерниях, представили Вам возможность видеть народную жизнь, без всяких прикрас, в ее настоящем виде.

Из этого обзора Ваше Высочество убедилось воочию, что не только деревни, но и города Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний представляют горестное обнищание северных местностей.

Пятидесятилетние воспоминания мои о нашем экономическом расстройстве изображают множество разных бедствий, постигших русскую жизнь; но после путешествий Вашего Высочества по Северу России изложенные мною злоключения не представятся вам невероятными, и это соображение дало мне смелость посвятить мой слабый труд Вашему Августейшему Имени. Мои горестные воспоминания ясно доказывают, что постигшие русскую жизнь провалы не были последствием неотвратимых бедствий, а произошли единственно от невнимания к современным сердобольным предупреждениям людей, близко знавших народную жизнь.

Три экономических провала неисправимы, и с их тяжелыми последствиями надо примириться. Это: опоздание с постройкой железной дороги к Черному морю, разорительные заграничные займы и оставление втуне мысли фельдмаршала Князя Барятинского о необходимости России участвовать в прусской войне с Австрией в 1866 году с целью очистить наш путь к Востоку от всех противодействий. Порожденные прочими провалами разрушительные последствия могут изгладиться, если только укрепится сознание, что все бедствия произошли от духоугашения здравых народных мыслей, без которых достижение благосостояния никогда не может осуществиться.

Несомненно, что путешествия Вашего Высочества, проникавшие в самую глубину народного быта, оставили в вас сердечное убеждение в том, что народная мудрость проста, верна и неисчерпаема в проявлении средств к возрождению экономической силы России. Равно нет сомнения и в том, что только то может развить в жизни жизнь, что исходит прямо из самой жизни, а не из губительных канцелярских измышлений.

Переживаемое нами время знаменательно тем, что оно составляет подвиг благоустройства нашей жизни в чисто русском смысле, под сенью Самодержавной Воли и Мудрости. Краеугольным камнем этого подвига и залогом успеха может служить одно только согласование правительственных мероприятий с общими нуждами и потребностями. Ничего нет в мире могущественнее Владычества сердца над сердцами, убежденными в том, что их добросовестные стремления вполне доступны воззрениям Верховной Власти. На этой плодотворной взаимности, составляющей нашу историческую конституцию, создалась сила России, и хотя ложный либерализм произвел в недавнее время расшатанность силы, но благодаря Богу еще не настолько, чтобы народное здравомыслие поколебалось.

С глубочайшим благоговением
Вашего Императорского Высочества
всепреданнейший
Василий Кокорев
15 июля 1887 года
Ушаки

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С 1837 ГОДА

"Пора домой!" Этот возглас не раз раздавался в патриотических речах лучшего из русских людей, достойнейшего Ивана Сергеевича Аксакова. Этим возгласом великий патриот призывал верховную власть в пристань спасения - Москву.

Мы начали описание "Экономических провалов" теми же словами "пора домой", разумея под этим совершенно другой смысл, а именно: пора государственной мысли перестать блуждать вне своей земли, пора прекратить поиски экономических основ за пределами России и засорять насильственными пересадками их родную почву; пора, давно пора возвратиться домой и познать в своих людях свою силу, без искреннего родства с которой никогда не будет согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни; пора твердо убедиться в том, что только это спасительное согласование есть верный путь к покойному и правильному движению от силы в силу, тогда как путь розни и разлада с жизнью (т.е. нынешний путь) тянет в обратную сторону - от бессилия к бессилию, низводя прямо в бездну неисправимого экономического расстройства. И мы дошли, наконец, до той глубины этой бездны, где уже редеет дыхание, не освежаемое чистым воздухом.

* * *

Печалование о расстройстве экономического положения России объемлет в настоящее время все сословия; все чувствуют, как быстро в наших карманах тают денежные средства и как неуклонно мы приближаемся к самому мрачному времени нужд и лишений.

Наше экономическое и финансовое обнищание образовывалось целыми десятками лет и дошло до того, что теперь никакие новые системы займов не могут направить нас на путь общего довольства и благосостояния. Вместе с этим было бы уже окончательно пагубно предаваться полному отчаянию, а лучше взглянуть без колебаний и робости прямо в глаза причинам, породившим угнетающие нас обстоятельства. Финансовая война против России настойчиво ведется Европой с начала 30-х годов; мы потерпели от европейских злоухищрений и собственного недомыслия полное поражение нашей финансовой силы. Настоящее положение настойчиво требует того, чтобы мы ободрились духом и сознали бы силу в самих себе. Примерами ободрения нам могут служить времена Петра I. Мы были тогда в военном деле совершенно поражены под Нарвой; но это, однако ж, не помешало нам в то же царствование отпраздновать Полтавскую победу и к удивлению всей Европы заявить такой исполинский рост нашей военной силы, что после присоединения Крыма и побед на Альпах, в Польше и Финляндии, через сто лет от времени Нарвского поражения, мы вступили в Париж победителями и даровали всей Европе мир и освобождение от порабощения Наполеоном I. Мы вырастали в военном деле на почве незыблемого сознания своего будущего великого назначения и на силе духа, верующего в народную мощь; но в деле финансов после каждого поражения мы, наоборот, падали духом и, наконец, до того приубожились, что во всех действиях наших выражалось постоянно одно лишь рабоподражательное снятие копий с европейских финансовых систем и порядков.

Продолжая идти этим путем, мы утратили уважение к самим себе и веру в самих себя. Но благодаря Богу теперь наступило иное время: с высоты престола веет свежим, новым духом ободрения русских сил, и это веяние свидетельствуется в глазах всех указаниями и решениями, исходящими лично от благополучно царствующего Императора Александра III, в силу чего русское патриотическое здравомыслие может признавать в себе твердое убеждение в том, что период нашего финансового и экономического возрождения возможен и находится не за горами.

Прежде всего считаю необходимым предупредить благосклонных читателей, что я вовсе не имею намерения утруждать их внимание предложением какой-либо финансовой системы, откровенно сознавая в себе полное незнание финансовой техники, при совершенном притом недоверии к девальвациям, консолидациям, конверсиям и тому подобному туману, напускаемому на нас в виде финансовой науки: но в то же время я полагаю, что внесу в сокровищницу общей пользы посильную лепту, если изложу последовательно все случаи пережитых Россией финансовых и экономических провалов, для определения которых, я должен сознаться, у меня нет никаких материалов, кроме запаса памяти о событиях, причинивших финансовое расстройство. События эти всегда предварялись блестящими надеждами и ожиданиями со стороны изобретателей их и сопровождались самыми горькими последствиями, достававшимися на долю народонаселения. Таковые события живо и ясно сохранились в моей памяти, и мне сдается, что если читатель вообразит себе нижеизлагаемые провалы никогда не существовавшими, то его внутреннему воззрению представится наше дорогое отечество богатейшею страною в мире, не нуждающеюся ни в каких кредитных пособиях со стороны иностранных бирж, Ротшильдов, Мендельсонов, Блейхредеров и т. п. А дабы губительное действие провалов было по возможности исправлено, надо прежде всего знать их корень и горечь последствий. Вот почему, на закате моих дней, я решился написать очерки экономических провалов, начинающихся за пятьдесят лет тому назад, основанные единственно на пережитых мною тяжелых ощущениях, при виде того, как при каждом провале искалечивалась русская народная жизнь и как надвигались на нее тучи бедности и лишений, не-, смотря на блестящую внешность официальной России. Здесь кстати будет скакать, что в настоящее время постоянно слышится: чем хуже, тем лучше. Отвергая этот взгляд, я верую в то, что над Россией совершится исполнение другого изречения: "в скорби моей распространил мя еси".

Преисполненный этого верования, перехожу к изложению пережитых нами провалов, порожденных внешнею интригою и завистью и самобичеванием собственного изобретения.

Первый провал

Слух о намерении правительства сделать монетною единицей серебряный рубль и тем самым удорожить денежную стоимость жизни в три с половиною раза появился в 1837 г. Слух этот сильно встревожил всех; каждому представлялось, что имеемый им капитал значительно сократится в выражении своей ценности при покупке на рынке разных потребностей жизни. Так, например: пенсионеры, получавшие примерно, 350 рублей в год, могли при установлении новой единицы получать только 100 рублей и, конечно, не верили в то, что жизнь их пойдет прежним порядком без всяких лишений. Заводчики и фабриканты, нанимавшие рабочих, предвидели, что, при определении новых окладов, переложенных на серебро, нельзя будет тому рабочему, который примерно получал в месяц 10 руб. 50 коп. на ассигнации, назначить только 3 руб. сер. Отсюда выводилось то заключение, что производство фабрикатов и заводских изделий вздорожает, а средства к покупке сократятся от непомерного возвышения денежной единицы. Интеллигенты того времени и главнейшие лица, соприкосновенные новому проекту высокой денежной единицы, утверждали, что все предметы в продажной своей цене настолько подешевеют, что на один рубль серебряный можно будет купить на рынке все то, что покупалось на 3 с половиной рубля ассигнационных; но в то же время интеллигенты, чуждые увлечений и не принадлежавшие к составу петербургского чиновничества, т.е. помещики, проживавшие тогда в своих имениях, и первоклассные купцы находили, что России еще рано жить на серебряную единицу, потому что эта единица невольным образом разовьет нашу жизнь в графу расхода, тогда как нам было бы полезнее развивать себя в графу прихода, посредством изучения технических, сельскохозяйственных и других знаний. В таком положении все чувствовали шаткость своих состояний и предвидели в будущем потрясение в торговых делах. В начале 1838 г. распространился слух, что мысль о серебряной единице внесена в Государственный совет членом оного, бывшим польским министром Любецким. Слух этот настойчиво поддерживался с добавлением к нему известия о том, что бывший тогда министр финансов граф Канкрин ратует против введения крупной единицы. Возникли подозрения, что тлетворный ветер дует из Польши. Народ заговорил: мы поляков побили дубьем, а они нас бьют рублем. Приготовления к перемене единицы выражались в 1838 г. рассылкою по всей России новых окладных листов с переложением податей, цены на вино, соль, гербовую бумагу и т.д. на серебряный рубль.

1 июля 1839 г. последовало бракосочетание Великой княгини Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским. Это была первая свадьба в царствование Императора Николая в царском семействе. Между значительными помещиками Костромской губернии (Шиповыми, Катениными, Куприяновыми и т.д.) шел разговор, передававшийся и в другие слои Костромского общества, что день бракосочетания Великой княгини будет ознаменован прощением декабристов. Все ожидали милостивого манифеста, и манифест действительно появился 1 июля, но не о декабристах, а о введении в действие серебряной единицы. И потекла русская жизнь широкою, но мутною струею по графе расхода, и стали мы жить, признавая наименьшим знаком ценности рубль серебра; тогда как Франция жила и ныне живет, несмотря на богатство ее почвы, приносящей доходность четыре раза в год

(виноград, шелковицу, пшеницу и фрукты) на единицу (франк), сравнительную с нашим четвертаком, т.е. в 25 копеек ценности; а Германия на единицу (марка), равняющуюся нашим трем гривенникам. И стали наши меняльные столы на столичных, губернских и уездных рынках, обремененные массою екатерининских империалов и полуимпериалов и французских (по тогдашнему народному выражению) золотых лобанчиков и грудами петровских и екатерининских целковых и австрийских талеров, освобождаться от этих тяжелых грузов, и потекли эти грузы туда, где завистливо смотрели на богатства России, и зажили мы бойко, весело, укладывая в карманах не тяжелые ноши золота и серебра, а легкие бумажные знаки кредитных билетов. Народная жизнь увидела пред собою совершенно противоположное явление тому, которое ей предсказывали изобретатели высокой единицы: на рынках все стало дорожать, и со временем цены на все потребности сделались на серебро почти те же самые, какие были на ассигнации. По этой причине рабочий труд заявил требование на прибавку жалованья, которая в силу необходимости была сделана; но через год, когда заводчики и фабриканты свели свои счеты, производство их выразилось убытком.

В это время не было никаких газет, кроме "Северной пчелы", которая извещала о ходе русской жизни только сообщениями о поездке Фаддея Булгарина два раза в год на мызу его Карлово, близ Дерпта; следовательно, большинство людей могло судить о вредных последствиях серебряной единицы только по разрушительным явлениям той местности, в которой они жили. В это время я жил в городе Солигаличе, на Севере Костромской губернии. Это самая глухая местность, далее которой нет почтового тракта, и потому очень естественно, что я не могу дать очертание тому расстройству, которое серебряная единица произвела вообще в России, а поименую только те бедствия, какие произошли около Солигалича, а именно: находившийся в городе Солигаличе солеваренный завод, принадлежавший мне в соучастии с моими дядьями, закрылся вследствие того, что при возвышенном для рабочих жалованье солеварение оказалось убыточным. Сто человек заводских рабочих пошли по миру и пятьсот человек дровопоставщиков и извозчиков для перевозки соли в ближайшие села и города потеряли свои заработки. В городе Галиче и селении Шокше закрылись все замшевые фабрики, получавшие оленью кожу для выделки замши из Архангельской губернии (Мезени и Пинеги); в Костроме закрылись полотняные фабрики Дурыгиных, Угличаниновых, Солодовниковых, Ашастиных и Стригалевых; в Ярославле и Кинешме закрылись известные салфеточные фабрики, и вместе с этим уничтожился спрос на лен, оживлявший сельский быт в губерниях Ярославской, Вологодской и Костромской.

Если верить тому, что тлетворный ветер крупной серебряной единицы дул из Польши, то нельзя не признать, что злоухищрения польского подкопа под нашу экономическую жизнь попали в цель и произвели такой взрыв, от которого мы бедствуем полвека[1].

---

[1] Князь А. Голицын-Прозоровский передавал свое воспоминание о том, как однажды к матушке его приехал прямо из Государственного совета граф Литта и торжественно заявил: La Russie est ruinee (Россия разорена). На вопрос, что это значит, он сообщил, что состоялось решение ввести серебряную единицу (Русский Архив 87 г.).

Когда, с прекращением в Солигаличе завододействия, я был вытеснен из рамки уездной жизни в Петербург для приискания себе откупных занятий и когда я удостоился благорасположения бывшего тогда министра финансов графа Вронченки, то при разговоре с ним о вредных последствиях злополучной единицы я узнал от него, что граф Канкрин был против этой единицы и поручил ему, как товарищу своему, уведомить циркулярно европейских банкиров о том, что министр финансов не разделяет пользы и потребности этого нововведения; но Ф.П. Вронченко отказался подписать эти уведомления, находя, что после утверждения новой единицы верховною властью он не считает себя вправе рассылать по Европе какие-то письма, не одобряющие последовавшего решения.

Обращаясь к костромским фабрикантам, выделывавшим парусину для флота и холст для войск, припоминаю одно печальное, потрясающее обстоятельство. Все фабриканты собрались и поехали в Петербург, еще во время министерства графа Канкрина, объяснять свою убыточность и просить выделанные на их фабриках парусину и холсты принять в казну вместо зоготовления таковых в Англии, дабы этим способом ликвидировать свои дела без банкротства. Просьба не была уважена, и возвратившиеся фабриканты в ближайшем времени все обанкротились, а один из старших Дурыгиных (двоюродный мой брат), который орудовал делами своей фирмы, уединясь от семьи, вышел на крышу своего дома и бросился на мостовую; через шесть часов после тяжких страданий он умер. После этого страшного события и прекращения действий на моем солеваренном заводе, я видел в серебряной единице гнев Божий, наказание, превосходящее по убыткам, понесенным во всей России, в несколько раз те потери, какие причинила война 1812 г, Затем понятно, что ко всякому петербургскому нововведению я не мог иначе относиться, как с боязнью, опасаясь, чтобы последствия нововведения не разразились опять новыми бедствиями. В таком настроении застал меня 1840 г., образовавший новый экономический провал.

Второй провал

Крупная серебряная единица, спровадив наши империалы и целковые за границу, не замедлила привести нас к необходимости приступить к заграничным займам. В эти годы заем был сделан, кажется, в Голландии на постройку железной дороги между столицами. Вопрос о дороге предварительно обсуждался (1840-1841) в особом комитете, состоявшем из всех министров, с присоединением к ним трех частных лиц: графа Бобринского, А.В. Абазы и К.Н. Кузина. Граф Канкрин был вообще против сооружения железных дорог; но никто из русских людей не разделял этого мнения, а желали того, чтобы дорога была построена сначала от Москвы к Черному морю, а потом уже было бы приступлено к сооружению второй линии между Москвой и Петербургом[2]. Мнение это основывалось на том, что Петербург может без особого ущерба 5-10 лет подождать рельсового пути к Москве, будучи соединен с нею для пассажирского движения шоссейным трактом, а для товарных грузов - тремя водяными системами - Мариинской, Тихвинской и Вышневолоцкой. Соединение Москвы с Черным морем казалось более необходимым в смысле обеспечения черноморских берегов от высадки неприятеля и торговых интересов, которые представляли большие грузы при устройстве рельсового пути через всю хлебородную площадь, не имеющую водяных сообщений к Москве и гораздо более населенную, чем пространство между столицами. На стороне этого мнения были Москва, Харьков, Рыбинск и самый Петербург. Для сообщения такого взгляда явились к министру финансов первоклассные купцы того времени: Н.М. Журавлев (Рыбинский), С.Л. Лепешкин (Московский) и К.Н. Кузин (Харьковский) и другие. Они рассчитывали на то, что Канкрин, как противник сооружения дороги из Петербурга в Москву, поддержит их мнение, но оказалось нечто смешное. Больной и устаревший Канкрин, при всем своем уме, не мог оценить великого значения вышеизложенной мысли и отвечал им, что он удивляется, как могло придти в голову предположение строить железную дорогу через такую местность, где на волах всякая перевозка делается за самую дешевую цену. Последствия показали, сколь велик был промах со стороны правительства, не обратившего внимания на вышеизложенный взгляд. Если бы дорога от Москвы к Черному морю была начата постройкою в 1841 г., то Россия не почувствовала бы невозможности с миллионом лучшего в мире своего войска отразить высадившегося около Севастополя неприятеля в количестве 70 тыс. Впрочем, и самой высадки не могло бы быть, когда бы Европа знала, что наши войска по железной дороге, без всякого утомления, могут через несколько дней явиться на берегах Черного моря. Провал этот был так велик, что в него провалились Черноморский флот, Севастополь, полмиллиона войск и сотни миллионов рублей. Отсюда получает свое начало порабощение финансовых сил России денежному влиянию иностранных капиталов, и какая бухгалтерия возьмется определить в цифрах общую сумму понесенных Россиею потерь от того, что Москва не была прежде С.-Петербурга соединена железною дорогою с Черным морем!

---

[2] Покойный граф К.Ф. Толь многократно сообщал, что отец его (главноуправляющий путями сообщения) скончался от огорчения после того, как отвергнута была его записка о необходимости иметь сначала только одну железную дорогу от Москвы до Севастополя и о том, что дороги другие, без этой, неминуемо разорят Россию. Граф Толь так и умер, не успев исполнить своего обещания доставить эту записку, в которой знаменитый стратег пророчил, что европейские державы непременно попробуют отнять у нас Севастополь. (Русский Архив 87 г.).

Третий провал

По поводу распространения бумагопрядилен, ткацких и набивных ситцевых фабрик возникло какое-то делорассмотрение в Государственном совете, кажется, вследствие представления в 1848 г. гр. Закревского, желавшего уменьшить число фабрик в Москве, в видах освобождения города от зловония. Пользуясь благорасположением министра финансов графа Вронченки, я дозволил себе выяснить весь вред, наносимый этими фабриками крестьянскому сельскому хозяйству и торговому балансу России. Вред этот состоял в том, что русский крестьянин стал носить ситцевые рубашки, а крестьянки - ситцевые сарафаны и платья, и таким образом все русское народонаселение сделалось данником Америки, по платежу денег за хлопок. Вместе с тем, другая часть народонаселения, занимавшаяся посевом льна в губерниях Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимирской, Псковской и Витебской, потеряла возможность сбыта его. Выяснив все это, я просил графа Вронченку защитить наши льняные посевы и льноткачество от замены льна хлопком. После этого разговора я отлучился из Петербурга в разные губернии на продолжительное время, и когда возвратился в Петербург, то возобновил мой разговор о защите льняного производства. Граф мне сказал, что Государственный совет для льнопрядильщиков дал такие льготы, каких не имеют бумагопрядильни, а именно: дал право каждой вновь возникающей льнопрядильне получать бесплатно отвод 100 десятин казенной земли и быть 1-й гильдии купцом без платежа по гильдейским свидетельствам. Разумеется, это гомеопатическое пособие никакого влияния на развитие дела не имело, так как на устройство льнопрядильни нужно, по крайней мере, миллион рублей, который и должен быть огражден тарифом на хлопок, а не пожертвованием 100 десятин земли, стоящих, положим, в Псковской губернии 3000 рублей, и не облегчением платежа гильдейских податей, составлявших тогда 200 рублей в год. Со времени образования бумагопрядилен до 1878 г., не было никакого тарифа на хлопок в сырце, и Россия в течение этого времени заплатила за этот материал Америке, по крайней мере, миллиард рублей, нарядив всех в ситцевые одежды и уничтожив огромную отрасль промышленности, существовавшую во всех деревнях при окраске холста в синий цвет кубовою краскою с набойкою по ней ручным способом разных узоров. Теперь на каждом крестьянине, на каждом фабричном и рабочем труженике вы видите - в его непрочной ситцевой рубахе - вывеску плательщика подати в пользу Америки. В последнее время явилась и другая подать, в пользу Германии, - это пошлина на ввозимый туда русский хлеб, составляющая до 2 руб. на четверть, т.е. гораздо более того, что может получить в лучший год от хлеба сельский хозяин или купец, торгующий хлебом. Таким образом, легла иностранная подать на плечи рабочего, в виде одежды, и на мускулы пахаря, в виде пошлины за право привоза хлеба за границу. Отсюда является сам собою такой вывод, что самостоятельной России - в смысле экономическом - нет, и вместо нее существует европейско-американская русская колония, обложенная веригами налогов в пользу иностранцев. Существующий ныне тариф на хлопок установлен с 1878 г. и составляет, кажется, только 40 коп. с пуда; если бы этот тариф увеличить впятеро, тогда посевы льна и употребление в народе на носильное платье прочной льняной ткани ввелось бы в употребление, а

государственная роспись значительно уменьшила бы свой дефицит[3]. Возвышение тарифа подняло бы продажную цену на миткаль не более 1 коп. на аршин и произвело бы другую еще более существенную пользу, заключающуюся в образовании хлопчатных плантаций в обширном размере в Ташкенте и Закавказском крае, и тогда отлив нашей монеты, платимой за американский хлопок в сырце, стал бы ежегодно уменьшаться, производя этим уменьшением значительное и прочное улучшение курса.

---

[3] Екатерина II говаривала, что Россия должна одевать всю Европу из своего льна. (Русский Архив 87 г.).

Четвертый провал

Хотя вышеизложенные провалы значительно поколебали крепость русских финансов, но европейская экономическая интрига устремилась еще на новый пункт сокрушения нашей внутренней экономической силы. Начинаю речь о Кяхте, этом разменном пункте, в котором китайские чаи приобретались на сибирские меха и произведения московских и владимирских фабрик, как то: суконных, плисовых, парчовых и тюлевых. Нам почему-то вздумалось уничтожить разменную торговлю, основанную Петром I и укрепленную Екатериною II, допущением покупки в Кяхте чая на золото и серебро.

Вскоре после этого был разрешен ввоз китайского чая по всем заграничным западным таможням и в портах морей Балтийского и Черного. С введением этого узаконения прекратилось приготовление в России разных тканей для Китая, и нам пришлось платить европейской торговле за чай десятки миллионов рублей в год, не говоря уже о тех потерях, какие понес Сибирский тракт, на расстоянии более 10 000 верст от Кяхты до Москвы, от сокращения перевозочного движения. И, таким образом, по потреблению чая все мы сделались данниками чуждых стран. Когда приготовлялись порешить разменную торговлю в Кяхте и отворить все таможни для пропуска чая по западной границе, тогда стали являться в С.-Петербург из Москвы как Кяхтинские торговцы, так и фабриканты, работавшие для Китая (в числе их припоминаю часто бывавших у меня Е.С. Морозова и И.А. Корзинкина), и умолять властных лиц, в видах общей и государственной пользы, оставить дело при старом порядке; но золото Англии, как гласила тогда народная молва, превозмогло, и потому интересы государственного торгового баланса, Сибирского тракта, московских фабрик и вообще всего русского народа с его потомством были принесены в жертву интересам чужестранным. В последующем изложении мы увидим, что, после четырех провалов потребность во внешних займах усилилась, и курс нашего бумажного рубля пришел в колебание.

Пятый провал

Из четырех провалов три оказали самое губительное действие на состояние финансов: крупная единица в виде серебряного рубля, распространение бумагопрядильных фабрик без обложения пошлиной хлопка, с происшедшим от того угнетением льняного народного промысла, и отмена меновой торговли в Кяхте, с допущением привоза чая по западной границе. Мы употребили выражение, что серебряная единица была введена только в виде серебряного рубля, потому что в народном обращении этого рубля нигде не оказалось через 3-5 лет после манифеста 1 июля 1839 г., и целые поколения народились и сошли в могилу, не видав ни разу монеты, хотя жизнь их шла по бумажной переписке на какой-то серебряный рубль. Следы этой фальши существуют и доньше в наших старых медных деньгах, на которых сказано пять копеек серебром, три копейки серебром и т.д. Археологи будущих столетий получат полное право считать наше время до того невежественным, что мы даже медь признавали за серебро.

Между тем как приближалось к нам финансовое расстройство, мы в 1849 и 1850 годах сводили денежные и политические счеты после Венгерской кампании и в том и в другом значении получили весьма скорбные выводы. Затем в 1851 г. праздновали открытие С.-Петербурго-Московской железной дороги и 25-ти-летний юбилей царствования Императора Николая I. В это время носились слухи, что заем, сделанный для сооружения Николаевской дороги, поглощен расходами Венгерской войны, и что это привело к необходимости, для окончания железнодорожных расчетов, сделать экстренный выпуск кредитных билетов. Хотя эти билеты, при обеспечении их всем достоянием государства, было обязательно для правительства разменивать на монету всем тем лицам, которые этого размена потребу-•от, но для более еще твердой ценности этих билетов был издан Высочайший указ о том, что выпуск кредитных билетов не иначе может быть производим, как с обеспечением их на 1/6 часть золотом или серебром. Среди таких шатких финансовых обстоятельств в Европе стал возникать вопрос о том, можно ли ценить русский бумажный рубль в его полной нарицательной стоимости, и одно возникновение этого вопроса произвело то, что все займы, предшествовавшие Крымской войне, пришлось делать по уменьшенному курсу. При таких условиях приближались к нам ужасные последствия второго провала, исходившие из того, что рельсовые пути не были положены от Москвы к Черному морю прежде соединения ими наших столиц.

В 1853 г. последовала высадка англо-французских, сардинских и турецких войск на южный берег Крыма. Всем известны неудачи и последствия войны, описание которых не может входить в состав моей повести; но я скажу лишь то, что относится до финансовых очерков того времени. Все перепуталось и потеряло свои основы, так что указ об обеспечении кредитных билетов 1/6 частью монеты остался мертвою буквою. Война кончилась, русская грудь засвидетельствовала перед всей Европой свою непобедимость, а финансовое состояние оказалось в полном бессилии и даже в неизлечимых язвах. В это время, после Парижского мира, мы сознали необходимость покрыть Россию сетью железных дорог и начали с того, что народное дело сооружения дорог предоставили в руки французов, наших, так сказать, вчерашних врагов, и на русской земле, во время коронации Александра II, появился из Парижа известный аферист времен Наполеона III,

Перрейра, с толпою булочников, парикмахеров, башмачников и т.д., называвших себя опытными инженерами. Составленное под руководством этих лиц общество получило название Главного Общества Российских железных дорог, и в круг его деятельности входили четыре линии: 1-я - от Петербурга до Варшавы, 2-я - от Москвы к Черному морю до Феодосии, 3-я - от Курска до Либавы и 4-я - от Москвы до Нижнего Новгорода. Несколько патриотических лиц из среды купечества, испуганных вторжением Французов в дело русского народного труда и предвидевших, что Россия снова попадется в ловушку иностранной экономической интриги, обратились с разъяснением своих опасений к графу Закревскому, пригласив и меня к участию в их совещаниях. Граф выразил полное сочувствие к нашим словам и добавил от себя: "Зачем нам прибегать к каким-то иностранным капиталам, когда у нас есть все нужное для постройки дорог дома: железо на Урале, лес, песок и щебенка повсюду, с массою рук, ожидающих работы во всех деревнях? Поезжайте к Чевкину дня через три, а я его увижу и предупрежу о вашем посещении". Мы решили, что ехать целой гурьбой неудобно, а лучше кому-либо одному, дабы можно было говорить прямее и свободнее. Выбор пал на известное Чевкину лицо Торлецкого, который был очень хорошо знаком и с А.П. Ермоловым и просил его предварительно переговорить с Чевкиным, назначенным уже за несколько месяцев до коронации главноуправляющим путей сообщения, вместо графа Клейнмихеля.

Чевкин очень любезно принял Торлецкого, внимательно выслушал и сказал: "Ничего не могу сделать, мой миленький (обычная поговорка Чевкина), потому что дело с французами облажено и условлено в Париже князем Орловым, во время заключения мира. Нахожу возможным хлопотать только об одном, чтобы правление железных дорог было не в Париже, как было предположено, а в России". Этого последнего результата Чевкин достиг года через два, но не даром, а по случаю выдачи каких-то многомиллионных ссуд Главному обществу, выторговав у него изменение в уставе о переводе правления из Парижа в Петербург.

Величайшею ошибкою со стороны нашей было то, что Главному обществу назначили строить сначала железную дорогу из Петербурга в Варшаву, вместо направления из Москвы в Феодосию. Петербурго-Варшавская линия, как пролегающая по местностям малонаселенным и не имеющим на две трети своего протяжения ни хлебородной почвы, ни фабричного и заводского производства, не могла представить такой деятельности по движению пассажиров и товаров, которая бы покрывала расходы эксплуатации, не говоря уже о гарантии. Правительство нашлось в необходимости несколько раз выдавать Главному обществу миллионные денежные ссуды, и когда это Общество заявило свою несостоятельность в дальнейшем сооружении дорог и уплате лежащих на нем долгов, тогда оно (конечно, в силу политических влияний Наполеона III) не было признано банкротом и оставлено при полных своих правах хозяином двух линий: Варшавской и Нижегородской, с отсрочкою взыскания накопившегося на нем долга более 50 миллионов, каковой долг впоследствии возрос и до настоящего времени остается неуплаченным. После этого, через 10 лет, это неисправное общество получило от правительства, как бы в награду за свои злоухищрения и несостоятельность, первую по доходности в Европе Николаевскую железную дорогу, причем в бывшем в то время ходатайстве 92 лиц из первых русских торговых домов, приносивших постоянно своему отечеству громадную и

разнообразную пользу своею деятельностью, было отказано в передаче им Николаевской дороги.

Обращаясь к предыдущему, надобно сказать, что главная беда состояла еще не в том, что французское общество задолжало нам десятки миллионов, а в ошибке нашей (как выше было сказано) разрешить обществу строить Варшавскую железную дорогу прежде Московско-Феодосийской. Эта последняя не только окупила бы расходы эксплуатации, но и платежи процентов по облигациям, как это уже доказано на опыте результатами замосковных железных дорог, и таковая выгодность породила бы в Европе доверие к русским железнодорожным бумагам, следовательно и стремление к приобретению их по выгодному для нас курсу. Напротив того, возвратившиеся за границу, по случаю несостоятельности Главного общества и уменьшения его деятельности, бывшие его второстепенные инженеры: парикмахеры, булочники и башмачники, везде распространили молву о неспособности русских железных дорог приносить доход. Последствия этих слухов, равно как и очевидные факты, что дороги Главного общества не прекратили своего движения потому только, что их поддерживало наше правительство денежными средствами, привело к значительному понижению ценности гарантированных железнодорожных облигаций, которые нам, при дальнейшем сооружении железных дорог, пришлось продавать за границей по 66 за 100. Но позднее, когда замосковные дороги (Московско-Рязанская и Рязанско-Козловская) убедили в своей доходности, дальнейшая реализация облигаций, постепенно возвышаясь, достигла 93 за 100. Отсюда очевидно, что если бы Европа убедилась в доходности замосковных железных дорог прежде сооружения Варшавской линии, тогда все наши железнодорожные бумаги были бы реализованы на 25% выше состоявшейся реализации, что сократило бы нашу задолженность на сотни миллионов, а народ избавило бы от платежа излишних процентов, которые в конце концов (как бы хитро ни были подтасованы цифры бюджетов) всегда приходится оплачивать народу своими потовыми трудами, по случаю неизбежно порождаемых займами новых налогов.

Шестой провал

Вскоре после коронации императора Александра Николаевича, был назначен, вместо П.Ф. Брока, министром финансов А.М. Княжевич. Во время этого переходного министерства от старых порядков к новым подготовлялось освобождение крестьян с предшествовавшим этому великому, достославному и светлому делу весьма мрачным событием - уничтожением опекунских советов, отчего земледелие и землевладение остались без всяких пособий кредита, брошенные на произвол судьбы, или, иначе говоря, отданные во власть ростовщикам. Давным-давно зная А.М. Княжевича за человека, исполненного самых лучших сердечных стремлений, мне много раз приходилось беседовать с ним о невозможности оставлять сельское хозяйство без кредитных учреждений, в какое бы то ни было время, а тем более в период освобождения крестьян, когда от земли отнимается у дворянских имений даровой труд, а для найма рабочих и приобретения новейших земледельческих орудий и машин нужны деньги. Разделяя этот взгляд, А.М. Княжевич выразился так: "Ничего не поделаешь с ними; они так хотят, чтобы всякая деятельность становилась на свои ноги и никакой уступки в этом не сделают". - "Но позвольте возразить: разве возможно, чтоб новорожденный ребенок - наше сельское хозяйство с вольнонаемным трудом - мог сразу встать на ноги без всякого о нем попечения? И кто же эти они, очевидно желающие искалечить русскую сельскую жизнь?" Тут я впервые узнал, что они - люди новых воззрений, составившие из 5-6 человек кружок, стремящийся в кабинеты высокопоставленных лиц и салоны влиятельных барынь для распространения в них своих взглядов, дабы потом, мало-помалу, расширяя свой круг, забрать в свои руки направление правительственной власти. Еще позднее я узнал, кто именно эти они, и убедился в том, что это все люди по большей части честные, благонамеренные и бредившие об экономической равноправности, но без всякого понимания нужд и потребностей русской жизни. Эти они проповедовали нам в тарифных комиссиях понижение цены на пошлину с кофе, потому что кофе разовьет мозговые силы крестьянина, и требовали такого же понижения на пикули и капорцы, как приправы, могущие дать вкус грубой крестьянской пище. Сколько тут добросердечия, смешанного с полным неведением деревенской жизни!

Но они, блистая книжным чужеземным знанием, приобрели такое значение, что их стали собирать на дворцовые вечера и признавать за свежую силу, способную обновить общий строй высшего управления. Они не замедлили поступать на места в тех кабинетах и комитетах, откуда проистекает действие власти. В это время они усидчиво работали по сочинению новых законопроектов, приводя механизм самобичевания в непрерывное действие, но всегда под веянием человеколюбивого попечения о благе народном. Если б эти они имели русскую жилку, то, конечно, при их трудолюбии и настойчивости, из них образовались бы полезнейшие для отечества деятели. Прибавим то, что первоначальные они никого не думали надувать; они даже очистили свой кружок от таких лиц, которые хотели из служебной деятельности извлекать свои выгоды; но в то же время они, стремясь все переиначить и переделать по-новому, изгоняли из службы всех тех лиц, которые не принадлежали к их воззрениям, какую бы ни имели эти лица опытность в делах. Этим самым они лишили себя возможности прислушиваться к требованиям жизни и указаниям опыта, и отсюда произошло то, что своя своих не

познаша, и земледельческая жизнь, в скором времени после 1863 г., стала задыхаться от беспросыпного пьянства и бескредитного удушья.

В 1868 г. появились земельные банки с самыми угнетательными для земледелия уставами. Появление этих банков было чуждо вчинания со стороны правительства; оно возникало из корыстных видов учредителей банков. Приниженные, угнетенные и придушенные семилетним безденежьем помещики протянули руки за пособием в эти банки (которые народ называл "мышеловками") и обязались платить такие проценты, каких сельские доходы от овса, сена и т.п. никогда не могут дать. Кроме того, значительная часть займов была сделана на металлическую валюту, которая подлежит колебаниям от политических и других событий, не зависящих от заемщиков, привлеченных по своим займам к обязанности оплачивать все потери, порождаемые биржевым курсом. Этот экономический провал, пришедший к нам не от внешних уже врагов, а от нас самих, изображал жестокое самобичевание. Большинство помещиков бросили свои усадьбы, семейства их пошли скитаться куда попало, и в тех пунктах, где процветала тихая семейная жизнь, образовались безлюдные развалины с характером мрака и отчаяния. Но будущее сулило еще дальнейшие провалы, потому что благонамеренные они, о которых, вероятно, со временем будут написаны целые тома с выразительными портретами, подготовляли для русской жизни новые преобразования.

Седьмой провал

В 1862 г. началось министерство (финансов) М.Х. Рейтерна, о котором сохранится благодарное воспоминание за устройство железных дорог, за развитие внутреннего кредита посредством образования коммерческих банков и за выкупную операцию при освобождении крестьян, совершенную при существовавших финансовых затруднениях без особых потрясений в кредитных оборотах. Кроме этого, есть еще и другое важное воспоминание об услуге М.Х. Рейтерна, оказанной им русской внутренней жизни во время последней Восточной войны. Когда мы сидели под Плевною и сокрушались о военных неудачах, промышленная жизнь России шла покойно, без всяких потрясений и частных банкротств, так что Европа была изумлена тем, как здорово и крепко русское нутро (изумление это не раз высказывалось Бисмарком в 1877 г. в его парламентских речах). Окажись в этом нутре слабость и колебание во время войны, наша скорбь удесятерилась бы, а враги наши сказали бы, что внутренняя сила России уже подорвана и не может пережить ударов войны. Ничего подобного не случилось, потому что Рейтерн всякому полезному делу, нуждающемуся в поддержке, помогал денежными ссудами, дабы не Уронить движения народной промышленности. В постройке Дорог в Рейтерне обнаружился финансовый техник в том смысле, что сделанные займы не пошли на другие расходы, а были употреблены на железные дороги; в поддержании торговли в нужное и тяжелое время - попечительный хозяин, умевший смотреть прямо в глаза трудным обстоятельствам и в силу этих обстоятельств умевший сразу отрешиться от прежних своих взглядов, встречавших во всем форменные препятствия. Нельзя пройти молчанием и того памятного обстоятельства, как была спасена М.Х. Рейтерном Волга, по всему ее протяжению, со всеми своими притоками, от порабощения ее в крепостное владение какого-то Эпштейна, подладившего уже это порабощение в других ведомствах в свою пользу.

После того как мы обозначили светлые стороны деятельности Рейтерна, перейдем к тому, что выражается пословицей: и в солнце есть пятна. Построенные в это время железные дороги обошлись очень дорого от невыгодной реализации за границей железнодорожных бумаг; но это надобно отнести главнейше к вине предыдущего времени, т.е. к началу сооружения Варшавской дороги прежде замосковных дорог. Впрочем, эта невыгодность могла бы быть значительно уменьшена, если бы прежде приступа к сооружению дорог были устроены рельсовые, локомотивные, вагонные и другие заводы для всех железнодорожных принадлежностей, и тогда бы к нам действительно влились иноземные капиталы, мы бы продавали сто за сто бумаги (акции и облигации) готовых уже дорог, сооружаемых постепенно одна после другой, и получали бы за них золото, а вышло то, что в действительности к нам никаких капиталов не попало, наш государственный вексель (облигация с 5%-ной гарантией) брали со скидкою 30% с рубля, а нам платили за него рельсами, локомотивами, вагонами и т.п. с накидкою, вероятно, 20% на рубль. Само дело указывало, что надобно было спешить с устройством горной Уральской дороги, чтобы получать оттуда рельсы, железные мосты и прочее; а мы эту дорогу, отложив на самый конец, покрывали (о, ужас!) рельсами и железными мостами, привозимыми из Англии. На это остается сказать одно: Наполеон III, сидя в Гамской тюрьме, написал в своих записках, что

вводимые в народную жизнь ложные экономические воззрения действуют сильнее баррикад на разрушение самых гранитных монархий в мире[4].

Но в это время, когда мы выписывали из-за границы все железнодорожные принадлежности, частная предприимчивость с упорным трудом образовала несколько железоделательных заводов (Струве, Полетика, Мальцов, Ухтомский, Губонин и др.), не встретивших того правительственного поощрения, которое могло бы укрепить их, по примеру Берлинского завода Борзига, доведенного до громадной широты в своих действиях посредством сознания правительством в этом заводе государственной силы.

Обращаясь к истории сооружения русских железных дорог, мы видим поразительное явление. Англичане получили предварительные концессии на дороги: Орловско-Витебскую до 100 тыс. и на Московско-Севастопольскую по 105 тыс. металлических за версту с 5%-ной гарантией правительства; но по обеим дорогам, через год, отказались от исполнения за невозможностью собрать акционерный капитал, несмотря на то, что в Севастополь, в придачу к ужасной ценности дороги, им предоставлялось, кажется, на 25 лет, право учредить порто-франко. Люди русские! Возрадуйтесь этому отказу и возблагодарите милосердие Божие, отвращающее от нас грешных беды и напасти.

Вскоре за отказом англичан М.Х. Рейтерн нашел возможность, посредством П.И. Губонина, построить железную дорогу от Орла до Витебска, и потом, посредством того же Губонина, с участием С.С. Полякова, от Курска до Севастополя почти наполовину дешевле английских цен и без всякого порто-франко. Возможность эта явилась оттого, что, не стесняясь статьями Свода законов, сочиненными прежде всякой мысли о железных дорогах и требовавшими сначала взноса акционерного капитала, а потом уже допускавшими займы по облигациям, были эти статьи повернуты одним концом кверху, другим книзу, т.е. сперва занимать по облигациям, а потом приступать к выпуску акций. А так как оказалось возможным построить многие дороги на один лишь облигационный капитал, то акции остались, вполне или частью, в руках учредителей в виде награды за их труд; а мы, жители русской земли, сели в вагоны и поехали, преисполненные благодарности за освобождение нас от прежней мучительной езды в почтовых телегах. Говорят, что мысль этого простого переворота производить прежде выпуск облигаций, а не акций принадлежит А.И. Колемину и П.Г. фон Дервизу; но как мысль эта введена в действие Рейтерном, то ее и надо признать его собственностью: потому что никакой министр не имеет времени и обязанности выдумывать новые приемы для осуществления разных промышленных начинаний, но вместе с тем только тот министр может что-либо созидать, который не душит заявленных ему полезных мыслей справками в старых законах, потерявших уже свое значение по приложении их к новым делам, и который не ставит себя в рамки раболепного служения губительному и мертвящему формализму.

---

[4]Покойный директор горного департамента В.К. Рашет, отлично знавший Урал, как Управлявший некогда заводами Демидовых, тотчас после Крымской войны представил ко всем властным лицам проект сооружения Уральской горнозаводской железной дороги с ясными доказательствами необходимости построить эту дорогу прежде других линий, Дабы воспользоваться недрами Уральского хребта для выделки рельсов и прочих принадлежностей железных дорог. Более 15 лет Рашет хлопотал о приведении своей мысли в исполнение, но стену равнодушия пробить не мог и в 70-х годах умер. В.К

Восьмой провал

Многие относят к крупной ошибке М.Х. Рейтерна акцизную систему с вина, составленную без всякого согласования с интересами земледелия; но это не совсем верно, потому что систему акциза измыслили и создали они, навязав ее России к исполнению, с замечательно гордою самоуверенностью в ее достоинстве, без предварительного совещания с известными земледельческими хозяевами. Вредные последствия этого самобичевания выразились в следующем.

Мы видели, что в экономической жизни России пошатнулись три главных устоя: денежный курс, народный кредит и сельское хозяйство. Шаткость этих устоев искривила все здание, по всем его линиям. Вдобавок к этим бедствиям, с введением акцизной системы, явилось право безграничного увеличения кабаков, отчего в течение последних 25 лет более двух миллионов крестьян пропили все принадлежности своего хозяйства и остались без лошадей и коров. Подтверждением этой горькой истины служат подворные описи, сделанные в некоторых губерниях и обнаружившие, что в лучших уездах Рязанской губернии у 1/6 части населения не оказалось ни скота, ни молока для детей. Введение однообразной акцизной системы для сбора дохода с винокурения переместило винокуренное производство на черноземную почву; а это перемещение, уменьшив число сельскохозяйственных винокурен в северных губерниях, повело сельское хозяйство на Севере к уменьшению скота, а землю - к лишению удобрения. Далее, не только северные винокурни, но и южные оказались подавленными влиянием вновь возникших громадных винокуренных заводов, имеющих характер спекулятивно-промышленный. Результат вышел самый плачевный: тысячи помещичьих усадеб разрушились, полевые земли за неимением удобрения остались невспаханными, а владельцы имений, лишенные крова и пищи, пошли скитаться по белу свету. Все эти печальные последствия могли бы не существовать, если бы с уничтожением откупов винокурение было как можно более размельчено, и тогда при каждой винокурне находился бы техник-слесарь, способный для установки и починки земледельческих орудий и машин, введение которых - без средств к ремонту - оказалось неприложимым к делу.

В настоящее время народная жизнь находится в самой гнетущей истоме от ожидания путеводных указаний. Вновь созданные земельные банки - дворянский и крестьянский - неоспоримо будут несколько полезны для тех дворян и крестьян, у которых имеются средства к жизни; но они были бы вполне полезны при взимании самых уменьшенных процентов, не более трех годовых. Впрочем, никакие банки не могут уже пособить ни тому крестьянину, который все пропил, и ни тому мелкопоместному помещику, который все выкупные свидетельства израсходовал на потребности домашней жизни. Быть может, эти слова покажутся преувеличенными и невероятными, но правдивость их подтверждается массой беспомощных людей, которые стучат в двери своих соседей, могущих им что-либо дать. Иные говорят: если пропился какой-нибудь мужик, то и погибай за свою вину. Но так как пропились два миллиона, теперь пропивается третий, а за ним пойдет четвертый, то уже тут нельзя махнуть рукой. Спасая пропившихся, мы спасаем себя, спасаем общий порядок.

В настоящих очерках я вовсе не намерен излагать проект питейного сбора и скажу лишь только то, что будущая система должна обновить помещичье

хозяйство сооружением новых мелких винокурен и изобразить картину, представляющую стада коров, пьющих винокуренную барду, поля с массою удобрения, детей с горшком молока и мясное варево на крестьянском столе; словом, у всех трезвые и веселые лица, кроме кабатчиков, огорченных принятыми к сокращению пьянства мерами.

Мы всегда и во всем стремимся подражать Европе; но не понятно, почему в винокуренном производстве мы не хотим последовать примеру Германии, в которой для поддержки местного винокурения взимание акциза с вина имеет различные правила и размеры, соглашенные с условиями почвы. От этого в Германии на 45 миллионов жителей более 15 тыс. винокурен, а в России на 100 миллионов только 3 тыс., из которых 3/4 находятся на черноземной почве, не требующей удобрения. Исключение из этого положения составляет Остзейский край, который, как не входивший в черту откупной монополии, угнетавшей винокурение, имел возможность, за полстолетия до введения акцизной системы, обзавестись мелкими винокурнями и потом, при посредстве их, образовать громадные картофельные посевы. Полезные последствия мелких винокурен очевидны из следующих сравнительных цифр: Эстляндия имеет 143 завода, с производством 3,5 млн. ведер вина (40°), а Петербургская и Новгородская губернии 20 заводов, с производством 340 тыс. ведер. Эстляндия получает для винокурения со своих полей картофеля ежегодно 7,5 млн. пудов, а губернии Петербургская и Новгородская - только 160 тыс. пудов. Эстляндия, при населении в 350 тыс., по размеру своего винокурения может выкормить бардою ежегодно 35 тыс. быков; Петербургская - только 90, а Новгородская - 2400 голов, при двухмиллионном населении этих губерний, кроме С.-Петербурга! Вследствие этого Остзейский край, за полным удовлетворением себя мясным продовольствием, доставляет ежегодно на Петербургский скотопригонный двор до 10 тыс. быков, а сельское население губерний Петербургской, Новгородской и прочих едва может иметь от собственного хозяйства мясную пищу в дни разговения[5]. Здесь нельзя не заметить, что во всех вопросах по займам и биржевым курсам мы руководимся указаниями заграничных мудрецов, не проявляя никакой своей мысли; в деле же сельскохозяйственном, наоборот, мы не хотим пользоваться полезными примерами Германии. Дело ясно: по займам и курсам являются к нам из-за границы ловкие проводники-пройдохи, а у сельского хозяйства их нет по совершенному отсутствию всякой в том со стороны Германии надобности.

Окончим настоящий провал таким заключением: течение народной жизни не может быть направлено на путь спокойствия и благоденствия никакими иными мерами, кроме полного и верного согласования экономических законоположений с нуждами и потребностями народа. Согласование это можно считать достигнутым только в том случае, если новые законоположения о винокурении и продаже вина доставят каждой усадьбе и каждой крестьянской избе, в особенности в 15 северных губерниях, возможность иметь сытный обед от плодородия своей земли и от мяса своего собственного скота. Все то, что не идет прямо к этой простой цели, идет против удовлетворения насущных потребностей русской жизни.

---

[5] Цифры заимствованы из "Ежегодника министерства финансов", выпуск X, из "Берлинского Вестника о спиртовой промышленности" и из "Известий С - Петербургской городской думы". В.К.

Девятый провал

При существовании крепостного права винокурение было предоставлено только дворянами, и совершенно понятно, что оно, таким образом, составляло необходимую принадлежность сельского помещичьего хозяйства, доставляя скотоводству барду, а полям - удобрение. Но знаменитые они, преследуя идею о равноправности, года через три по введении акцизной системы, нашли нужным сделать право на винокурение общим достоянием и забыли о том или, лучше сказать, вовсе не ведали, что при предоставлении каждому выкуривать хлебное вино, где он пожелает, винокурение сосредоточится только в губерниях черноземной почвы и почти совершенно прекратится в северных губерниях, что и воспоследовало. Этой мерою было отнято последнее сельскохозяйственное значение дворянских имений, и вместо мелких винокурен явились громадные винокуренные заводы в тех местах, где барда вовсе не нужна и где винокурение приняло характер промышленных спекуляций. Таким образом, интересы пашни, скотоводства, рынка по продаже мяса и других сельских продуктов принесены были в жертву ложной идее о винокуренной равноправности.

Но пора бросить общий взгляд на усиленную правительственную работу в течение пяти лет (1861-1866), имевшую по последствиям разрушение помещичьего хозяйства, иначе говоря, разрушение быта десятков тысяч семейств, получивших гораздо более других сословий высшее образование. Воздавая хвалу и вечную благодарность за уничтожение крепостного состояния, нельзя в то же время не признать обязанностью правительства поддержку помещичьего быта, имеющего неоспоримо полезное нравственное влияние на всех соседей, окружающих усадьбы дворян, т.е. на крестьян. Но вместо того, чтобы поддержать эти усадьбы каким-либо новым мероприятием при уничтожении крепостничества, были отняты от них и остальные права: кредит, выборы из среды себя местных администраторов и винокурение; и вдобавок ко всему этому все деревни были наполнены кабаками, в которых рабочий люд пропивал деньги и время, не думая о работе (разумеется, за условленную плату) на бывших помещичьих полях. И все это делалось - для разрушения дворянства - в правительстве, состоящем из одного только дворянства. Не понятно! Никто не поймет, как могло случиться такое лютое самобичевание, что дворяне довели дворян же до такого расстройства, которое заставило их в огромном большинстве бросить свои родные гнезда и идти скитаться по белу свету. Эти скитальцы были насильно, против их воли и желания, вытолкнуты из своих жилищ на путь недовольных, на такой путь, где утраченное понятие о привязанности к отечеству заменяется безнадежностью и отчаянием. Так как в этом разрушительном действии всего более участвовала акцизная система, а потому мы вводим в наше повествование особый отдел о бедствиях, порожденных этой системой.

Бедствия от акцизной питейной системы

Простая народная пословица гласит: у кого что болит, тот о том и говорит. Сознаюсь, что я очень много говорю о мелких сельскохозяйственных винокурнях и даже повторяюсь в изложении причин и обстоятельств, соприкасающихся винокуренному вопросу, но что же делать с болезнью сердца, страдающего

желанием видеть в русском сельском хозяйстве массу мелких винокурен, без которых процветание сельского хозяйства немыслимо. Болезнь мою я не скрываю. У меня нет и не было никакой винокурни, ни большой, ни малой, и я, считая себя чуждым всякого пристрастия в этом деле, действую единственно по внушению моего внутреннего убеждения. На этом основании признаю небесполезным повторить здесь, в извлечении, разные доказательства о необходимости мелких винокурен, выраженные мною в заседаниях С.-Петербургского собрания сельских хозяев. Вот что было сказано, между прочим, в докладе моем 21 октября 1880 г.

Питательная сила, потребная для человеческого организма, лежит в земле, откуда ее возможно извлечь только посредством удобрения почвы, с перепашкою ее хорошими орудиями и с посевом добрых зерновых семян.

Семенных зерен у нас нет; мы их выпили. Слышу выражение удивления, как это могло случиться, что мы выпили зерновые хлеба? Отвечаю: существующая у нас система для сбора акциза с винокурения определила норму выхода вина из каждой четверти хлеба, предоставив право винокуренным заводчикам перекур вина сверх определенных норм обращать в продажу без платежа акциза.

Этот перекур доставил винокуренным заводам следующие премии:

Перекур		Премия
В 1863 г.	1.718.841 ведро безв. спирта по 4 р.	6.875.364 р.
С 1864-1868 г. включ.	13.009.796 ведро безв. спирта по 5 р.	65.048.980 р.
С 1869-1873 г. включ.	18.039.379 ведро безв. спирта по 6 р.	108.236.274 р.
С 1874-1879 г. включ.	20.584.206 ведро безв. спирта по 7 р.	144.089.442 р.
	Итого:	324.250.060 р.

Чтобы достигнуть перекура и получения 324 млн. руб., надобно было на всех винокуренных заводах стараться приобретать только одни лучшие сорта зерновых хлебов для размола их на муку, и, вследствие этого, полные, хорошо провеянные зерна употреблялись не на посев, а в квасильные чаны; для продажи же на рынок поступали низшие сорта зернового хлеба.

Вот каким способом мы выпили зерновые семена, отняв их у земли и, вследствие этой причины, большинство наших полей наполнилось сорными травами.

Если бы 324 млн. перешли из народного капитала к винокуренным заводчикам (по 1887 г. эта сумма, вероятно, составит полмиллиарда рублей), с условием поставить русское земледелие на прочную ногу, т.е. образовать всюду и преимущественно на Севере мелкие винокурни со скотопригонными дворами для откармливания быков, тогда эти миллионы представляли бы возвратный расход, а не награду от казны, выданную как бы за разрушение сельского хозяйства с истреблением зерновых семян. Да, это могло бы быть достигнуто, если бы 324 млн. попали в руки мелких сельскохозяйственных винокуров, но они, по несчастью, захвачены большими спекулятивными винокуренными заводами.

Доказательством того, как угасали у нас существовавшие до 1863 г. мелкие винокуренные заводы и на месте их возникали громадные, не сельскохозяйственные, а спекулятивно-промышленные заводы, служат следующие факты: в 1867 г. было винокуренных заводов в Империи и Царстве Польском 5011,

в 1879 г. их имеется только 2752; но при этом выкурка вина увеличилась на 10 млн. ведер в год, считая в 40% крепости.

Обеспечение земледелия хорошими семенами составляет такую важную потребность, без которой все прочие мероприятия не имеют смысла, и потому винокурение должно поставить в то положение, которое не представляло бы заводчикам интереса похищать от земли лучшие сорта хлебов для помещения их в квасильные чаны. Для уничтожения этого хищения потребно отменить обязательные нормы выхода вина и взимать акциз с того количества, какое у кого выкурится. При этом правиле выйдет обратное действие: все низшие сорта хлебов пойдут на выкурку вина, а лучшие - на рынки для продажи, в пищу и на обсеяние полей[6]. Конечно, на введение этого порядка встретится канцелярское возражение, что акцизной администрации будет труднее следить за учетом винокуренных заводов; но в этом еще нет такой беды, какую представляет потеря зерновых семян. Пусть лучше будет лишний труд акцизной администрации, чем уничтожение лучших сортов хлеба.

После семян вопросом первой важности оказывается удобрение полей, находящееся в зависимости от увеличения скотоводства, которое немыслимо без винокуренной барды, возможной к получению вблизи каждой деревни; но здесь мы опять встречаемся с акцизного системою, которая, имея однообразный во всей России акциз с вина, почти все винокурение северных губерний передвинула в черноземные губернии. Это передвижение произошло вследствие того, что оказалось выгоднее ввозить, положим, из Тамбовской губернии в Новгородскую, хлеб в виде спирта, так как куль хлеба весит девять пудов, а когда он обращен в спирт, тогда вес спирта, извлеченного из этого куля, составляет два пуда 30 фунтов. Выгодность привоза из черноземной полосы в северные губернии спирта, вместо хлеба, была давным-давно известна; но этот привоз графом Канкриным, как вредный для северных полей, был затруднен: он дозволялся каждый раз по особому разрешению министерства финансов и только в случаях неурожая в какой-нибудь северной губернии. Сверх того, северное винокурение, как средство, Дающее удобрение, поддерживалось графом Канкриным искусственно. Поддержка эта выражалась в следующем: во время управления министерством графа Канкрина и до 1863 г., все потребное для северных губерний количество вина заготовлялось посредством казенного распоряжения. Это делалось так: положим, что для Тверской губернии нужно ежегодно 1,5 млн. ведер вина, на поставку 1/3 этого количества назначались торги по запечатанным объявлениям, на которых могли участвовать заводчики черноземных губерний, а 2/3 распределялись пропорционально между местными тверскими заводчиками без торгов с прибавкою этим местным заводчикам 40% к состоявшейся на торгах цене, при производстве их на первую треть.

Если для ограждения северного сельского хозяйства от подрыва его привозным вином следовать примеру Финляндии, то пришлось бы совсем запретить ввоз хлебного вина и спирта. Заметим здесь, что Финляндия не только не впускает к себе хлебного вина, но даже и мяса, чтобы поставить население в необходимость создать себе собственное мясное и винное продовольствие. Вместо

---

[6] В Германии существует закон, воспрещающий хорошие сорта хлебов употреблять на винокурение. В.К.

этой крутой меры нам достаточно обложить дополнительным акцизом (примерно от полушки до одной копейки с градуса) вино, привозимое из черноземных губерний в северные. Одна полушка может быть установлена для губерний сопредельных с черноземного полосой, а копейка - для губерний отдаленных от этой полосы. В таком государстве, как Россия, при разнообразии почвенных и климатических условий, когда в один день, положим в марте, можно в одном конце государства замерзнуть в снежных вьюгах, а в другом - быть убитым молнией, нельзя установить без тяжкого стеснения для народа общие правила в виде однообразного акциза с вина.

Поклонники предвзятых теорий в вопросах экономических не раз засвидетельствовали свою благонамеренность: они искренно желают добра человечеству, но их взгляд основан, к сожалению, на изучении одних лишь иностранных сочинений. Они исследовали Европу; им, как говорится, и книги в руки; но они не видали скудной кладовой русского крестьянина, не бывали в его пустом хлебном амбаре, не подмечали, как в конце зимы раскрывается соломенная крыша для того, чтобы этою гнилою соломою поддержать существование изнемогающего от голода скота; они не осматривали скотных хлевов в апреле, когда коров, истощенных недостатком корма, поднимают кольями, чтобы поставить на ноги и вытолкать в поле. Если бы кто-нибудь из теоретиков потрудился осмотреть все это, то, нет сомнения, при их добросовестности, они сказали бы: "мы изучили прилежно многое, кроме того только, что нам нужно было изучить". Европейские экономические знахари, прежде чем признать за собою право участия в решении вопросов, касающихся общих интересов жизни, исходили пешком: немцы свою Германию, англичане - Великобританию, и перед их мышлением всегда во всей своей величине стояла самая суть дела, т.е. нужды и потребности местного населения.

Если при всей благонамеренности и даже при порывах добрых желаний у нас выходит во многом что-то нескладное и неприложимое к жизни, то причина этому лишь та, что корень нашего мышления по вопросам общего благоустройства происходит не из своей родной почвы. Самый громогласный порицатель нашего сельского хозяйства - степной бык, и об этом быке было где-то сказано мною следующее. Нет надобности доказывать то, что где мало скота, там мало и хлеба и совершенный недостаток в мясе. Мы надеемся в отношении мяса на Донские и другие степи и бездействуем на Севере, вовсе не задавая себе заботы об устройстве нашего экономического положения. Самый громогласный порицатель наших беспорядков относительно винокурения и сельского хозяйства, - это черноморский бык, шагающий 2000 верст с берегов Кубани на берега Невы, чтобы продовольствовать своим мясом петербургских экономистов с предвзятыми теориями. Бык этот может служить верным барометром нашего экономического положения. Когда он будет направлять шаги с Кубани к черноморским портам для ростбифов в Лондон, тогда экономический барометр будет выражать перемену к лучшему; т.е. выражать то, что на Севере имеется уже свое скотоводство; но когда и донской бык направится вместо Невы к Черному морю, тогда барометр покажет "ясно" и тогда мы будем, подобно Эстляндии, иметь свое местное мясо в каждой губернии. Вне этого барометра не существует никаких доказательств нашего сельского благоустройства: как бы мы себя ни превозносили в отчетах и какие бы ни приводили цифры, удостоверяющие наше благополучие, все это будет ложь,

самообман, пока бык своими шагами в обратную сторону, т. е. к Черному морю, не засвидетельствует нашу экономическую зрелость.

Вредоносность вводимых в жизнь систем, без соглашения их с практикою, состоит главнейше в том, что системы эти своим однообразием, вроде одинакового акциза с вина для всей России, гнетут народную жизнь, требующую для экономического успеха различия в правилах, чтобы, например, для Вологды было сделано то, что ей потребно, а для Воронежа не делалось бы того, что полезно одной только Вологде. Если кому-нибудь из числа теоретических попечителей о наших нуждах придется проехать по Выборгской губернии, то просим их обратить внимание на тамошнее винокурение, породу скота, равно как на цену мяса, и убедиться в том, что благоустройство сельского быта достигнуто там только тем, что, при обсуждении сельскохозяйственных вопросов, решающие лица руководились соображениями местных жителей, не стесняясь никакими учеными мнениями. В противоположность этому, при проезде по Николаевской железной дороге чрез Любань, просим обратить внимание на разрушенный, недействующий винокуренный завод г. Стобеуса, находящийся возле самой станции с правой стороны дороги, по пути из Петербурга в Москву.

Если бы завод г. Стобеуса не был поставлен в бездейственное положение влиянием акцизной системы, установившей однообразный акциз для всей России, то завод этот откармливал бы на барде не только то количество быков, какое нужно для Любани, но уделял бы часть мяса и для петербургского рынка; а теперь наоборот: Петербург снабжает мясом, привозимым в него из степных местностей, не только Любань, но и ближайшие к ней станции Николаевской железной дороги: Чудово, Вишеру, Окуловку и другие, между ними лежащие, что ясно выражает, что пространство, облегающее Николаевскую железную дорогу, представляет собою голодную пустыню, по случаю отсутствия барды и скотоводства.

Мы указали на завод Стобеуса потому, что его видно из вагона; но есть тысячи подобных разрушенных заводов в северной полосе России, ниоткуда не видных. Разрушение это подорвало все наше северное земледелие: на пахотной земле не оказалось удобрения, а на столе крестьянской избы - полезного питания.

Выше этого мы указывали на процветание сельского хозяйства в Остзейских губерниях, достигнутое устройством мелких винокурен. Нам на это говорят: что же мешает нашим северным губерниям заводить у себя мелкие винокурни? Ведь подрыв со стороны черноземной полосы не вредит Остзейским губерниям, куда вино каждый может привозить; так почему же этот подрыв так страшен в северных губерниях?

Вот ответ: Остзейские губернии начали устройство мелких винокурен и картофельные посевы семьдесят лет назад. До 1863 г., пока существовала откупная система, ни капли вина не могло быть привозимо из России в Остзейский край, и в это-то время образовались там сельскохозяйственные винокурни и картофельные посевы в полном размере, соответствующем объему местного сельского хозяйства.

Нельзя не пожалеть, что акцизная система, имеющая очевидные преимущества пред стеснительною системою откупа, система, развившая у нас водочное и пивоваренное производства и доставившая лучшую очистку вина, не была согласована с интересами земледелия. Откуп был тягостен для народного кармана, акцизная система истощила и обессилила почвенную силу северных губерний и вообще у всей России отняла и истребила зерновые семена.

Извлечение из доклада 1 ноября 1883 г.

Прошло три года с того времени, как я докладывал вопрос о невозможности ведения правильного сельского хозяйства вообще в России и в особенности в северных губерниях, без устройства мелких сельскохозяйственных винокурен. Ныне вопрос этот хотя и не вступил еще в права гражданства, но можно выразиться так, что он приближается к пути признания в нем необходимой основы благоустройства сельского хозяйства. В этом заключении нас убеждают отзывы сельскохозяйственных обществ, взгляды той части русской печати, которая серьезно относится к потребностям русской жизни, мнения многих господ землевладельцев, внимательно ведущих сельское хозяйство, и, наконец, та сочувственность к образованию мелких винокурен, которая выразилась в министерстве финансов желанием ознакомиться с подробностями этого вопроса, последствием чего образовалось и наше сегодняшнее заседание. Мы вправе сказать, что зерно показало первоначальный росток, и если при дальнейшем его росте оно будет защищено от бурь и непогод, то мы, быть может, доживем до полных всходов[7].

Бури эти, без сомнения, подуют из канцелярских сфер, порождаемые страхом и опасением, что всякое коренное преобразование в системе питейного сбора может уменьшить питейный доход.

Придавая, с нашей стороны, полнейшую важность не только сохранению питейного дохода в существующей цифре, но и признавая необходимость в дальнейшем его росте ввиду возрастающих потребностей государства, мы полагаем, что сохранность дохода зависит не от системы сбора его, а от самого потребления вина и от добросовестности лиц, наблюдающих за поступлением питейного сбора.

Здесь совершенно кстати будет сказать несколько слов о тех лицах, посредством которых собирается ежегодно более 200 млн. рублей акциза с вина, т.е., прямо говоря, об управляющих акцизными сборами. Все эти лица выражают в своих действиях полнейшую заботливость и честность. Самый переход от откупной системы к акцизной совершен ими без всяких затруднений и колебаний, доходы казны с первого же года стали увеличиваться и до сих пор продолжают постоянно возрастать. Затем, на всем пространстве России нигде не было никаких случаев хищения, и все мы, русские люди, вправе гордиться таким надежным составом главных акцизных деятелей, собранным не по формулярным спискам, а по предусмотрительному выбору, сделанному К.К. Гротом. С таким акцизным персоналом можно идти смело на всякое преобразование в сборе питейного дохода.

---

[7] Надежда эта оказалась напрасною. Никаких новых ростков не вышло, система осталась та же с накидкою на нее разных заплат, а все бывшие совещания и рассуждения были затеяны с предрешением не делать никаких коренных изменений; следовательно, характер совещаний изобразился в одном лишь бесполезном многоглаголании; короче сказать, вышло водотолчение и пустоцвет, так что после 1883 г. прошло еще три года, а сельское хозяйство все еще находится без барды, а поля без удобрения. В.К..

После сказанных мною слов я вправе ожидать замечания, вроде следующего: почему же, при отличном составе акцизных управляющих, помещичьи хозяйства, основанные на винокурении, рушились, семейства многих мелкопоместных помещиков, лишенных крова и хлеба, перешли в стан недовольных, а в деревнях и селениях появились массы пропившихся крестьян? На это ответ следующий: бедствия произошли от свойства системы, которая, будучи растением чужеядным, ни к чему иному не могла привести, как к экономической погибели; но это нисколько не уменьшает значения честного труда исполнителей, которые, не имея ни права, ни силы изменить основы системы, старались единственно о целости казенного дохода.

Но чего же недоставало в акцизной системе? Система эта пришла к нам из Европы, где она существует, не только не вредя сельскому хозяйству, но даже содействуя его развитию; а у нас вышло совершенно наоборот. Спрашивается: чего же у нас недоставало? Англия представляет собою высшее развитие сельского хозяйства при акцизной системе, и Германия то же самое; но у нас вредоносность системы, очевидно, произошла от того, что чего-то недоставало.

Да, недоставало безделицы - землеведения и народознания; недоставало знакомства с народными нуждами и потребностями. Мы Россию принимали, подобно Англии и Германии, за государство, тогда как Россия вовсе не государство, а вселенная. Разве есть другое на земном шаре подобное России пространство под одним скипетром, в котором, в один день, на одном конце можно замерзнуть, а на другом быть убитым грозой, в котором на одном конце живут белые медведи, а на другом расхаживают тигры, в котором на одном конце никогда не оттаивает земля, а на другом зреет виноград. И вот, когда эту вселенную, имеющую между белыми медведями и тиграми различные климатические и почвенные условия, нарядили в кафтан однообразной акцизной системы, то очень понятно, что при первом вздохе вселенной чужой узкий кафтан по всем швам лопнул, и мы очутились в разодранной одежде. Итак, в основе акцизной системы оказался пробел, заключающийся в том, что не было принято в соображение значение России, ее величина, разновидность климатических и почвенных условии, словом, все особенности России против других государств.

Германия не Россия, у Германии различие в климате и почве не так резко, как у нас; но и там существуют три системы питейного сбора, соглашенные с интересами каждой местности и ограждающие Восточную Пруссию, как более бедную часть государства, от подрыва ее со стороны винокурения в Баварии.

У нас не было этой дальнозоркости, и мы отдали все наши 15 северных холоднопочвенных губерний в подрыв винокурению, развившемуся с 1863 г. в черноземной полосе. Мы отняли у северной почвы удобрение и возможность откармливать скот и переместили скопление удобрении туда, где оно не нужно. Вот лохмотья, появившиеся на надетом на нас чужом кафтане, лохмотья, искалечившие жизнь многих тысяч семейств.

Неоспоримая польза мелких винокурен для сельского хозяйства ясно доказана размножением их в Остзейских губерниях.

Постоянно слышится возражение: кто же мешает в Петербургской и Новгородской губерниях завести мелкие винокурни? В сотый раз мне приходится на это отвечать, что мешает привозное из черноземных губерний вино, с которым не может конкурировать северное винокурение. Но возражатели простирают свои

слова далее, говоря: почему же черноземное вино не подавляет своим привозом Эстляндию? Отвечаем: каждый торговец, кто бы решился привезти вино - положим из Тамбова в Дерпт - не найдет там никакого пункта для продажи его, так как ему не дадут права на открытие места продажи. Финляндия еще строже относится к этому делу: туда вовсе не дозволен ввоз хлебного вина и спирта. Одного сочувствия к устройству мелких винокурен недостаточно: их и теперь никто не запрещает строить; но они не могут возникнуть по невыгодности винокурения в северных губерниях. Надобно придать сельскохозяйственному винокурению доходность, и тогда мелкие винокурни быстро образуются. Доходность эта может быть усвоена или запретом привоза из черноземной полосы, или различными акцизами. Я останавливался на такой мысли, чтобы при существовании однообразного акциза выдавать, по окончании винокуренного года, часть этого акциза мелким винокурням обратно; но чтобы эта выдача не уменьшала ныне получаемый казною доход, то самый акциз возвысить на 1 коп. с градуса. Этою мерою можно бы было урегулировать интересы винокурения; но впоследствии явилась другая мысль, изложенная в передовых статьях "Московских Ведомостей", о заготовлении всего потребного количества вина правительственным распоряжением, и я, стремясь к согласованию винокурения с интересами земли и народа, без всякого пристрастия к собственным взглядам, нахожу, что означенный способ еще вернее обеспечивает возрождение мелких винокурен и представляет, без всякой пестроты в акцизах, полную возможность сделать винокурение повсеместно прибыльным, следовательно и Дающим возможность к увеличению скота и удобрению полей.

Говоря о вопросах экономических, следует проникнуться сильным сердечным стремлением к тому, чтобы горькое ощущение переживаемой нами постыдной приниженности, выражающейся в постоянном подражании чужеземному строю экономической жизни, заменилось новым всенародным чувством, ободряющим и одушевляющим наш дух, чувством государственно-народной гордости, основанной на успехах самосознательных мероприятий, и чтобы в то же время канцелярская самонадеянность покаялась в своих заблуждениях и освежила свои мысли духом смиренномудрия, способного почерпать законодательные ведения не из архивной пыли, а из живого источника жизненной струи, и тогда населяемая нами вселенная получит твердую способность встать на свои ноги и показать свой исполинский рост во всей его величине. Поспешим же эту способность засвидетельствовать в глазах всех обновлением и улучшением нашего сельского хозяйства, без которого мы не войдем в обетованную землю благоустройства. Но как только мы будем стоять на твердой почве экономического развития и будем руководиться во всех других своих действиях духом смиренномудрия, тогда нет силы, могущей сломить нашу силу. О, какое высокое положение, не проявляя никакой грубой силы, достигнуть всесветного сознания в том, что нашей силе нет ни конца, ни предела! Многим покажется, что я свернул в сторону со своей дороги, заговорив о государственно-народной силе при вопросе о мелких винокурнях. Нет, я на своей дороге. В течение настоящего столетия мы неоднократно видели, что сила крепостей и армий подвергалась поражению, а на стороне непобедимости были силы духа и мускульной крепости, и они-то стояли, как неприступная твердыня; но орудия этой

твердыни невозможно укрепить без домашнего довольства (пирога и мясных щей), недостижимого при существующей ныне акцизной системе.

Во время крепостного права бывали редкие случаи отобрания у крестьян части удобрения на господские поля и части скота на господский двор, и от этого неизбежно страдали только отдельные крестьянские хозяйства; а со времени введения акцизной системы вся русская земля оказалась в отношении сельского хозяйства в крепостной акцизной зависимости, так как прекращение мелкого винокурения, последовавшее от однообразия акциза, отняло у скота барду, у крестьян – скот, а у полей - удобрение и, в добавок к этому, раскинутая по всей России сеть беспредельного количества кабаков уловила в них последние гроши, извратив, притом, развитием пьянства семейный быт и добрую нравственность. Эта взгляды и убеждения разделяются всеми; ибо горькие последствия пьянства очевидно выражаются на сельском хозяйстве землевладельцев, на производствах фабричных и заводских работ и на быте крестьян. После этого возможно ли такую вредоносную систему штопать какими-то заплатами в виде прибавления к ней новых параграфов? Такое штопанье при общем сознании бедствий, наносимых системою, выразило бы в нас, по меньшей мере, бесполезных говорунов; скажу более, выразило бы предательство, исполненное преступного бесчувствия и возмутительного хладнокровия. Да не будет так! Да не падет на нас этот позор! Те стенания, которые слышатся из каждой деревни о пропойстве, и те лишения холоднопочвенных губерний барды и удобрения, которые отняли у взрослых питание, а у детей молоко, должны нас подвинуть к решительному слову, т.е. к тому, что вся действующая акцизная система, с бесчисленными к ее уставу циркулярными дополнениями, не стоит никакой починки и должна быть сдана в архив вечного забвения; взамен же ее должна явиться система, соглашенная с интересами земли и народа, и согласование это должно выразиться фактически в согревании почвы северных полей удобрением и в появлении в крестьянской избе мясного приварка, доказывающего увеличение домашнего скота.

В заключение всего сказанного, считаю необходимым очертить желаемую картину со следующими видами.

На первом плане распаханные и удобренные поля северных губерний и выгоны с большим количеством скота, а на крестьянском столе - пропеченный хлеб, без примеси мякины, и мясное варево. То и другое может быть выражено избытком винокуренной барды, правильно по всему государству распространенной, и прекращением повсюду распивочной продажи вина, могущим отрезвить голову крестьянина и направить его мысли к семейному очагу, а руки к земледельческому труду.

На втором плане - несколько тысяч сельскохозяйственных помещичьих усадеб с водворившимися в них семействами, наслаждающимися блага-Ми полного сельского довольства.

На третьем плане - погружаемый в корабли хлебный спирт для отправки его за границу, выкуренный на промышленных больших заводах и отправляемый в увеличенном против нынешнего количества размере, вследствие установления облегченных для вывоза спирта правил.

Далее виден довольный своим обеспеченным положением заслуженный солдат, нашедший себе хлеб и приют при продаже вина в казенной винной лавке.

Фон картины освещается значительным улучшением биржевого курса, происходящим от правильной постановки питейного сбора, вывоза спирта за границу и от развития общего сельского благоустройства.

Затем в этой картине является только одно теневое место - это плачущий нынешний кабатчик.

Все вышеизложенные соображения о винокурении заключим знаменательными словами графа Канкрина, сказанными в сороковых годах. "Меня упрекают", - сказал граф, - "за то, что северным винокурам я прибавляю несколько миллионов рублей в год против цен, назначаемых заводчикам черноземной полосы. Это говорит незнание дела: ведь я делаю прибавку не заводчикам, а земле, чтобы не оставить ее без удобрения, а иначе содержание массы нищих будет стоить гораздо дороже этой прибавки".

Ныне уже исполнилось 25 лет с того времени, как государственная дальнозоркость графа Канкрина выразилась, к несчастью, на самой жизни, но мы, убедившись на опыте во вредных последствиях акцизной системы, продолжаем жить с этим злом 1/4 столетия (считая с 63 г.), не думая напрягать наше внимание на способы к устранению бедствий.

Еще одно слово. Заниматься в настоящее время рассуждениями о штопанье разных параграфов пагубной акцизной системы и придумывать к ней различные заплаты - значило бы не понимать важности переживаемого нами экономического расстройства. Повторим сказанное. Мы ни на минуту не должны отрешаться от мысли, что течение народной жизни не может быть направлено на путь спокойствия и благоденствия никакими иными мерами, кроме согласования экономических законоположений с нуждами и потребностями земли и народа.

Всякое собрание, со всеми его рассуждениями, минующее вышеизложенные цели и обсуждающее какие-то новые параграфы, изображает из себя бесполезное и утомительное водотолчение. Будем откровенны и скажем прямо: водотолчение это уже давно всех утомило и всем надоело, потому что многими опытами и десятками минувших лет доказано, что оно не имеет не только никакой жизненной силы, но, составляя напрасную трату времени, всегда порождает законопроекты, угнетающие народную жизнь.

В самом начале этих воспоминаний было сказано, что если бы не существовало у нас пережитых нами экономических провалов, то Россия по своему внутреннему богатству стояла бы на первой степени европейской финансовой силы. Теперь, сосредоточившись на девяти описанных мною провалах, дозволяю себе сказать гораздо сильнее, а именно: если бы этих провалов не было, Россия владела бы, на правах полного хозяина, денежным рынком всей Европы, т.е. была бы тем, чем подобает ей быть по ее народонаселению и объему русской земли.

Представим себе, хотя мысленно, то великое значение, которое нам было, так сказать, на роду написано и неоднократно указываемо русской народной мыслью и которого мы непременно бы достигли, если бы обновляли экономическую жизнь нововведениями, заимствованными прямо от жизни, не сбиваясь с действительного пути на какой-то извращенный путь, т. е.:

— если бы мы жили на медную гривну, а не на серебряный рубль, развивший в нас вредную похоть к расходам;

— если бы мы избежали Крымской войны, предотвратив ее сооружением в 40-50 годах железной дороги из Москвы к Черному морю;

— если бы мы не надевали насильно на крестьянское и рабочее население линючей и непрочной ситцевой ткани и, вместо платежа денег за хлопок, направили бы эти деньги не за границу, а в избу земледельца за домашний лен;

— если бы мы не омертвили Сибирский тракт разрешением ввозить чай по западной границе и продолжали бы получать этот чай в Кяхте, посредством размена его на произведения наших фабрик, не расходуя на покупку чая монеты;

— если бы мы, в 1857 г., вместо сооружения Варшавской дороги, начали нашу железнодорожную сеть с замосковных дорог и сберегли тем сотни миллионов, потраченных за границей по случаю обесценения наших бумаг;

— если бы мы, не слушая внушений пресловутых они, не уничтожали бы опекунских советов и не разоряли бы землевладельцев лишением кредита;

— если бы мы, прежде приступа к сооружению железных дорог, образовали у себя рельсовые, локомотивные и другие заводы, нужные для железнодорожного дела, и не бегали бы за каждой гайкой за границу;

— если бы мы однообразием акциза с вина не убили бы сельскохозяйственного винокурения и безграничным открытием кабаков не спаивали бы народа;

— если бы мы не ослабили в дворянских имениях сельскохозяйственного винокурения посредством данного права всем сословиям устраивать спекулятивно-винокуренные заводы, и т. д. и т. д.

Подводя итог всеем этим если, интересно знать, какою бы цифрою потерь он выразился? Совершенно безошибочно будет сказать, что итог этот, когда бы можно было его сосчитать в цифрах, оказался бы слишком вдесятеро против той контрибуции, которую взяла Германия с побеждённой ею Франции в 1870 г.

Вот куда ушло богатство России, вот отчего образовалось наше обнищание!

Десятый провал

Описываемый провал, получив свое начало прежде 1856 г., продолжает и доныне угнетать нашу жизнь самыми разрушительными последствиями. Он состоит в том, что знаменитые они как будто сговорились с нашими западными завистниками и стали соединенными силами, в речах, в печати и, наконец, в государственных воззрениях, проводить идею, придавая ей значение какого-то догмата, о невозможности верховной власти разрешать - без потрясения финансов - печатание беспроцентных денежных бумажных знаков на какие бы то ни было производительные и общеполезные государственные потребности. Известно, что в основании этой проповеди лежало в Европе желание ограничить силу власти и поставить ей в денежном вопросе известную преграду для предотвращения войны, чего на деле достигнуто не было: потому что во время военных действий всякие ограничения исчезали и выпуск бумажных денег появлялся в том количестве, какое необходимо было для покрытия военных издержек. Мы видели, что вышеозначенное научное правило не могло задержать и у нас появления бумажных знаков ни в Крымскую, ни в Восточную войны; но потом, по водворении мира и спокойствия, безусловное соблюдение этого правила ложилось на народную жизнь самым угнетающим образом.

Для выяснения всех гибельных последствий этого провала необходимо войти в многостороннее обсуждение всех причин и обстоятельств, низвергнувших нас в глубокую пропасть безвыходных затруднений.

После Крымской войны мы никак не решались строить железные дороги на беспроцентные бумажные деньги, несмотря на то, что народная жизнь принимала их в полном рубле и с полным доверием, и мы бы могли платить этими деньгами за все земляные, каменные, плотничные и т. п. работы. Мы бы могли на эти деньги построить дома, у себя, все нужные для железнодорожного дела заводы; но мы, неизвестно зачем и почему, не решались отступить от исполнения чужеземного догмата, вовсе не подходящего к образу всероссийского правления, и всецело подчинились указаниям заграничных экономических сочинений. Мы имели ложную боязнь, что при значительном выпуске бумажек наш рубль сильно упадет, и потому пустили в ход на иностранные биржи наши векселя с 5% интересов, т. е. облигации железных дорог и других займов, и отдавали их с уступкою более 30%. Что же вышло? Наш рубль все-таки упал на 40%. Если бы это падение случилось (при постройке железнодорожной сети, без займов, посредством беспроцентных бумаг) даже более чем на 40%, то наше положение было бы в тысячу раз лучше теперешнего, потому что мы не были бы угнетены долгами и не были бы обязаны платить ежегодно 260 млн. процентов за сделанные займы. Теперь, не достигнув поддержки ценности рубля, мы взвалили на народную спину такой долг по платежу процентов, который поглощает целую треть из общего итога государственных приходов, упадая ежегодно в размере около 8 рублей на каждое взрослое мужское лицо. Вот вам и теория, вот вам и плоды каких-то иностранных учений и книжек! Такое великое умопомрачение только и можно объяснить тем, что если Бог захочет наказать, то отнимет у людей ум. Самый простой поселянин понимает, что беспроцентный долг легче, чем требующий уплаты процентов, и притом еще долг заграничный с такими тяжелыми условиями, чтобы уплачивать его металлическими деньгами по векселям (облигации), проданным со скидкою 20

или 30% и с ответственностью за курс не при займе существовавший, а за курс того дня, в который будет произведен платеж. Итак, извольте-ка теперь тянуть лямку платежей, в которую запряжена русская жизнь лжемудрою теорией на целые полвека, без всякого с ее стороны ведома. Займы такого губительного свойства можно сравнить только с займами некоторых прапорщиков прежнего времени, которые проматывали состояние своих отцов и тем казнили сами себя, а наши заграничные займы казнят всех нас, с мала до велика.

Нет, нельзя допустить такой мысли, чтобы деятели, создавшие означенную кабалу, уже до такой степени были непрозорливы, что не сознавали вредных и совершенно очевидных последствий своих действий. Тут лежало другое руководящее воззрение, и мы попробуем подойти к раскрытию его.

Все то, что было отяготительно русскому правительству и народу, было желательно Европе, потому что всякое наше оскудение усиливало европейское влияние на Россию. Европа постигала, что верноподданная Россия, преданная в глубине души безусловному исполнению царской воли, всегда готова двинуться всюду, по первому с высоты престола мановению; а дабы положить этой силе преграды и затруднения, надобно было сверх других экономических козней связать нам руки, т. е. подчинить правилу, что, вместо простых денежных знаков, можно выпускать только процентные бумаги с продажей их на европейских биржах, дабы этим способом постепенно вовлекать нас в неоплатные долги, а верховной русской власти противопоставить власть Ротшильдов и других заправителей биржевого курса и сделать из этого курса политический и финансовый барометр для определения русской силы; показания же барометра заимствовать из бюллетеней иностранных бирж, находящихся в распоряжении противников нашего преуспеяния. В этой интриге они явились горячими пособниками, затрудняя царскую мысль и волю во всех ее стремлениях к созиданию русского благоустройства на свои домашние средства; словом, они возродили власть принципов и подчинили им боготворимую русским народом его исконную святыню.

Свершилось! Мы разорились, обеднели и погрязли в неоплатных долгах, а влияние Европы стало нас придавливать самою ужасною тяжестью - тяжестью благоволения. И пошла русская жизнь, кое-как путаясь с нога на ногу, с поддержкою ее милостивыми благодеяниями европейских банкиров, которые до того вошли во вкус порабощения нас своей денежной силе, от нас же ими заимствованной, во все время всех предыдущих провалов с 1837 г., что при последних займах, как было это слышно, требовали уже обязательств от русского правительства о невыпуске денежных беспроцентных бумаг. Как ни тяжело наше настоящее положение, но если бы мы могли, наконец, сказать сами себе, что обеднение наше раскрыло нам глаза и дало истинное понятие о всех наших провалах и, главное, о причинах, их породивших, тогда бы русская земля нашла в себе средства к выходу из всех окружающих ее затруднений. "Спасение наше дома, в своей земле" (слова М.П. Погодина). И кто ведает непостижимые судьбы Всевышнего? Кто знает, что переживаемое нами угнетение не есть ли путь к нашему вразумлению и возрождению, путь к переходу в ту светлую область соединения мудрой царской воли с народным смыслом, где уже никакие они не будут в силах вносить в народную жизнь ядовитых измышлений?

Следовало бы, прежде чем придти к мысли о невозможности печатать беспроцентные бумажные деньги, определить, сколько для всей русской жизни нужно вообще денег, чтобы можно было расплачиваться ежедневно за труд рабочих по сельскому хозяйству и фабричному производству и т. д.; потому что при неимении монеты, исчезнувшей по случаю прежде изложенных провалов и предательских тарифов, надобно, чтобы были, по крайней мере, в потребном количестве бумажные знаки ценности. Затем следовало бы принять в соображение наши расстояния, например: Кавказ - Архангельск, Иркутск - С.-Петербург, Москва - Ташкент, Варшава - Амур и т. д. У нас никакого исчисления по этому основному вопросу еще никем не сделано, и мы сами не знаем, много или мало у нас денежных знаков, и скорее надобно думать, что их мало, по тем затруднениям, какие повсюду встречаются в денежных расчетах. Безусловные поклонники чужеземных правил, не входя ни в какие подробности и не исчислив размера нужного для крайних надобностей количества денег, громогласно вопиют на всякие лады о невозможности выпуска бумажных знаков, для какого бы общеполезного и выгодного государственного дела они ни понадобились. Голоса эти слышатся с 1856 г., после которого к России присоединились умиротворенный Кавказ и затем Амур, Ташкент, Каре и Батум, породившие новую потребность в оборотных денежных средствах. Но финансисты ничему этому не внемлют, ничего знать не хотят и продолжают петь свою песню и единично, и хором, в домах, в комитетах и на распутьях. В период времени от 1860 до 1875 г., все стояли за невозможность выпуска, и даже самые патриотические люди, Ф.В. Чижов и И.К. Бабст, принадлежали к этому же воззрению, и в целой России, в обществе и печати, раздавались только три голоса, желавшие для постройки железных дорог появления беспроцентных железнодорожных бумаг, вместо разорительных процентных займов за границею. Это были М.П. Погодин, А.П. Шипов и АА. Пороховщиков; но их за этот взгляд называли не только отсталыми, но и юродивыми.

Здесь кстати будет рассказать следующее событие. Чижов и Бабст начали издавать в 60-х годах "Вестник промышленности"; имена их были настолько звучны, что редакция журнала "Экономист", издающегося в Брюсселе, обратилась к ним с просьбою о присылке в Брюссель молодого человека, знающего русский и французский языки, для перевода статей из "Вестника промышленности" в бельгийский экономический журнал, каковая просьба и была удовлетворена. Через год после этого Чижову пришлось быть в Брюсселе и посетить редакцию "Экономиста", где обратились к нему, как он мне рассказывал, с просьбою взять от них обратно русского юношу. На вопрос Чижова, почему этот юноша им не нравится, отвечали, что юноша очень хорош, но что экономические статьи "Вестника промышленности" не заслуживают перевода на французский язык, потому что в них нет ничего своего, доказывающего силу русского самовозрождения, и все вертится около давно известных европейских взглядов, во многом уже отживших свой век. Вот какой взгляд выразила западно-экономическая литература на те иностранные воззрения, пред которыми мы раболепно преклонялись.

Если бы мы построили железные дороги на свои бумажные деньги и не состояли в обязанности никому платить процентов, то разве бы не могли ежегодно обращать чистый доход от дорог на погашение выпущенных бумаг и тем самым

производить изъятие их из обращения? Изъятие это совершилось бы гораздо скорее, чем теперешние погашения заграничных займов, потому что не было бы надобности оплачивать потери реализации и биржевого курса, равно и процентов по займам. Да, мы могли бы спасти себя от задолженности; но мы хотели в глазах Европы быть ее покорными учениками, мы считали это за особую честь и не смели заикнуться о выходе на свой собственный путь, предпочитая лучше увязнуть по самое горло в долгах и завязить в эти долги несколько будущих поколений, лишь бы только Европа признавала нас достойными своей приязни. Сыграв таким образом, что называется, в дурачки, мы не приобрели ни малейшей привязанности к себе со стороны Европы, как это показали последствия. Скажем несколько слов вроде азбучных прописей: привязанность составляет плод уважения, а уважение принадлежит только тому, в ком видят самостоятельность мысли и действия.

Мнимая необходимость делать заграничные займы объяснялась, между прочим, мнимым человеколюбием, дабы народ, при выпуске домашних бумаг, не имел убытка от падения цены русского рубля, до чего, впрочем, народу нет никакого дела, потому что он за границу не ездит и с курсом никакой связи не имеет, а между тем теперь вся тягость по уплате внешних займов упала на народную жизнь в виде многоразличных новых налогов, возникших в последнее время. Кроме вышесказанных причин, действиями наших финансистов руководило желание изобразить из себя единственных и необходимых людей, знающих какую-то финансовую науку, которой якобы никто, кроме них, не знает.

Напущенный на нас туман под вымыслом науки со всею его запутанностью заставляет многих предполагать, что финансисты уподобляются алхимикам, знающим секрет философского камня, и что поэтому надобно во всем подчиниться их воззрениям, а камень этот, в то время, пока мы еще не погрязли в заграничных долгах, был самый простой: приход, расход, с устранением всего излишнею и ненужного, а затем остаток или недостаток, с покрытием последнего пропорциональною на всех раскладкою, сообразно средствам каждого. Хотя эта раскладка далеко не составила бы и половины той суммы, которую теперь надобно платить народонаселению по заграничным займам, но разве можно было такую простую мысль вдолбить в головы финансистов, зараженных каким-то высшим европейским прогрессом!

Между этим простым, так сказать, мужицким взглядом и якобы научным воззрением финансистов существует непроходимая пропасть, такая бездна, что с одного берега на другой никогда нельзя докричаться. Сколько раз случалось, что на одном берегу ревут от пропойства по причине безграничного открытия кабаков, а на другом радуются возвышению дохода от питейного сбора; на одном берегу пустеют тысячи помещичьих усадеб от закрытия мелких винокуренных заводов, гибнет скотоводство, производя разрушение сельских хозяйств от недостатка удобрения, вследствие чего семейства помещиков лишаются крова и средств к жизни, а на другом берегу, для снискания благоволения Европы, Перрейры и Уайненсы получают миллионы от русской, благодетельной для них, казны и т. д.

Но, обращаясь опять к тому же непременному желанию финансистов прибегать к заграничным займам, нельзя умолчать, что правило, не допускающее выпуска бумажных денег, образовало, наконец, целую секту своих последователей: к нему пристали все биржевики, усматривая в операциях по займам наживу, и все, желавшие заявить себя европейцами.

Ввиду весьма вероятного возражения со стороны секты, вроде того, что печатание денежных знаков, если раз оно допущено, не будет иметь предела, на котором бы могло остановиться, и что тогда все денежные обороты могут подвергаться сильному колебанию, - допустим, что это замечание полновесно; но справедливость его не представляется безусловною, потому что потребные для сооружения железных дорог и вообще для образования производительных предприятий знаки ценности могли бы быть выпущены не как деньги, а как бумаги от Государственного банка на известный срок, с определенным погашением их. Никто не станет утверждать, что возможно печатать столько денежных знаков, сколько бы ни вздумалось (мы этого и не говорим), но тем более нельзя занимать на счет народа за границей, когда сам народ с полным доверием и желанием готов за свои домашние беспроцентные денежные знаки ценности кредитовать правительство своим трудом во всех видах этого труда. Перейдем к примеру, если бы мы, при начале сооружения железных дорог, выстроили на свои средства, положим, 500 верст и выпустили бы на этот предмет примерно на 40 млн. рублей денежных знаков, то неужели бы от этого наш рубль за границей упал на 45%, как это случилось теперь? Будем разъяснять далее. Употребив 40 млн. на означенные 500 верст и доказав посредством гласных отчетов, что эта сумма приносит доход, мы бы могли такое предприятие, созданное доверием народа к правительству, выразить в облигациях, с обращением их в продажу за границей без всякой уступки из нарицательной цены облигаций. Таким образом, доверие народа к царским денежным знакам исполнило бы свою полезную финансовую службу для блага отечества гораздо выгоднее жадных к наживе иностранных капиталистов. При этом самая продажа бумаг, представляющих собою уже не проект сооружения какой-либо железнодорожной линии, а действительно существующее доходное имущество, была бы совершаема без того унижения, которое переживала Россия, делая скидку 30% с рубля при продаже облигаций еще только предположенных к устройству дорог. Само собою разумеется, что продажа за границей железнодорожных бумаг, выражающих уже устроенное предприятие, доставила бы нам наличные деньги, которые образовали бы верное и скорое средство к изъятию из обращения выпущенных нами бумажных знаков. После такой первой операции мы бы приступили к сооружению вторых 500 или 1000 верст на том же основании, и точно так же, изобразив эти вторые дороги в новых бумагах, продали бы их за границей без всякого труда; потому что там существует, по случаю избытка капиталов, постоянное стремление к приобретению верных 5% бумаг по цене гораздо высшей их нарицательной стоимости. При такой системе действий не мы бы обивали пороги у банкиров, а они бы стучались в наши двери; они бы искали возможности приобрести наш интересный товар, следовательно наше финансовое и политическое значение не носило бы на себе характера убожества и бедности. Идя таким разумным путем согласования государственных потребностей с доверием народа, государство росло бы силою взаимного действия вместе с народом, и мы получили бы за все наши железные дороги наличные деньги, приток которых поддержал бы наш курс гораздо вернее, чем злополучный размен золота, в количестве ста миллионов, бывший, кажется, в 1863 г., на наши кредитные билеты. Все это золото ушло за границу, а на русской жизни образовалась одна лишь насильственно наложенная на нее тягость по уплате сделанного для этой операции займа.

Означенный размен существовал более шести месяцев, и никто из русских капиталистов не заявил желания воспользоваться променом кредитных билетов на золото, которое приобреталось одними лишь биржевиками и опять уходило за границу. Странно то, что этот очевидный пример не убедил наших финансистов в полном доверии русского народа к денежным знакам правительства, и они по прежнему упорно стояли на своей мысли о невозможности выпуска беспроцентных бумаг. Во время этого размена финансисты проповедовали нам какое-то экономическое зловерие в таком роде, что золото подобно воде распределяется между всеми государствами, так сказать, ватерпасно, и если сегодня от нас оно сделало отлив, то оттуда, где в нем почувствуется избыток, оно обратно потечет к прежнему исходному пункту, но на деле оказалось совсем не то; мы более четверти века напрасно ждали обратного прилива и убедились в том, что события оправдали вполне русскую пословицу: что с возу упало, то пропало.

Возвращаясь к тому, что дороги, выстроенные на свои денежные знаки, стоили бы гораздо дешевле, потому что на ценность их не упали бы уступка 30% с рубля при реализации и проценты, платимые со дня выпуска облигаций, нельзя не вспомнить того, что простой механизм сооружения дорог на свои средства был отброшен и осмеян финансистами потому только, что в их головы внедрилось непреклонное упрямство не допускать действий, основанных на возможности самовозрождения, и в силу этого разрушительного мнения дело было до того осложнено чужеземными теориями, что перед глазами властных лиц стоял какой-то идол европейского ознодействия, которому с раболепным унижением приносилась в жертву всякая полезная русская мысль, со всеми ее указаниями и сердобольными помышлениями.

Неужели можно подумать, что русский человек не настолько смышлен, что выпуск бумажных денег для предприятий, не могущих давать дохода, не признал бы сам своим умом действием разорительным для отечества? Какое заблуждение думать, что русское народное доверие к бумажным знакам, предназначенным единственно для полезного и производительного употребления, выражает в себе недостаток финансовых взглядов! Нет, тут вышло бы на деле совсем другое; сооружая дороги на свои средства, мы не настроили бы таких линий, которые обречены теперь на вечный убыток; мы не сделали бы этого потому, что были бы обязаны всякую затрату на железные дороги оправдать пред Россиею доходностью дорог, несмотря на наше бесцеремонное и даже дерзостное обращение с русским народным мнением. Теперь наши железные дороги можно разделить на четыре разряда: 1) коммерческие, 2) стратегические, 3) личные и 4) лишние. Состоя в обязанности выразить по каждой дороге ее доходность, мы вместо восьми линий, построенных к Волге, ограничились бы пятью линиями и давно проложили бы дорогу в Сибирь, связав Волгу с сибирскими реками и сообщив через эту связь наибольшую доходность всем дорогам от развития торгового движения; теперь же мы не имеем ни одной линии за Волгу, кроме Оренбургской, которая, упираясь в Башкирскую песчаную степь, открыта только в 1878 г. Таким образом, не имея убыточных линий, мы бы не навязали государственной росписи тягостного расхода по оплате этих убытков, всецело упадающих на народные сбережения.

Сооружение железных дорог отнимает у местных жителей все заработки по провозу грузов, возмещая, конечно, эти потери общим развитием промышленности; но когда строятся дороги убыточные, тогда народ страдает уже

вдвойне, как от потери своих заработков, отнятых железною дорогою, так и от тягостной необходимости погашать государственные долги, порожденные займами на устройство дорог двух последних категорий, т.е. личных и лишних.

Давно подмечено лучшими мыслителями, что русская жизнь имеет два течения: одно правительственное, а другое - народное. В доказательство этого приведем удивительный пример. В 1839 г. введена серебряная единица; но народная жизнь десятки лет продолжала идти во многих местах по старому счету, т.е. на ассигнационный рубль. Через 30 лет после введения крупной единицы во всех местностях, где мы начали строить железные дороги, при появлении железнодорожных инженеров и агентов по отчуждению земель, оказалось, что народ живет еще на прежний, дешевый рубль, не усвоив себе переложения на серебро. Это обнаружилось при толкованиях владельцев земель с агентами в определении цен за отчуждаемые земли. В Урюпинской станице Войска Донского требовали с железнодорожников по рублю за курицу, и когда отдавали казакам рубль серебра, то они давали сдачи 70 копеек. Даже и теперь есть местности, где еще не привился к народной жизни замудрованный счет на какое-то серебро.

Заключим, в конце концов, все наши рассуждения о настоящем провале тем, что нельзя не усмотреть в действиях наших финансистов умышленного намерения затормозить саморазвитие русской жизни угнетением ее заграничными займами, образовавшимися от недозволения иметь свои денежные знаки, существование которых допущено в конституционных государствах Европы. Вот доказательство этому. Законодательство Англии дозволяет Английскому банку, в случае надобности, выпускать на 15 млн. фунтов стерлингов банковых билетов (т.е. 150 млн. на наши деньги по существующему курсу) с присвоением им платежной способности. После Крымской войны у нас была крайняя надобность в деньгах для сооружения железных дорог, и мы, вместо того чтобы последовать примеру Англии и выйти из затруднения посредством выпуска своих денежных знаков, отправились за границу в качестве просителей искать спасения в займах и тем самым заявили себя, в глазах всей Европы, как бы лишенными всякой кредитоспособности дома, внутри своего отечества. Какая постыдная клевета на русский народ! Где же, когда и кем было заявлено народное недоверие к своим платежным знакам? Кто же подметил или слышал какое-либо слово о недоверии? Нам проповедовалось это мнимое недоверие из Петербургских канцелярских сфер, принявших на себя самовольное право говорить от лица народа. Если обратимся к истории сооружения железных дорог в Америке, то увидим, что там большинство дорог построено на бумаги, выпускавшиеся для этой цели разными местными банками, не подвергая народную жизнь тяжкому и убыточному угнетению по уплате внешних займов. И таким образом ясно доказывается, что страны, находящиеся под действием конституционных и республиканских форм правления, не убоялись почерпать средства к своему возрождению из своей внутренней жизни, а наши финансисты предпочли служение своей теории живым потребностям русской жизни.

Одиннадцатый провал

"Сибирь, по свидетельству всех ученых и неученых, составляет золотое дно" (М.П. Погодин). Добывая в Сибири золото в течение семидесяти лет, мы извлекли его более чем на два миллиарда; но пришли "татие и разбойницы", и все это богатство мало-помалу похитили. Напрасно семьдесят лет, в пустынях и снеговых сугробах Сибири работали русские люди, добывая золото; напрасно они зябли, мучились и умирали в тундрах сибирских: труд их пропал бесследно, потому что все добытое ими золото перешло за границу. Причина тому заключается в наших тарифных пошлинах, которые русский торговый баланс приводили ежегодно к минусу в десятки миллионов рублей, и на покрытие этих минусов исчезало наше сибирское золото.

Вступать в подробный обзор невыгодных сторон тарифа невозможно без особых материалов и продолжительных приготовлений по этому вопросу, и потому мы ограничимся указанием только некоторых бросающихся в глаза статей:

1. Зачем мы допускаем к привозу иностранную соль, когда имеем своей соли на десятки тысяч лет?
2. Зачем допускаем к привозу каменный уголь, имея массу своего собственного угля?
3. Зачем мы позволяем ввозить к нам чугун и железо и изделия из оных?
4. Зачем разрешено привозить к нам полотняные, шерстяные и шелковые ткани в разных видах, зеркальные стекла и множество разного ненужного хлама, без которого можножить гораздо проще и приятнее и т. д., и т. д.?

Конечно, эти предметы не заключают в себе полного исчисления всего того, что не должно быть допускаемо к привозу в Россию; а потому приходится ограничиться общим выражением о недозволении вводить то, что можно иметь дома, хотя бы и с приплатою к цене. Затем, кроме предметов, подлежащих совершенному запрещению, найдутся сотни таких, на которые тариф должен быть значительно возвышен, дабы дать ход своим произведениям; но пока в обсуждении и решении этого вопроса будут участвовать они, успех невозможен, в отсутствии в них русской жилки. У меня в памяти пересмотр тарифа в 1868 г., со всеми бывшими при этом пересмотре отрицаниями русских интересов и стремлениями (на основании европейских теорий) к интересам общечеловеческим, из уважения к которым нам предлагалось обречь себя на разорение и сделаться данниками Европы. Бывши тогда в тарифной комиссии два-три раза в качестве эксперта, я помню, как после решения уменьшить пошлину с кофе, английского пива и разных колониальных предметов, купцу Е..., известному по выписке из-за границы товаров и находившемуся в заседании, был предложен вопрос: одобряет ли он понижение пошлин? Купец отвечал: "Благодарю за попечение, которое, как я уже смекнул, составит по моей торговле 80 тыс. рублей в год награждения; а продавать я буду все по той же, нынешней цене".

Не знаю, поняла ли комиссия эту насмешку, но знаю то, что этот едкий ответ не подействовал, и пошлины были сбавлены.

В 70-х годах был назначен директором таможенного департамента Н.А. Качалов, при котором таможенный доход (составлявший 20 млн. руб.) достиг 60

млн. в год, вследствие неутомимых и добросовестных действий. Рассматривая это возвышение как результат действий Таможенного департамента, нельзя не признать его блистательным, но в смысле общегосударственных интересов - это огромный убыток, потому что всякая гривна возрастания таможенного дохода увлекает из России рубли, при уплате денег по курсу за ввезенный к нам товар. В этот провал в течение 40 лет безвозвратно ухнуло все наше сибирское золото.

В 1871 г. была в Петербурге, в Соляном городке, выставка предметов русской промышленности. В горном отделе этой выставки были помещены мною нефть и керосин из Баку, и рядом с ним стояла от Горного департамента сделанная из теса и оклеенная золотистой бумагой пирамида, показывавшая объем всего добытого в Сибири золота, если бы его можно было обратить в одну сплошную массу. Когда блаженной памяти Государь Император Александр Николаевич подошел к этой пирамиде, то, посмотрев на нее с минуту времени и покачав головою, изволил сказать (это я слышал собственными ушами): "А если бы рядом поставить другую пирамиду вывезенного из России золота, она бы была более этой". Коротко и ясно. Вразумительно и поучительно.

Выше сказано, что Сибирь - золотое дно. Мы, конечно, не разработали 1/10 этого дна; но пока тариф имеет способность высасывать наше золото за границу, было бы преступлением говорить о мерах к увеличению золотодобывания: пусть золото лежит в земле до наступления того времени, в которое внешняя торговля не будет в силах похищать наше золото за границу.

Двенадцатый провал

Никакой вопрос, в период преобразований, начавшихся с 60-х годов, не был решен у нас так искренно, как вопрос о поездках за границу. Сразу были отворены ворота для всех, с правом ехать куда угодно. Теперь подсчитаем примерно, во что обошлось России это щедрое разрешение. Положим, что за границей проживает русских людей, в течение 30 лет, только пять тысяч человек, не считая больных и учащихся специальным предметам. Если положить расходов в день на квартиру, переезд по железным дорогам, содержание, экипаж, удовольствия и покупки только по 40 франков на каждого (не говоря о фон Дервизе, расходующем, вероятно, с содержанием своих дворцов более 1000 франков в день и других, имеющих средства для значительных издержек): то пять тысяч лиц, в 30 лет, израсходовали более двух миллиардов франков, которые понадобилось оплачивать, за истощением уже сибирского золота на тарифный провал, новыми заграничными займами, входящими в государственную роспись, следовательно и упадающими к платежу на весь русский народ. Вправе ли общественная совесть одобрять эту роскошь расходования Денег за границей в ущерб народных средств? Что же по этому вопросу финансовая наука молчит, не указывая никаких правил, охраняющих народный карман? Если существует эта наука, то она должна обнимать все случаи жизненных проявлений. Гораздо правдивее и добросовестнее будет прямо сказать, что никакой науки нет, а есть просто финансовое искусство, различно применяемое в каждом государстве, по соображению с местными условиями и народным воззрением.

Когда, во время Восточной войны, все Петербургские банки пожертвовали на раненых воинов 400.000, тогда, во время совещания об употреблении этих сумм на заготовление разных вещей для больных и раненых, было особое заседание у Е.И. Ламанского, состоявшее из банковских представителей. В заседании этом был покойный граф Г.А. Строганов. Разговор склонился к тому, что военные издержки произведут неисправимое финансовое расстройство. На это граф сказал: "Все кажущееся неисправимым у других легко исправимо у нас одним почерком пера; стоит лишь издать указ: сидеть всем дома пять лет и есть щи с кашей, запивая квасом, и тогда финансы правительства и наши придут в цветущее состояние".

Нисколько не будет удивительным, если, при обсуждении способов к улучшению финансов, шуточно выраженная графом Строгановым мысль окажется в числе оснований нашего будущего благоустройства. Никакой новой беды от этого не будет, если для пополнения того, что промотали, придется пожить, как говорится, на пище святого Антония. Наградою за это воздержание будут трезвость взглядов и чистота мыслей.

Нет сомнения, что затронутый вопрос о неприличии для русских людей жить за границей во время упадка ценности нашего рубля более 40% возбудит сильное возражение, так что многие в этом усмотрят не только неудобство, но даже и деспотизм. Но разве это не деспотизм, когда одна двухсоттысячная часть из общего населения России производит своею жизнью за границей вредное для всех русских людей влияние в смысле экономическом? Всем нам давно известно, что заграничные расходы, усугубляя финансовые затруднения, вовлекают в новые займы, а уплата по займам ложится на народную жизнь в виде возрастающих налогов. Не тот деспотизм опасен и разрушителен, который, открыто воздерживая

несколько единиц от ненужных затрат, приносит общую пользу, а тот, который уподобляется ножу, помазанному медом, вроде, например, бесчисленного увеличения кабаков, под либеральною маскою попечения об общем благе, но с затаенною целью спаивать народ для возвышения акцизного питейного дохода, чтобы этим возвышением оправдать введение акцизной системы. Подобных деспотизмов у нас многое множество, и все они прикрыты или стремлением к равноправности, или другим призраком мнимого народолюбия. Разве такое действие, как уничтожение в шестидесятых годах землевладельческого кредита и лишение земли удобрения, по случаю разрушения сельскохозяйственных винокурен, не представляет собою самый лютый деспотизм? Много бы можно было привести подобных доказательств; но читатель, без сомнения, сам собою придет как к выяснению вредных влияний либерального деспотизма, выразивших самые горькие последствия по каждому из вышеизложенных провалов, так и к заключению, что из всех преобразований было только одно вполне искреннее, без задних мыслей, без поворота назад, - это право мотать русские деньги за границей. И мотовство это установилось так крепко, что и доселе существует во всей своей широте; а русская жизнь, угнетенная пережитыми ею провалами, переносит безропотно свое горькое обнищание, твердо веруя в то, что "сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит".

Тринадцатый провал

После открытия железных дорог, соединивших хлебородную площадь России с морями Балтийским, Черным и Азовским, а Москву с Кавказом, Одессой, Киевом, Харьковом и Волгой, и т. д., несмотря на то, что дороги стоили слишком дорого, и втянув нас в злополучные заграничные займы, наложили на Россию страшную тяжесть погашения этих займов, - государственная роспись, трудами и заботливостью М.Х. Рейтерна и с помощью развития промышленности от устройства дорог, стала приходить в равновесие, так что выход из угнетенного состояния, в котором находились наши финансы, потрясенные Крымской войной, представлялся возможным. В таком положении прошло три или четыре года (74-77), так что мы могли через 20 лет после разрушения Севастополя сводить концы с концами и, погашая сделанные займы, могли, наконец, жить, не делая нового накопления долгов. Вдруг это благоприятное положение рухнулось.

Наступившая в 1877 г. Восточная война потребовала чрезвычайных расходов, породив неизбежную необходимость в новых займах, уничтоживших надолго равновесие государственной росписи, достигнутое 16-летними усилиями М.Х. Рейтерна, который, видя здание свое, как он сам выражался, разрушенным силою внезапных военных бурь, оставил министерство финансов.

Таким образом, на другой же день после заключения Берлинского трактата, окончилось деятельное министерство Рейтерна, оставив отрадным по себе воспоминанием: сеть железных дорог, распространенный кредит посредством образования коммерческих банков, учреждение многих промышленных обществ, установление золотой пошлины с привозных товаров и многие примеры заботливости об охране полезных предприятий от расстройства. Горькое воспоминание выразилось в накоплении внешних долгов, к чему привела свирепствовавшая тогда во всей своей лютости ересь воспрещения кредитоваться у народа посредством уплаты за его труд беспроцентными государственными бумагами. Но, чтобы при этой ереси выйти из затруднения и создать железные дороги, надобно было министру финансов быть не просто приходорасходчиком, а финансовым техником (это нами отмечено в 7-м провале); а иначе могло случиться то, что сделанные займы израсходовались бы на другие надобности, и тогда мы бы оказались и в долгах, и без дорог. Хотя во время этого министерства акцизная система с вина спаивала русский народ и уничтожение опекунских советов приводило к обнищанию большинство помещиков, но оба эти бича вышли из-под пера фирмы "они" до начала министерства Рейтерна, а последний бич начал свое действие еще во время министерства А.М. Княжевича. Министерство это, как переходное от старых порядков к новым, отличалось своею неустойчивостью; но вполне непонятным остается то, каким образом во время твердого министерства М.Х. Рейтерна могли, взамен опекунских советов, образоваться для помещиков мышеловки в виде земельных банков.

Затем мы не будем касаться хода дел после Восточной войны, во время трех министерств (С.А. Грейга, А.А. Абазы и Н.Х. Бунге), потому что нанесенный Восточною войною разгром русских финансов отнимал всякую возможность к устойчивым и созидательным действиям, сопряженным с денежными затратами, и все финансовые мероприятия поневоле относились к одной только заботе: как бы тянуть течение финансовой жизни изо дня в день, спасаясь в денежных

затруднениях то мелкими экономиями, то разными налогами, то предоставлением иногда хода дел просто на волю судьбы, продолжая притом на несметную гору прежде сделанных займов громоздить еще новые бугры долгов, в виде золотых и железнодорожных рент.

Сохраняя в "Экономических провалах" народные и общественные отзывы о современном течении экономической жизни, нельзя не отметить, что назначение А.А. Абазы было приветствовано во всех слоях общества выражением полной уверенности в поправлении русских финансов.

Нет надобности говорить подробно о мелких финансовых ошибках, после Восточной войны, не имевших разрушительного влияния на многие годы и возможных к исправлению во всякое время. Такие ошибки не то, что внешние займы, поражающие силу народной жизни почти на целое столетие. Эти легко исправимые ошибки заключались в налогах: на страхование, на получение наследства, на доходы от купонов процентных бумаг и на употребление дрожжей при печении хлеба. Сочинение таких крохоборных налогов ясно определяло крайнюю нужду, но в то же время было странное противоречие этой нужде, выразившееся в отмене акциза с соли, отчего правительство потеряло с лишком 10 млн. в год чистого дохода, а народ получил облегчения на каждое лицо по расходованию денег на соль с небольшим по 1 коп. в месяц[8]. Затем сожжение беспроцентных кредитных билетов, производимое на дворе Государственного банка, одновременно с объявлениями того же банка о подписке на новые процентные займы, ясно доказывало, что мы еще не освободились от идолопоклонства Ваалу, т. е. западным финансовым теориям, и что от язвы этой нас не могли исцелить ни бедствия войны, ни очевидная и осязательная трудность жить с массою сделанных нами займов.

В конце концов, все свелось к тому, что Восточная война, удесятерив наше финансовое расстройство, оказалась гораздо труднее, следовательно и дороже, в смысле денежных затрат, чем предполагали; последствия же войны не только ни в чем не проявили добра и пользы ни нам, ни тем, за кого мы воевали, но даже завершились самым оскорбительным для России проявлением неблагодарности и предательства со стороны тех, за кого проливалась драгоценная русская кровь. Будь все это (хотя бы даже на 1/10 долю против совершившегося) ведомо вперед, то, конечно, не явилось бы желания начинать войну, терять сотни тысяч доблестных воинов и входить в колоссальные долги для того, чтобы придти к обеднению и политическому уничижению.

Но настоящий описываемый провал имеет целью доказать, что все неудачи были предсказаны заранее, за 10 лет до Восточной войны, точно так же ясно, как за 12 лет до Крымской войны было предсказано, что война под Севастополем будет неизбежна, если мы не соорудим железной дороги из Москвы к Черному морю, прежде устройства ее между столицами.

---

[8] Для каждого человека нужно в год соли полпуда. Акциз с соли был 30 коп. с пуда, следовательно, каждый при сложении акциза стал менее расходовать при покупке соли на 15 коп. в год; распределяя же эту экономию сообразно потреблению соли на весь год, получается в месяц уменьшение расхода на 11/4 копейки. В.К.

Да, горестные события 1877 г. были пророчески предречены. Был один человек, который все это предвидел и, зная, что война России с Турцией должна неизбежно возникнуть, предлагал еще в 1866 г. приступить к таким действиям, которые расчистили бы наш путь к Востоку и сделали бы войну легкою и плодотворною для всех славянских племен. Этот знаменательный исторический человек, выражавший в себе гражданина, вельможу, полководца, поэта (по широте государственных воззрений), был фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский.

С боязнью подхожу к изложению слышанных мною от князя Барятинского слов, выражавших его взгляд на Восточную войну (за десять лет до войны), и боязнь эта основана на весьма естественном опасении - недоверии читателей к моим словам. И как тут быть доверию, как не показаться каждому не только странным, но даже невозможным, чтобы фельдмаршал князь Барятинский вел с каким-то казанским купцом разговор о взглядах своих относительно подготовления России к Восточной войне за десять лет до начала самой войны? Вот почему, прежде изложения разговора с князем, я считаю необходимым очертить те подробности, из которых сложились доверие и доброе расположение ко мне князя Барятинского.

Во время наместничества князя Воронцова я был откупщиком на Кавказе (в Ставропольской губернии) и в приезд князя Воронцова из Тифлиса в Петербург был приглашен к нему, в дом его в Малой Морской. Князь сказал мне, что для довольствия войск, при выходе их из Ставропольской губернии в мирные и немирные аулы, т. е. за черту откупа, он не желает брать откупного вина, находя, что это вино дорого по случаю платимых за откуп сумм, а будет иметь своего подрядчика для заготовления вина прямо из приволжских губерний, и затем, предположив обратиться об установлении этого порядка к министру финансов (графу Вронченке), желает наперед знать, не повлечет ли это нововведение какой-либо претензии со стороны откупа. Я отвечал, что откупу нет никакого дела до потребления вина вне откупной черты, если только при возвращении войск в Ставропольскую губернию это вино не будет маркитантами ввозимо в пределы откупа; а дабы остатки вина, могущие быть у войскового подрядчика, не затруднили его в хранении, то их всего удобнее сдавать в казну по той цене, по какой министерство финансов покупает вино для Ставропольской губернии.

Мысль эта так понравилась князю Воронцову, что он, выразив намерение в этом смысле переговорить с графом Вронченкою, назначил мне через несколько дней у него побывать. При вторичном моем появлении к князю он объявил, что министр финансов согласен брать в казну остатки вина, и затем предложил мне быть войсковым подрядчиком по заготовлению этого вина, чтобы уничтожить всякое столкновение с откупом. Отказавшись от поставки вина, по неимению в Закавказском крае никаких дел, и выразив мое мнение, что в Тифлисе найдутся желающие заготовить вино с Волги через Астрахань, я уверил князя, что никаких столкновений с откупом не будет и что я напишу об устранении всяких пререканий нашему управляющему в Ставрополе, Акатьеву. При этом князь сказал: "Я слышал об нем очень много одобрительного от Заводовского[9], а теперь буду иметь случай

---

[9] Заводовский начальствовал в областях Черноморской и Терской. (Русский Архив 87 г.).

на деле убедиться в его свойствах". На ,это я заметил, что прошу позволения сказанные его сиятельством слова передать Акатьеву и тем самым поставить его в приятную необходимость снискать его благорасположение. При этом князь вдруг обратился ко мне с вопросом: "А нет ли у вас в Ставрополе другого дельного человека, вроде Акатьева, которому бы я мог частным образом давать разные поручения по сближению мирных аулов с немирными, путем гражданского завоевания последних, посредством развития знакомства и торговых интересов?" - "Нет, ваше сиятельство, наши откупные деятели очень односторонни и на такие поручения совсем неудобны; а позвольте мне рекомендовать вам такого фактора для сближения, который никогда ничего не перепутает, а будет постоянно основывать хотя и медленную, но прочную связь сношений". - "Желаю, очень желаю, - сказал князь. - Рекомендуемый мною фактор - просто русский самовар. На западной границе мы сходимся с соседями иногда на пиве, а на восточной можем всегда сходиться на самоваре, который азиатцы до такой степени любят, что при появлении самоваров в мирных аулах туда станут ездить из аулов немирных, чтобы рассиживать долго и пить чаю много, обобщаясь в это время разными беседами". - "Мне нравится эта мысль; пришлите мне в Моздок десятка два самоваров разных размеров". - "Позвольте удесятерить это количество в том предположении, что и этого будет мало". Вероятно, самовары ни в чем не сделали ошибки и подвигали вперед вопрос о сближении нас с горцами; потому что через год я получил от давнего моего знакомого, И.Ф. Золотарева (бывшего при наместнике чиновником особых поручений по части, кажется, восточной дипломатии) письмо о высылке к прежде отправленным 150 самоварам еще 350 штук[10]. Самовары эти образовали благоприятные обо мне разговоры на Кавказе и вложили в мысли будущего наместника князя Барятинского (состоявшего тогда, кажется, начальником штаба при князе Воронцове) первое семя доброго обо мне мнения.

Впоследствии князь Барятинский был назначен наместником. При отъезде его из Петербурга на Кавказ я был представлен ему братом его, Анатолием Ивановичем. При этом наместник завел похвальную речь о самоварах, звал меня на Кавказ, изображая, какое обширное поле для деятельности представляет этот край, и присовокупил к тому самое искреннее заверение в своей готовности помогать всякому начинанию всего нужного и полезного для развития Кавказа.

Через год, или немного более, после отъезда князя Барятинского, приехал ко мне обер-прокурор Сената, барон Торнау[11], с особым письмом от князя Барятинского, удостоверявшим, что барон - отличный знаток всего Закавказья и Персии в промышленном отношении. Барон Торнау увлек меня своими яркими и энергическими рассказами о выгодности торговли с Персией, где за пуд нашего полосового железа дают пуд хлопка. Эти слова оправдались на самом деле, и если бы Торнау, во время действий его по моим делам в Персии, держался одной только

---

[10] И.Ф. Золотарев, как почитатель князя М.С. Воронцова, отвозил в Тифлис его памятник и занимался постановкой его на одной из городских площадей. В.К.

[11] Барон Н.Е. Торнау после семилетнего перерыва государственной службы был назначен сенатором в Гражданский кассационный департамент, где вскоре сделался первоприсутствующим, а впоследствии был недолгое время членом Государственного совета. (Русский Архив 87 г.).

железно-хлопковой разменной торговли, не присоединяя к ней фруктовой, бакалейной и мануфактурной, то дело, им проектированное, дало бы блистательный барыш. Барон Торнау был одним из лучших знатоков на Кавказе всех восточных языков и, вследствие этого и прежнего знакомства с князем, очень часто у него бывал. Действуя в торговых делах на Кавказе по моей доверенности, барон, без сомнения, наговорил князю обо мне гораздо более того, что стоило бы сказать, и это, конечно, усиливало благорасположение князя ко мне, так что в бытность мою в Париже, в 1857 г., я получил там от князя Барятинского письмо, с уполномочием действовать от его имени по приисканию заграничных капиталов для Закавказских железных дорог, но от принятия поручения князя Барятинского я уклонился, имея к тому вполне уважительную причину - неудобство приискивать капиталы в то время, когда это приискание производилось для Главного общества железных дорог и шло с большими затруднениями, следовательно два спроса на деньги, из одной и той же России, стали бы вредить один другому. При этом в моем ответном письме я дозволил себе обратить внимание князя на то, что полезнее бы было прежде строить дорогу от Баку до Тифлиса, чтобы связать Кавказ с Россией посредством Волги и Каспия.

После означенной переписки, кажется в 1858 г., когда я жил в Москве, начальник штаба кавказских войск, Дмитрий Алексеевич Милютин[12], проезжая через Москву в Петербург, удостоил меня своим посещением и вел разговор, по поручению наместника Кавказского, о железнодорожном деле на Кавказе. В разговоре этом, как равно и в самом посещении Дмитрия Алексеевича, выражалось доброе расположение ко мне князя Барятинского, нисколько не изменившееся после моего отрицательного ответа из Парижа. Впоследствии, когда князь Барятинский приезжал в Петербург, я каждый раз к нему являлся, и в каждое свидание знаки расположения князя увеличивались.

Выразив всю случайно сложившуюся ткань доверия и расположения ко мне князя Барятинского, приступаю к повествованию о том, что я слышал от князя в Царском Селе относительно намерения его о заблаговременном приготовлении к войне с Турцией.

В апреле 1866 года, Царь-Освободитель Император Александр II праздновал в Царском Селе свою серебряную свадьбу. На эти семейные празднества был приглашен из-за границы фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. По приезде князя я явился к нему в Царское Село, в Посольский дворец, принадлежащий ныне Его Императорскому Высочеству Великому князю Владимиру Александровичу. Князь назначил мне побывать у него 7 мая. Передавая во всеуслышание главные подробности этого свидания, прошу благосклонных читателей обратить особое внимание на глубину государственных мыслей и на пророческую дальнозоркость князя А.И. Барятинского.

Когда я остался в кабинете вдвоем с князем, он начал со мною следующий разговор: "Я приехал сюда по приглашению Государя на семейные праздники, по случаю серебряной свадьбы Его Величества, как бывший шафер при венчании и, не вмешиваясь ни в какие текущие дела, счел моим долгом доложить Государю, что вскоре начнется война пруссаков с австрийцами, и что войны этой нам не следует

---

[12] Впоследствии военный министр, ныне граф и член Государственного совета. (Русский Архив 87 г.).

допускать без участия России, имея в виду то, что война, по отличному составу прусской армии, должна окончиться торжеством Пруссии, и тогда Берлин получит преобладающее политическое значение к явному ущербу России; но когда поражение Австрии состоится посредством соединенных военных сил России и Пруссии, тогда, оставляя Венгрию самобытным государством и поправляя тем ошибку 1849 г., мы можем остальную часть австрийских владений разделить надвое: немецкое - к Пруссии, славянское - под покровительство России. При таком исходе войны развязка восточного вопроса будет впоследствии достигнута без всякого труда и осложнения, так как ключи Цареграда находятся в Вене[13]".

После довольно продолжительного молчания князь возобновил свой разговор: "Мне пришлось несколько раз настойчиво умолять Государя обратить внимание на необходимость участвовать в войне, которая будет очень непродолжительна и не составит больших расходов, а результаты для дальнейших видов на Востоке даст самые блестящие; тогда как, оставаясь хладнокровными зрителями событий, имеющих совершаться возле наших границ, нам придется впоследствии, быть может через 5 или 10 лет, дорого заплатить за то, что мы не умели воспользоваться настоящею минутою и не извлекли из нее очевидной пользы для могущества России. Настояния мои привели к тому, что Государь назначил в своем кабинете секретный комитет под своим председательством, из военного министра Д.А. Милютина, министра иностранных дел князя Горчакова и меня".

Затем последовало более продолжительное молчание, во время которого князь устремил на меня испытующий взор и потом спросил: "Что вы на это скажете?" Ответ был таков:

- Сердце мое исполнено радостного удивления и восторга, предчувствуя в исполнении вашей мысли конец существованию в Европе Австрии, этого очага интриг и предательских действий, задерживающих в славянских землях образование самостоятельной жизни; но вместе с радостью я чувствую глубокое горе, предвидя, что совещание в царском кабинете не проникнулось великим значением вашей мысли и оставило ее без исполнения.

"Да, это так; вы угадали", - сказал князь, - но скажите мне, почему вы угадали? Ведь не могло же быть вам известным решение секретного комитета?"

- Отгадка моя основана, князь, на ваших же словах. Если бы мысль ваша прошла в секретном комитете, то вы бы мне ни слова об этом не говорили, принимая в соображение важность дела и необходимость покрыть его на известное время непроницаемой тайной; а потому я позволяю себе заключить, что настоящая откровенность ваша истекает из неудачи в успехе вашего великого плана. Мне остается только благодарить вас за то, что вы из числа ваших многочисленных почитателей избрали меня вашим нотариусом для засвидетельствования величайшего исторического факта, который я скрою в глубине души моей до поры до времени.

Теперь наступила пора сделать вышеизложенный разговор известным. Оглашать его ранее, в то самое царствование, в которое предложение фельдмаршала князя Барятинского отклонено, было бы неприлично; по восшествии

---

[13] Этой последней мысли, как известно, держался и другой государственный человек - князь И. Ф. Паскевич (Русский Архив 87 г.).

же на престол Государя Императора Александра III, при действии Берлинского трактата, давшего после Восточной войны кое-какую установку на Балканском полуострове, такое оглашение представлялось несвоевременным. Ныне, когда шаткие устои Балканского полуострова покривились от напора австрийских интриг, оглашение великой и верной мысли князя Барятинского представляется необходимым, благопотребным, обязательным. События настоящего времени вполне подтвердили предсказание князя Барятинского и дали полное удостоверение в том, что Восточный вопрос получил бы самый лучший исход, если бы мысль князя была принята.

В заключение разговора князь Барятинский передал подробно все то, что говорилось в заседании дворцового комитета; но я опускаю эти подробности по неудобству предавать их оглашению.

Кроме того, разговор коснулся совершавшихся в то время преобразований и причин уклонения князя (несмотря на личную приязнь Государя Императора) от участия в важнейших вопросах, порождаемых преобразованиями, и наконец заключился любимой мечтою князя о переносе столицы и царского местопребывания из Петербурга в Киев, с выводами всех неудобств и страшных потерь и неустройств, происходящих главнейше от пребывания Царя и центрального управления Россией в гнилом, отдаленном углу Империи[14].

* * *

Переходя от 1866 г. к настоящему времени, мы видим, что вместо Пруссии существует уже Германская империя, победительница не только Австрии, но и Франции, с полным решающим влиянием, без всякого исключения, на ход всех европейских событий. Вот это-то влияние князь Барятинский предвидел и стремился к тому, чтобы оно в известной мере принадлежало России, в силу участия нашего в войне с Австрией в 1866 г. и чтобы затем Восточный вопрос был освобожден от всех австрийских ковнодействий. Мы уклонились от спасительного совета князя Барятинского, и поставили себя, начиная с 1871 года, в зависимость от воззрений князя Бисмарка. Зависимость эта оказалась столь сильною, что мы, ошибочно начав в 1877 г. Восточную войну, могли только издали видеть башни Цареграда и за это видение заплатили потерею сотен тысяч войск и миллиардом новых долгов[15].

Затем... Но лучше опустим завесу забвения на печальное воспоминание о том, когда мы, как виновные, предстали на суд Берлинского конгресса. (Рана еще слишком свежа, чтобы можно было ее касаться без сильной сердечной боли). Возможность этого грустного положения была предчувствуема князем Барятинским, и, чтобы не допустить подобного ужасного события, князь полагал необходимым сочетать государственный рост нашей соседки (Пруссии) с ростом России; но мы пропустили в 1866 г. ту минуту, в которую могли из Прусско-австрийской войны извлечь громадную пользу в смысле увеличения нашего

---

[14] Князь М.С. Воронцов тоже неоднократно указывал на благопотребность перенести средоточие управления в Киев (Русский Архив 87 г.).

[15] Одни восточные займы составляют, кажется, 800 млн., не говоря о многих других займах. В.К.

политического значения и тем сделать развязку Восточного вопроса возможною без особых усилий и затрат и соответственною достоинству и намерениям России.

Восточная война образовала массу новых долгов, которые составляют самый тяжкий экономический провал, поразивший финансовое положение России до такой немощи, в какой еще никогда не бывала русская земля. Достигнутое пред войной 1877 г. равновесие в государственной росписи удалилось от нас на многие годы, и мы, повергнутые в бездну расстройства, видим пред собой следующую современную картину. Все достояние государства со всеми его будущими доходами в залоге по сделанным внешним займам; частные недвижимые имущества (земли помещиков) также в залоге по находящимся частию дома, а главнейше за границею, закладным листам; производительность земли (хлеб) обложена пошлиною за право ввоза в Германию. Одним словом, государство оказалось в том же бедственном состоянии, до какого властительные "они" довели помещичье хозяйство закрытием опекунских советов и разрушением мелких винокурен, при безграничном распространении пьянства. Мы употребили выражение "властительные они", полагая, что люди, достигшие на всем обширном пространстве русской земли разрушения сельскохозяйственного быта, без сомнения, выразили в своих действиях полную властительную силу, но, к сожалению, силу самого печального (скажу сильнее, преступного) свойства, породившую общее обеднение и разорение.

Возвращаясь к словам князя Барятинского, нельзя умолчать, что если бы в свое время эта пророческие слова были обращены в дело, то на русскую жизнь не налегло бы такой массы денежных долгов, какая образовалась от войны 1877 г., не имевшей предварительно ни предусмотрения всех трудностей, ни согласования предшествовавших войне событий с видами и пользою России. Устами князя вещал дух правды, дух искренней любви к России; это был дух глубокого разумения, предвидевший горестную возможность Плевны и Шипки с массою славных храбрецов, уснувших там вечным сном, и блестящую залу Берлинского конгресса, измышлявшего унижение России, и разновидные возмутительные болгарские события, направляемые коварством Австрии к нашему оскорблению. А быть может, всего этого можно было избежать посредством самого простого мероприятия. Вообразим себе, что турецкий султан за одну четвертую часть той суммы, в какую обошлась нам война, освободил бы, без всякого кровопролития, Болгарию и Румелию от своего владычества. И тогда мы, при таком мирном освобождении болгар от Турецкого ига, дали бы. им другую 1/4 часть стоимости войны в кредит на облегчительных условиях и тем самым создали бы наше влияние на них, как влияние добрых кредиторов, в самом сильном и прочном виде, с истинно благотворными последствиями. Это влияние было бы в тысячу раз крепче и полезнее скороспелой конституции, сочиненной для Болгарии.

Заключим тем, что если бы заседание в зале Берлинского конгресса, бывшее в 1878 г., было предварено (после кабинетного совещания с князем Барятинским в Царском Селе) заседанием в 1866 г. в Зимнем дворце составленным из всех сановников, и решило бы мысль князя Барятинского привести в исполнение, тогда бы Берлинского заседания вовсе не существовало, потому что для образования его не могло явиться ни мысли, ни права, ни повода, ни смелости. И тогда бы не только Россия, но и весь мир давно бы наслаждался действительным миром, а не вооруженным, изнуряющим во всех государствах силу правительств и

народов, с неизбежным при том колебанием экономической почвы. При таком положении экономическая жизнь представляется вовсе не обеспеченною от неожиданных провалов. И все это на нас надвинулось только потому, что слова князя А.И. Барятинского были гласом вопиющего в пустыне.

Четырнадцатый провал

Независимо от провалов, породивших вредное и очевидное для всех разрушение экономической жизни всей России, существуют еще местные провалы, поражающие обеднением только ту часть народонаселения, которая подвергнулась их разрушительному действию. В настоящее время память моя сохранила некоторые подробности о провалах в Дагестанской области мареноводства и в Соликамском и Тотемском уездах (Пермской и Вологодской губерний) солеваренного производства. Несомненно, что и в других местностях, и даже в очень многих, были свои разрушительные провалы; но о них точнее и вернее могут откликнуться из тех самых мест, которые поражены губительными последствиями совершившихся провалов.

Если бросить внимательный взгляд на некоторые города и селения, то в них мы увидим печальные развалины разрушившейся промышленности, ясно свидетельствующие о том, что когда-то в местах, представляющих теперь оскудение, процветало полное благоденствие, и что кем-то это благоденствие разбито вдребезги. Вот очевидные доказательства разрушения.

В Ярославле и Вологде существует несколько корпусов когда-то выстроенных лавок, теперь совершенно заброшенных и заключающихся в одних каменных стенах с провалившимися крышами и истлевшими от времени дверями. Точно такие же корпуса лавок, находящихся в полном запустении, можно видеть в городах: Галиче, Старице, Торопце и т. п. Некоторые из этих лавок, по их фасадам, относятся к началу нынешнего столетия, а некоторые - к Петровскому времени. Понятно, что в старинное время сооружение церквей вызывалось религиозным усердием, а сооружение лавок целыми линиями могло вызываться только одною лишь потребностью торговли. Точно так же понятно, что обращение этих лавок в развалины выражает совершенное обеднение. Наиболее всего поразительным представляется запустение огромного количества лавок в Ростове, Ярославской губернии, где один лавковладелец (купец Хлебников) потерял 20 тыс. рублей годового дохода от запустения своих лавок. Лет через десять после введения акцизной системы питейного сбора мне пришлось быть на Ростовской ярмарке и видеть заброшенные лавки, окруженные массою нищих, умолявших прохожих о подаянии на дневное пропитание. При этом мне пришла мысль вступить в разговор с нищими с целью узнать причину их обеднения и посредством этого добраться до верного определения упадка местной торговли.

На вопрос мой, обращенный к одной из нищих, ходила ли по миру за подаянием ее мать или бабушка, несколько нищих отвечали в один голос: "Мы и сами еще только 4-й год стали ходить по миру, а родители наши жили сытно, мужья же и сыновья все пропили; ведь в нашей деревне не было прежде ни одного кабака, а теперь завелось пять кабаков, отчего и погибло все то, что было заведено по крестьянскому житью, разная скотинка, сбруя и одежда". Другие отвечали, что у них поле заброшено за неимением удобрения по случаю закрытия винокурения в ближайших к ним заводах. Без барды не стало скота, без скота окаменело поле, земля ничего не родит, и вот нам пришлось кормиться мирским подаянием. Иные объясняли, что бывшие у них в поле полосы для посева льна давно заброшены как по неимению удобрения, так и по отсутствию покупателей на лен, вследствие

замены холстинных рубах ситцевыми (смотри провал 3-й). Наконец, все эти партии нищих в один голос выражали свою скорбь следующими словами: "Крестьянское бытье не заправное; если чем-либо его немножко подкосят, то уже во весь век не справишься и на свои ноги не встанешь; а нужда так тебя забьет, что и жизни не рад, и не знаешь, куда деваться с горя. Ребятишки ревут в худой, непризорной избе, просят, глупые, молока и хлеба; ведь не понимают того, что кабак всю нашу силушку высосал в казну".

Из всего сказанного ясно как день, что покупная способность, которая поддерживала существование лавок на Ростовской ярмарке, равно как и в других городах, исчезла, и народные денежные крохи переместились в кабаки и в Америку в виде уплаты за привозимый оттуда хлопок. Непонятно то, почему финансовая статистика доверяет официальным донесениям и составляет из них свои обозрения, чуждаясь приобретения сведений из прямых жизненных сообщений самого обедневшего народа.

Кроме городов, есть множество селений, в которых около церквей сделаны каменные ограды с лавками на наружную сторону. Вот эти лавки десятки лет стоят пустыми и безжизненными, подобно памятникам на кладбище, выражая собою горькое воспоминание о минувшей жизни, низвергнутой в могилы ложными теориями тех народопопечителей, которые устраивают Россию по иностранным сочинениям и по своим личным соображениям, не простирающимся далее знания Невского проспекта. Кто не знает, что большинство законопроектов исходит не из потребности жизни, а из желания пишущих лиц создать для себя служебную карьеру?

Самые наши выставки сельскохозяйственные, огородные, промышленные и т. п. имеют в основании своем чистейшую ложь: они представляют чудовищную по объему капусту и картофель, крупные зерновые семена и породистый скот и т. д., тогда как в народной жизни ничего этого нет, и за всю эту ложь получают в награду золотые и серебряные медали. Плачет, горько плачет вразумительная дубинка Петра I. Было бы истинно поучительно составить правдивую выставку, на которой мы бы увидали не диковинки, а обыкновенных крестьянских коров и лошадей и те зерновые семена, какими деревня обсевает свои поля. На такой выставке не было бы самообмана, и она скорее бы навела нас на самые верные мысли о нужных мероприятиях, нежели выставки пустого самохвальства. Не мешает присоединить к правдивой выставке приданое большинства крестьянских невест и показать в картинах избы без соломенных крыш, снятых для корма скота в конце зимы; равно изобразить кистью художника коров, поворачиваемых кольями от бессилия встать на ноги, вследствие зимней бескормицы, и, наконец, заключить все это кладовой большинства наших крестьян с содержащимся в ней имуществом. При этом обнаружится, что имущество заключается единственно из старых тряпок, кое-каких веревок, изношенной обуви, оборванной сбруи и обвитых берестом горшков.

Но среди этого бедного имущества всегда найдется огромное богатство, которому нет цены. В этом богатстве кроется вся сила русского государства и народа-сила великого терпения и веры. Это восковая свечка и несколько медных пятаков на помин души, завернутых в чистую бумагу и хранимых для той торжественной минуты, в которую человек оканчивает все свои земные страдания. В эту минуту восковая свечка ставится к образу и потом переносится к гробу, а

пятаки раздаются тем неимущим горемыкам, для которых еще не пришел конец страданий.

Составители статистических и промышленных обозрений, на которых финансисты основывают свои проекты, без сомнения, сами бы ужаснулись тех бедствий, которые они понаделали в последнее время, если бы заглянули в жизнь народа. Пора прекратить составление обозрений русской экономической жизни, основанных на официальных донесениях, вовсе не выражающих действительности, и после искреннего раскаяния пора поставить себе правилом изучать прежде всего русскую жизнь в деревнях, дабы согласовать свои взгляды с народными потребностями, без чего при самых добрых желаниях происходят горькие последствия.

Да, пора содрогнуться при мысли о том, что оскудение, в самом огромном большинстве деревенских домов, дошло до того, что обед крестьянина заключается в одном черном хлебе и похлебке из одной воды с малым количеством затхлой крупы. Сомневающиеся в этом могут легко удостовериться, побывав в нескольких деревнях около Николаевской дороги, в расстоянии 10-20 верст от какой угодно железнодорожной станции, а чем далее, тем еще беднее. Трудно понять, чем живет крестьянин и как может его семья существовать среди лишений первых потребностей жизни.

Теперь от общих рассуждений, порожденных признаками бывших провалов, перейдем к тем местностям, в которых на нашей памяти совершились очевидные провалы, породившие разрушительные бедствия. Начнем с Дагестанской области. Местность эта в начале второй четверти настоящего столетия стала заниматься разведением корней марены, которая впоследствии составила необходимую потребность для всех почти фабрик при окраске разных тканей во всевозможные цвета.

Производство марены составляло главное и выгодное занятие жителей Дагестанской области и действовало в свое время на умиротворение живущих там племен гораздо сильнее и благотворнее действия пороха и пушечных выстрелов. До 1872 г., более 20 лет сряду, мы видели появление на Нижегородской ярмарке дагестанских черкесов с гильдейскими правами на торговлю, приезжавших в Нижний для продажи привозимой ими по Волге марены, в которой нуждались все фабриканты Московско-Владимирского фабричного округа. Черкесская гражданственность развилась до такой степени, что векселя мареноводов, полученные ими за проданную марену, принимались к учету в банках, и в платеже денег по этим векселям не было ни одного случая неисправности. Пишущий эти строки очень живо помнит, как обращались к нему для учета векселей в Волжско-камском банке дагестанские купцы в военных черкесских платьях с патронами на груди. Развитие марееноводства могло в будущем времени идти гораздо далее; потому что марена давала такую краску, которая во всех своих цветах не уступала в яркости китайским краскам, и притом, по удостоверению специалистов, окрашение мареной не производило никакого вредного влияния на прочность тканей. Несмотря на все это, производству марены был нанесен смертельный удар по случаю изобретения за границей анилиновых красок, которые оказались выгоднее марены, но за то обнаружили вредное действие на прочность тканей. Марена до такой степени упала в цене, что производство ее не могло далее продолжаться, и весь Дагестанский край лишился своего единственного промысла, отчего

начавшееся на западном берегу Каспийского моря образование промышленного гражданства вовсе уничтожилось. Вместе с этим, все те миллионы, которые платились за марену и оживляли собою недавно присоединенный к России край, перешли за границу за приобретаемые оттуда, взамен марены, или анилиновые краски или минеральный материал, для выделки их в России. Таким образом, рушилась торговая связь, существовавшая между Дагестаном и внутреннею Россией. Дагестанцы увидали, что они напрасно трудились десятки лет над разведением в своей почве корней марены, напрасно чаяли от развития этого промысла обогащения своей страны: все их надежды рушились, потому что многократные просьбы дагестанских мареноводов об обложении анилиновых красок такою привозною пошлиною, которая бы обеспечила существование мареноводства, не удостоились в С.-Петербурге никакого внимания. Между тем в то же самое время, когда мы погребали промысел марены, очень много говорилось и писалось о разведении хлопчатных плантаций в Закавказье и Ташкенте, но во всех этих разговорах ни разу не слышалось такой меры, которая бы могла содействовать разведению хлопка. Мера эта очень простая: нужно поднять привозную пошлину на американский хлопок в таком размере, чтобы было выгодно разводить посев хлопчатника на своих землях, и тогда доходность предприятия сделалась бы самым сильным двигателем к употреблению труда и капитала на хлопчатные посевы.

Замена марены иностранными красками напоминает собою замену старинной набивки по холсту разных узоров - ситцами. Вообще, говоря о русской изобретательности, нельзя не скорбеть о том, что все создавшееся у нас дома чахнет и погибает от недостатка попечения и заботливости о поддержке народной промышленности. Теперь, вероятно, анилиновые краски так прочно водворились в фабричном производстве, а мареноводные плантации так густо заросли бурьяном, что о возрождении мареноводства и речи быть не может; но это, однако ж, не мешает сожалеть о разрушении промышленного значения Дагестана. Если внимательнее осмотримся, то увидим, что та же участь приближается и к нашим зерновым хлебам, по случаю появления на европейских рынках из Австралии овса и пшеницы.

Приступая к местному провалу в Соликамском уезде, Пермской губернии, поразившему солеваренное производство совершенным разрушением, нельзя умолчать о стародавности этого производства. Оно образовалось при великом князе Иване Даниловиче Калите более пятисот лет тому назад. Разрушение этого промысла действует на меня с особенною впечатлительностью. Читатели, вероятно, помнят, что изображенная в первом провале губительная серебряная единица уничтожила солеварение в Костромской губернии, в городе Солигаличе, и в числе пострадавших был солеваренный завод, находившийся в моем владении совместно с моими родственниками. Когда в 1883 г. подобное разрушение подуло из Петербурга на Пермские солеваренные заводы, я был арендатором казенного Дедюхинского завода. Завод этот пришел в такое изнеможение, что вместо прежней выгодности стал приносить убытка около 100 тыс. рублей в год, и я, едва дотянув контракт, оканчивавшийся в 1885 г., отказался от дальнейшей аренды этого завода, за который платилось правительству более 30 тыс. рублей в год, а существование завода кормило 400 человек заводских рабочих с их семействами и доставляло заработки нескольким тысячам крестьян Соликамского и Чердынского

уездов по заготовлению дров и постройке судов для сплава соли на Волгу, выварка которой в Дедюхине простиралась до 3 млн. пудов. Подобно тому, как в 1840 г. Солигалические рабочие пошли питаться подаянием, так и в 1885 г. Дедюхинские рабочие, за прекращением солеварения, подверглись той же бедственной участи. Пермский губернатор представил подробную картину этих бедствий, и картина эта передана, как слышно, на рассмотрение какой-то особо составленной комиссии; но как между тем рабочие изнемогали от голода, то, конечно, известие, последовавшее на все их просьбы о назначении комиссии, не могло их накормить. Все, что я мог сделать со своей стороны, заключалось в обеспечении рабочих хлебным продовольствием на шесть месяцев после закрытия завода.

Дедюхинский завод в 1885 г. несколько раз предлагался на торгах в арендное содержание, но никого желающих не явилось, даже без всякой арендной платы. По странному стечению обстоятельств, мне пришлось, как я выше упоминал, при самом начале моего коммерческого поприща пережить разрушение Солигаличского солеварения и через 45 лет быть свидетелем подобного же разрушения в Дедюхине!

Считаю необходимым ознакомить читателя с тем, какие глубокие доказательства русской природной разумности проявляет история Дедюхинского солеваренного завода и сопредельных с ним заводов князей Голицына, Абамелек-Лазарева, графов Строгановых и Шуваловых. В заводах этих существуют рассольные трубы, из которых самые старинные пробуравлены 300-400 лет тому назад с лишком на 100 сажен в глубину земли, для добычи из них рассола на выварку соли. Трубы эти (так принято называть их между заводским населением) выражают собою то же самое, что артезианские колодцы в Европе, но колодцы изобретены через 200 лет после образования дедюхинских труб. Все потребные для сверления этих труб инструменты, счетом более 50 номеров, цилиндры для ограждения от напора боковой земли и пресной воды, равно и машины для подъема рассола, изобретены и приспособлены к действию в глубокой древности, мыслию и умом местных заводских мастеров. И в то время, когда еще Россия не имела солей астраханской, крымской и илецкой, русское народонаселение питалось несколько столетий одною пермскою солью; и все это было создано силою русского простонародного ума в то время, когда еще не было в России ни горного института и никаких технических учебных заведений. Ныне, в век прогресса и цивилизации, на долю правнуков древних изобретательных дедюхинцев досталось безотрадное нищенство, потому что за прекращением в Дедюхине заводского производства пришлось спасаться от голода, протягивая руку за подаянием хлебных корок к доброхотным дателям.

Древнее существование в России рассольных труб, устроенных несколько столетий тому назад в Дедюхине, Усолье, Сольвычегодске, Тотьме, Аеденске и Яренске, хотя выражало собою совершенную однородность с позднейшим изобретением в Европе артезианских колодцев, но оно до такой степени было малоизвестно и предано забвению, что никто и не думал видеть в артезианских колодцах повторение русской изобретательности. Это обстоятельство было причиною, что на бывшей в Костроме губернской выставке в 1837 г., по случаю путешествия по России Наследника престола Цесаревича Александра Николаевича, я решился выставить модель рассольной трубы, пробуравленной мною в городе Солигаличе, на глубину 101 сажени, со всеми моделями употреблявшихся при

бурении инструментов, дабы объяснить Его Императорскому Высочеству, что изобретение этих труб относится еще ко временам Московского государства. Выставка была посещена Наследником Престола в сопровождении В.А. Жуковского и К.И. Арсеньева и трех юношей в военных мундирах, сколько мне помнится, Адлерберга, Паткуля и Мердера. Вероятно, объяснение значения рассольных труб признано было удовлетворительным, и я удостоился от Государя Цесаревича пожатия руки, а от Жуковского и Арсеньева - поцелуя. На другой день после этого я представил К.И. Арсеньеву докладную записку об увеличении пошлины на иностранную соль, дабы дать ход полному сбыту астраханской и илецкой солей. Арсеньев обещал представить эту записку министру финансов графу Канкрину, что им и было исполнено, потому что месяца через два я получил из канцелярии министра финансов уведомление, что записка моя, по признанному в ней полезному содержанию, будет напечатана в "Коммерческой газете". Это странное решение не могло не удивить меня, потому что без всякого соприкосновения к министерству я мог бы и сам от себя послать мою записку в виде статьи в редакцию "Коммерческой газеты".

Возвращаясь к пермскому солеваренному производству, нельзя знать, какая готовится ему участь в будущем времени; но можно наверное заключить, что уничтожение этого производства породит в Пермской губернии явление совершенно новое - нищенство. До сих пор в Верхнекамских пристанях не встречалось ни одного человека, просящего милостыни, все жили от труда рук своих; теперь же этот способ жизни является уничтоженным вследствие новых законоположений о соли, основанием которых служили, как выше сказано, не потребность дела, а карьера.

Точно та же участь, какая постигла Соликамский край, обрушилась и на Тотемский уезд Вологодской губернии, где действие солеварения находится накануне прекращения в двух заводах, Тотемском и Аеденском, и если эти заводы кое-как тянут еще свое существование, то единственно для того, чтобы употребить в дело оставшиеся в заготовке дрова; а на будущий год и в Вологодском крае повторится то же, что и в Перми, т.е. рабочие пойдут по миру, и для устройства их быта, вероятно, откроется в С.-Петербурге особая комиссия. Не проще ли было не расстраивать существовавшего быта солеваренных рабочих в Перми и Вологде, чем придумывать меры к исправлению нанесенных зол?

Но читатель, без сомнения, давно уже желает знать о причине упадка солеварения в Пермской и Вологодской губерниях. Причина эта заключается в сложении акциза с соли, отчего усилился привоз самосадочных и горных солей в Москву, на Волгу и во все внутренние губернии, и усиление это произвело такое понижение цен, которое вытеснило с рынка все вообще поваренные соли, и солеваренным заводам пришлось переносить столь сильный убыток, что они оказались в необходимости прекратить производство солеварения, но здесь возникает вопрос, касающийся государственных забот о рабочих и о всем местном населении, окружающем заводы, без которых нет ему возможности к безбедному существованию. На все это могут возразить, что если заводское народонаселение повергнуто в бедность, то зато вся Россия осталась в выигрыше от удешевления соли. Да, это было бы так, если бы сложение акциза последовало от избытка денежных средств и не повлекло за собой установления множества разных новых налогов; но и при этом надобно было, прежде чем разрушать солеваренное

производство, создать в тех пунктах, где были заводы, новую деятельность, вроде выработки соды или других производств, могущих дать труд и хлеб, а когда с разорением заводских населений соединились новые налоги, установленные, очевидно, взамен потерянного акциза с соли, тогда уже разорение заводских населений ничем оправдать нельзя.

Главным побуждением к сложению акциза с соли было желание достигнуть употребления соли для корма скота, но эта цель ни в одной губернии не выразилась вполне удовлетворительно, потому что соль на полную сумму сложенного акциза (30 коп. с пуда) нигде не подешевела, и теперешняя ее цена в хлебородных губерниях, где существует более распространенное скотоводство, не дешевле 50 коп. за пуд. Еще не скоро наступит то время, когда крестьянин признает полезным употреблять соль для скота; но чтобы могли это употребление делать в образцовых фермах, которых у нас очень немного, было бы достаточно отпускать для каждой губернии по 50 тыс. пудов соли для раздачи ее по известным фермам на первое время даже даром, делая это посредством земских управ. При таком порядке количество даром раздаваемой соли не составило бы во всей России более двух миллионов пудов, следовательно государство теряло бы от этого миллион рублей в год и сохранило бы при существовании акциза свой доход в 10 млн. рублей в год, причем цель ввести в обычай посыпку корма для скота солью была бы вполне достигнута. Впоследствии, лет через пять, когда бы употребление соли для скота вошло в привычку и спрос на даровую соль усилился, она бы могла быть отпускаема уже не даром, а с назначением умеренной цены от 10 до 20 коп. за пуд.

В заключение скажем, что властительной мысли, могущей дать устройство соляному делу и снова призвать к жизни Пермские и Вологодские соляные промыслы, предстоит труд уравнять на главных рынках ценность всех солей, т. е. поваренной, самосадочной и горной, так чтобы ни одна соль для другой не изображала из себя Австралии, которая теперь ценностью своего зерна (пшеницы и овса) убивает русское сельское хозяйство, при вывозе наших хлебов за границу.

Очень было бы желательно, чтобы другие местности, где последовали местные провалы, откликнулись со всеми подробностями о переживаемых ими затруднениях. Из ясного разумения этих затруднений родились бы указания, подобные тому, на какие наводит соляной вопрос, и разрешением этих указаний, в смысле целесообразном местным интересам, была бы достигнута поправка многих ошибок прежнего времени.

Упомянув об Австралии, нельзя не видеть, что к нам приближается быстрыми шагами новый экономический провал, который будет состоять в том, что иностранные европейские рынки для сбыта наших хлебов будут навсегда для нас потеряны, потому что австралийский хлеб может продаваться дешевле нашего. Причины тому состоят в следующем. В Австралии овес родится сам 30, а у нас сам 6; пшеница родится сам 160, а у нас сам 12. В Австралии, погрузив хлеб на корабль, привозят его прямо к берегам европейских приморских городов, а мы должны, положим, из Самары провезти через Волгу и Мариинскую систему с разными перегрузками 4 тыс. верст и только в Финском заливе можем погрузить наш хлеб в корабль, так что провоз до европейских портов обходится гораздо дороже австралийского. Если же возьмем другую хлебородную местность, положим Тамбовскую, то здесь приходится иметь дело с железными дорогами, что

еще более возвышает перевозочную цену, не говоря уже о том, что на станциях железных дорог не имеется никаких крытых помещений для складки хлеба, отчего в ненастное время хлеб подвергается неизбежной порче.

Кроме означенных неудобств, самый тариф за перевозку по железным дорогам направлен к угнетению вывоза за границу нашего зерна. Так например: с пуда пшеницы за провоз из Москвы до Ревеля берут 30 коп., с пуда хлопка за провоз по той же линии из Ревеля в Москву 14 коп., несмотря на то, что пуд хлопка стоит 10 руб., а пуд пшеницы 1 руб. 50 коп. Из этого выходит тот вывод, что мы сами для себя гораздо злее Бисмарка, сочинившего ввозную пошлину в Германии на русский хлеб.

Нельзя не предвидеть, что первые годы прекращения сбыта нашего хлеба за границу отзовутся самым тяжелым образом на экономической жизни народа и на финансовых оборотах правительства, потому что наступит такое время, в которое у нас не будет иностранных векселей для уплаты ими по тем векселям, которые выдает русская торговля за ввезенные к нам иностранные товары.

Хотя мне, вероятно, и не суждено дожить до тех последствий, к которым приведет австралийский кризис, но могу с полным убеждением и даже уверенностью предположить, что когда Россия будет завалена массою хлеба от прекращения заграничного спроса на него, тогда деревня несомненно выиграет: все будут питаться досыта, лица просияют, мускулы окрепнут. А как за полным достаточным питанием будет оставаться еще огромная масса излишнего хлеба, то она пойдет на изобильное откармливание скота и преобразует русскую вывозную хлебную торговлю в торговлю мясом и кожами. В этих двух продуктах мы никогда уже ни с чьей стороны не можем встретить соперничества, по неимению в Европе природных пастбищ. Но чтобы пережить кризис без сильных потрясений, надобно идти навстречу ему с преобразовательными мероприятиями, в смысле перехода нашей отпускной торговли с хлеба на мясо. Вот тут-то и является вопрос о мелких сельскохозяйственных винокурнях вопросом самой жгучей, настоятельной и неотложной надобности, таким вопросом, от которого зависит быть или не быть.

Если к устройству сельскохозяйственных винокурен будет приступлено немедленно, то до времени образования их пройдет, по крайней мере, два года, и это как раз сойдется с тем временем, когда Австралия произведет сильное потрясение нашей экономической почвы; но оно уже не застанет нас неприготовленными к перенесению производимого этим потрясением колебания. Подумаем о том, что нас ожидает в том случае, когда мы будем продолжать свое бездействие, будем сидеть сложа руки и, не приступая к устройству сельского винокурения, будем заниматься только наводнением России циркулярами по акцизному ведомству? Отгадать не трудно: нищенство, подобное тому, какое видели мы на Ростовской ярмарке, образуется во многих уездах из тех людей, которые, не занимаясь хлебопашеством, живут на фабриках, долженствующих значительно уменьшиться от безденежья помещиков и крестьян по случаю прекращения спроса на хлеб. В каком же положении будет тогда дух народа, его внутреннее настроение? Не будем разгадывать будущего и омрачать наши дни новою скорбью. Еще успеем наплакаться и в то время, когда разразится над нами грозная австралийская туча; но заметим одно: черное пятно этой тучи уже показалось на дальнем небосклоне. Пора приготовлять громоотвод.

Пятнадцатый провал

Не подлежит никакому сомнению верность всем известного определения, что подъем промышленности составляет главное условие народного благоденствия и силы государства. У нас этот подъем не только не заметен, но даже наоборот видны доказательства движения назад, явно выражающиеся в упадке производительных сил. Причиною тому - особая болезнь некоторых лиц русского коммерческого сословия, поддерживаемая, к несчастию, так сказать, поблажками в смысле удовлетворения болезненных желаний. Эта болезнь - чинобесие.

Для развития коммерческой деятельности на обширном пространстве русской земли нужна масса коммерсантов с глубоким знанием тех местностей, в которых сосредоточены их действия. Успех этой деятельности зависит от продолжительного существования торговых домов, передающих из рода в род порядок ведения дел вместе с последовательным их усовершенствованием. На этом создается общее народное доверие к старинным торговым домам, представителей которых у нас очень мало; но и те, которые есть, быстро редеют от производства их в чины и классы. Этот провал производит промышленный застой во многих местностях, обращая лучшие коммерческие конторы в совершенное ничтожество. В виде образности такое явление можно сравнивать со следующей картиной. Представим себе многолиственную самородную дубовую рощу, пораженную короедами (червоточиной) и начинающую постепенно засыхать и обращаться в голые, безлиственные сучья. Такое явление, конечно, не сопровождается никакой видимой бурей; но оно постепенно отнимает силу роста до такой степени, что возвращение в прежний цветущий вид, при всяческих усилиях, делается невозможным. Точно так же гибнут и наши коммерческие дома. Заключение это я мог бы оправдать двумя списками с поименованием фамилий: один список изобразил бы всех погибших для коммерческой деятельности домов от производства в чины, а другой, менее многочисленный, - уцелевших от действия червоточины и передавших свою деятельность детям и внукам. Решительно нельзя понять, что заставляет купца дезертировать из своего сословия в другое сословие. В первом положении этот купец был заметен, во втором он представляет личность самую заурядную и даже смешную, находящуюся в положении человека, отставшего от одного берега и никогда не могущего пристать к другому.

Братья Хлудовы, будучи мануфактур-советниками с Владимирскими крестами на шее, когда им предлагали ходатайствовать о переименовании их в статские советники, чтобы потом достигнуть следующего чина и получить дворянство, отвечали: "Мы имеем в Государственном банке, как купцы, личный кредит в миллион рублей и, чтоб сохранить этот кредит, будем в необходимости, после получения дворянства, снова записываться в гильдии, т.е. возвратиться к тому положению, в котором мы находимся. Из-за чего же тут хлопотать? Разве для того, чтобы наши сыновья и внуки, выйдя на какой-то новый, неведомый им путь, отстали от своей деятельности и этим разрушили бы существование нашего старинного торгового дома, который доставляет полезный труд десяткам тысяч лиц?"

По общему мнению всех истинных патриотов и здравомыслящих людей, дезертирство из коммерческого сословия в другие сословия должно быть прекращено в видах общей пользы. Здесь вполне применяются все те соображения,

которыми руководилось правительство, находя несовместною государственную службу с частного. Для купцов достаточно быть коммерции- или мануфактур-советниками, и крайнею наградою должно служить пожалование Владимира на шею. Звездоносие должно принадлежать только лицам, состоящим на государственной службе. При этом надобно иметь в виду, что каждый купец, преобразованный в превосходительное звание, если не лично сам, то в лице своих наследников, будет жить на счет государственной росписи, и такая жизнь составит отяготительное бремя и для общества, и для того, кто мнимым возвышением возведен на извращенный путь.

Пока существуют чины, совершенно понятно правильное стремление должностных лиц, состоящих на государственной службе, к получению чинов в известном порядке, потому что чины, давая возможность занимать высшие должности, выражают награду за служебные труды. Но какое же право имеют купцы на уравнение их в наградах с государственными чиновниками? Между тем награды купцов делаются такими скачками, что они сразу производятся в 5-й и 4-й классы, и через это самое умаляется и унижается значение государственных наград для чиновников, которые получают означенные классы за несколько десятков лет их служебной деятельности. Мы полагаем, что награда для купца всегда в руках его самого: она существует в неразрывной связи с его жизнью и действиями и заключается в широте и успехе коммерческих предприятий и продолжительной их прочности. И неужели человек не может возвышаться сам из себя, нисколько не нуждаясь в классном возвышении? Если допустить, что не может, то это значит, что мы находимся, уже внутри самих себя, на самой глубине не только экономических, но и духовных провалов.

Если бы стремление к переходу из купеческого сословия в чиновничество охватило собою наш фабричный округ в губерниях Московской и Владимирской, тогда бы Иваново-Вознесенск, Шуя и все Кинешемские и другие фабрики изобразили бы из себя, через несколько десятков лет, совершенные развалины потому только, что владельцы их предпочли звание превосходительства значению своего прежнего положения. Разрушение фабрик было бы естественным последствием того, что сыновья действительных статских советников нашли бы унизительным для себя сидеть в конторе или амбаре, где продаются фабричные товары. И неужели бы можно было считать преуспеянием России, если б она имела лишних 50 действительных статских советников, потеряв в то же время такое же количество коммерческих домов, сохранивших за собою по своей деятельности выразительную историю?

Если бы какую-либо самую зажиточную деревню вздумалось, со всем ее народонаселением, произвести в коллежские регистраторы, то жители этой деревни были бы, конечно, сначала сбиты с толку от изумления, не смогли бы понять, что они такое, и потом, отвыкнув от труда и заразившись презрением к своему делу, пришли бы к необходимости испрашивать пособия от тех, кого не поразило подобное благополучие.

Нередко слышится мнение, что награды купцов вызываются подвигами благотворения с их стороны; но разве добродетель нуждается в реализации ее? Державин давно уже определил, что добро надобно лишь для добра творить, и, конечно, самая лучшая награда за добро состоит в сознании общей пользы, приносимой действием добротворения.

Ранее мы сказали, что могли бы поименовать множество фамилий разных коммерческих домов, потерпевших крушение от производства в чины; но мы налагаем на себя молчание из нежелания пробуждать в наследниках этих домов тяжелые воспоминания о поражении их дел болезнью чинобесия. И пока эта червоточина не иссушила окончательно всю нашу дубовую самородную рощу, необходимо спасти остальную часть ее от поражения. Было бы вполне благодетельно, вместо удовлетворения болезненных стремлений к мнимому возвышению, обливать заболевающих водою холодных отказов.

Да, совсем забыл сказать о том, как многие говорят, что чины они получили вдруг, внезапно, не зная сами, как и почему это случилось. Это оправдание важно тем, что оно проявляет сознание виновности и внутреннего угрызения, но в сущности это чистая выдумка. Ни на кого чины не сыплются сами собою, а все лица купеческого сословия, получившие переименование в разные классы, сами того добивались, выпрашивали, вымаливали, выкланивали и выплакивали. Мало ли есть старых коммерции- и мануфактур-советников, которые десятки лет имеют эти звания, и так как они не помышляют о переходе в чины, то и остаются в купечестве, не будучи никем насилуемы к переходу в новое положение. Мне, впрочем, за доказательствами ходить далеко не надо: с 1851 г., я состою коммерции-советником и ничем иным никогда быть не желал и не желаю. И вот в течение 36 лет ни от кого и никогда мне не представлялось опасности очутиться в другом звании, не соответственном, по моим понятиям, общим промышленным интересам России. Таким образом, очевидно, что стремление некоторых купцов к получению чинов прямо исходит из их собственного желания, и, если стремление это будет возрастать, тогда при существующей благосклонности правительства производство купцов в чины может достигнуть таких размеров, что во всех торговых амбарах и лавках, при разговоре приказчиков с хозяином, будет как в департаментах беспрерывно слышаться возглас: "Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! Почем прикажете продавать товар, вчера полученный с фабрики его превосходительства?" и т.д. Нужно ли прибавлять, какое грустное чувство производит на всех мыслящих людей такая коммерческая деятельность, которая вместо прочного и правильного развития, основанного на сознании своего торгового значения, выражает собою смехотворный комизм, исполненный глубокого горя об утрате понятий о человеческом достоинстве. Вот та трясина, в которую мы зашли от разделения человечества на 14 классов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С 1837 Г. (ОЧЕРКИ, ДОПОЛНЕНИЯ И ВЫВОДЫ)

В предисловии к экономическим провалам сказано: "Дабы губительное действие провалов было, по возможности, исправлено, надобно, прежде всего, знать их корень и горечь последствий".

Кроме необходимости обнаружить корни бедствий и порожденную ими горечь для русской жизни, надобно вывести наружу и главную причину всех провалов, заключающуюся в полном пренебрежении к советам, мыслям и предостережениям, исходившим в свое время из народной среды от лиц, желавших предохранить нашу жизнь от злополучных последствий. Все эти сердобольные попечения были с досадою отвергаемы, и что же вышло? Никто из лиц, не внимавших народным мыслям, к сожалению, не может теперь выступить с доказательствами о несуществовании провалов. Никто из лиц, предостерегавших от провалов, также не может упрекнуть себя в том, что их взгляды и соображения были не верны.

Итак, корабль русской жизни несется теперь по волнам сильно бушующего экономического моря. Кормчему предстоит решить, на который берег направить руль: на тот ли, где отрицают народное здравомыслие, или на тот, где желают усвоить для жизни это здравомыслие и достигнуть через то прекращения бедствий. Пойдем ближе к делу.

Первый провал: крупная мнимо-серебряная единица

За два года до введения этой единицы, во всех сословиях заявлялись предостережения с выражением вредных от этого последствий. Никто не находил нужным возвышать стоимость жизни и приучать русских людей к широким расходам; но в это время еще никому не приходило в голову, чтобы крупная единица произвела другое зло, переместив за границу всю массу нашей золотой и серебряной монеты. Эту беду увидали лишь тогда, когда монета исчезла на всех внутренних рынках.

Второй провал: опоздание в сооружении железной дороги

от Москвы к Черному морю

По этому вопросу было также несколько предостережений, и не только со стороны коммерсантов, но и со стороны князя М.С. Воронцова (бывшего тогда новороссийским генерал-губернатором) и князя Кочубея. Когда был решен вопрос о Николаевской дороге, оба князя представили проекты о сооружении линии от Москвы к Черному морю, являясь здесь частными предпринимателями, единственно в видах отечественной надобности; но и эта мера спасения не имела успеха[16]. Что же последовало?

За опоздание в сооружении дороги к Черному морю Россия заплатила разрушением Севастополя, уничтожением Черноморского флота, потерею сотен тысяч храброго войска и преждевременно проводила в могилу Императора Николая Павловича, драгоценное здоровье которого было потрясено поражением русской военной силы. Затем холмы Севастополя покрылись могилами его славных защитников, и все это закончилось унизительным Парижским миром и началом накопления огромной массы внешних долгов.

Третий провал: разрешение ввозить Американский хлопок в сырце без всякой пошлины

Ни от кого никаких предостережений о вредных последствиях беспошлинного ввоза хлопка не было, а напротив, все восхищались тем, что в Москве, Шуе и Иванове сооружаются - в виде башен - высокие дымогарные фабричные трубы. Из всех людей того времени я знаю только одного, Николая

---

[16] Вскоре по рассмотрении проекта князя СВ. Кочубея и К° о сооружении южной железной дороги стали в Петербурге рассказывать, что главным противником этого предприятия явился граф Клейнмихель, бывший тогда главноуправляющим путями сообщений. Он находил, что сооружение двух дорог разом встретит затруднение в рабочих и в заготовлении всех вообще материалов для рельсового пути. Разумеется, в этом все видели вымышленные причины, и никто не мог поверить тому, чтобы в России мог оказаться недостаток в рабочих и в материалах лесных и каменных, и в противодействии графа Клейнмихеля видели другую причину: он боялся, что южная дорога выстроится скорее и дешевле, чем междустоличная. Мне случилось быть у графа Вронченки в тот день, когда у него в кабинете, по случаю его болезни, собрался комитет из высших сановников для обсуждения вопроса о постройке южной линии. Когда вышел из заседания товарищ министра финансов (П.Ф. Брок), я полюбопытствовал спросить его о результате заседания и получил ответ, что последовал отказ. Мне это заседание в особенности памятно потому, что я дожидался окончания его на балконе дома министерства финансов (возле Мраморного дворца) и смотрел/~как в это время у стены Петропавловской крепости разводил пары французский пароход, отправлявшийся в Гавр с принятым им грузом из Петропавловской крепости золотыми слитками на 50 млн. рублей, которые Россия выдала взаймы французскому правительству. Вот какие были времена! Можно ли было в это время подумать о том, что через сорок лет наша подпись на облигациях займов при уплате этих займов государственными кредитными билетами будет цениться только 50 коп. за рубль. В.К.

Арсеньевича Жеребцова, который, имея привычку острить, говорил, что в эти трубы Россия вылетит в трубу, и затем развивал вредные последствия от уничтожения льняных посевов и платежа денег за хлопок.

Четвертый провал: уничтожение в Кяхте разменной торговли

Тут было множество предостережений из Москвы, из Кяхты, из Пермской губернии и со всего Сибирского тракта, от фабрикантов и от оптовых чайных торговцев; но их мольбы не обратили на себя никакого внимания. Судя по тому, что разрушение меновой чайной торговли не возбуждает и доселе никакого разговора ни в правительстве, ни в обществе, ложно заключить, что сознание вреда еще не вошло в наши мысли. Быть может, это сознание явится при дальнейшем упадке кредитного рубля, и мы увидим, как высасывает нашу финансовую силу приобретаемый нами не на мену, а на деньги чай. Тогда конечно мы подсчитаем в цифрах, сколько каждый год нам приходилось тратить монеты на чай вместе с покупкою Американского хлопка.

Пятый провал: Главное общество российских железных дорог

Почти все сословия были против этого общества, потому что появление его глубоко оскорбляло всех русских людей. Всюду говорили: когда нужна наша жизнь и кровь и наше достояние, в то время мы в цене, а когда является внутреннее благоустройство и возможность наживы, тогда вместо нас обращаются к Французам. Главное Общество вытянуло из России десятки миллионов и не подверглось никакому взысканию за нарушение своих обязательств перед правительством[17].

---

[17] В противоположность этому, сколько бы можно было насчитать случаев беспощадного отношения к русским деятелям за накопившиеся на них казенные долги, без всякой прямой с их стороны вины, а по несчастному стечению обстоятельств. Вспомним известного Варгина, поставщика провианта для войск в Отечественную войну 1812 г., имевшего процесс с казною в течение почти 50 лет, из которых год или два содержавшегося в Петропавловской крепости и освобожденного лишь по настойчивому ходатайству князя Суворова Италийского у Государя Императора Николая I. Варгин был поставщиком провианта, холста и сукон; операции эти в то время относились до двух департаментов - комиссариатского и провиантского. Один департамент на него насчитывал 1.200.000, а с другого ему следовало получить 2 млн. рублей. За состоящий за ним долг на все его известные дома в Москве было наложено запрещение, а о получении следующих ему денег было предоставлено право ходатайствовать. Варгин умер в глубокой старости, не дожив до полного окончания дела по расчету с военным министерством. Я был с ним знаком и много раз беседовал о его делах, которые получили развязку уже после его смерти; дома перешли к наследникам, и один из домов (на Ильинке) был завещан покойным В.В. Варгиным в пользу бедных города Серпухова, как места его родины. Вспомним трех купцов, Шаврина, Иконникова и Ненюкова, первых железнодорожных подрядчиков, работавших земляное полотно под Николаевскую железную дорогу и более 30 лет не получавших за этот труд должного расчета. Обращаясь к Главному Обществу, я должен сознаться, что отношусь к нему с большою злобою, и вот почему: это Общество причинило мне огромные потери и сильное потрясение в делах. Оно обязалось строить железную дорогу из Курска до Либавы, и дорога эта должна

Шестой провал: Фирма "они"

При образовании этой фирмы никто не подозревал об ее существовании, но потом, когда стали распространяться ее законопроекты, ловко задрапированные в мантию либерализма, их принимали во всех сословиях сочувственно; когда же началось действие законопроектов, тогда пошел по России стон и вопль.

Причиною стона было то, что либеральные нововведения, уничтожив для помещиков кредит, лишили десятки тысяч помещичьих семейств возможности жить в своих имениях. На почве этого бедствия вырос нигилизм. Очень часто случалось, что при обращении помещиков к правительству за ссудою нескольких сот рублей для расчета за жнитво и пашню, им отвечали в таком смысле: майся, как знаешь, что нам за дело до тебя! Затем фирме "они" вполне принадлежит распространение пьянства посредством безграничного числа кабаков, разрушение сельского хозяйства от уничтожения мелких винокурен и вовлечение России в заграничные займы, вследствие недопущения русского народа кредитовать правительство своим трудом с получением за этот труд беспроцентных бумаг. Совокупность этих зол, конечно, гораздо более причинила вреда России, чем 1812 г., Севастополь, холера и все другие пережитые нами бедствия.

Седьмой провал: сооружение железных дорог без предварительного устройства рельсовых и локомотивных заводов, равно заводов вагонных и прочих принадлежностей железнодорожного дела

По этому вопросу не было слышно никакого предварительного возражения, вероятно оттого, что если образовано Главное, якобы русское, общество железных дорог с французами во главе, то уже все Русские люди, поникнув духом, находили невозможным даже помышлять об устройстве таких заводов, из которых изделия надобно сдавать во французские руки и подвергаться всевозможным притеснениям.

Сооружение железных дорог, с выпиской всех принадлежностей из-за границы, возвысило их ценность и увеличило нашу задолженность на сотни миллионов. Впоследствии стали образовываться и в России заводы для железнодорожных принадлежностей, но образование это шло очень вяло без

была проходить через всю Витебскую губернию на расстоянии 400 верст, что и было объявлено в Правительствующем сенате при торгах (1858) на откупа витебские и курские. Объявление это произвело на торгах большие наддачи, и означенные откупа остались за мной; но так как Главное общество оказалось неисправным, то постройка Курско-Либавской линии была отменена, а вызванное этим событием возвышение цен на откупа не было уменьшено и для уплаты оказавшейся за мной недоимки я должен был лишиться акций русского Общества пароходства и торговли на миллион рублей и дома моего в Москве, против Кремля, в котором помещались огромная гостиница и товарные склады. Мне очень памятно, что этот дом у меня отбирали в казну в то время, когда я в нем проводил шумные дни, пируя вместе с американцами, приезжавшими на мониторе "Миантономо" приветствовать Государя по случаю спасения от Каракозовского выстрела В.К.

поддержки правительства, и заводы стали появляться в то время, когда более половины дорог было уже построено.

Восьмой провал: акцизная питейная система

Здесь предупреждения о вредных последствиях сыпались со всех сторон: все сословия, духовенство, дворянство, купечество, мещанство, крестьянство восставали против свободной продажи вина, желая, вместе с тем, чтобы монополия откупа была заменена монополией казны, без увеличения мест продажи. Никто этим возгласам не внимал, и затем последовало с 1863 г. введение в действие вольной продажи хлебного вина.

Этот провал можно сравнить разве с древним нашествием монголов. Все повержено в прах: жизнь мелкопоместных помещиков, жизнь крестьян, существование сельского скотоводства во всех северных губерниях и т. д. На этой почве выросло небывалое ядовитое растение: из пропившихся крестьян образовался сначала бездомок, а потом безбожник и отчаянный анархист.

Девятый провал: предоставление винокурения всем сословиям

Это произошло так моментально, что в обществе не успел еще сложиться никакой предварительный голос. От этой винокуренной равноправности прервалась уже всякая связь северного винокурения с сельским хозяйством.

Десятый провал: ересь, заключающаяся в том, чтобы не пользоваться народным кредитом посредством выпуска внутренних платежных знаков

Вся Россия, за исключением, может быть, одной трехсоттысячной ее части, поврежденной западными учениями, неприложимыми к нашему быту, удивлялась, что русский Царь, не желая кредитоваться у своего народа, жаждущего работы и верящего в свои платежные знаки, в то же время занимает у иностранцев за дорогие проценты и со скидкою с цены своих обязательств (получали семь гривен, а обязывались платить рубль), а уплату всех этих тяжелых займов возлагает на русский народ.

Одиннадцатый провал: сибирское золото и тариф

Никогда никаких предостережений не раздавалось ни в обществе, ни в народе до 60-х годов; но когда увидали, что мы делаем займы за границей, то все невольно задали себе вопрос: куда же пропало наше сибирское золото? С того времени уже постоянно слышались во всех сословиях желания о возвышении тарифа, в силу чего был назначен в 1868 году тарифный пересмотр, который вовсе не удовлетворил патриотических ожиданий. Так себе и стали жить с 1868 года по настоящее время: пошлем целый караван овса или пшеницы и получим за него один вагон с модными товарами[18].

---

[18] Когда уже была окончена настоящая статья, получено мною в высшей степени интересное сообщение от одного практического лица о том, как тарифом 1868 г.

Двенадцатый провал: право проживать за границею

Никаких возражений на это до самого последнего времени не было слышно, вероятно потому, что число проживающих за границей по отношению к народонаселению России весьма незначительно, хотя в то же время вредное влияние, производимое проживанием вне своего дома, отражается огромною потерею монеты и накоплением внешних долгов.

Тринадцатый провал: пренебрежение к мысли князя Барятинского

Бедственное для России пренебрежение к мысли князя Барятинского, как равно и самая мысль, была известна весьма немногим, и потому печалование о невнимании к спасительному значению великой мысли не проникло в народное обсуждение.

Четырнадцатый провал: Дагестан, пермское и вологодское солеварение

Эти провалы ограничиваются только скорбью тех местностей, где они образовались. Дело это никого не беспокоит, оно не касается Европы и относится только до мужиков, потерявших свои заработки и лишившихся средств к жизни; следовательно, это малозначительное событие не входит в состав глубоких петербургских финансовых созерцаний и остается никем не замеченным.

Пятнадцатый провал: дезертирство купцов из своего сословия в чиновники и дворяне

Ни от кого не было слышно никаких возражений, и многим, может быть, покажется странным самое включение чрезмерных купеческих наград в число провалов. Включение это основано на том, что почти все купеческие конторы, по выходе хозяев их из своего сословия, провалились. От следующего, уже обнищавшего поколения постоянно слышатся горькие жалобы на ошибку и увлечение их отцов; такие примеры я имею в кругу моих родственников[19].

было убито тонкорунное мериносовое овцеводство в России. Повествование об этом войдет в дополнение провалов в будущем 1888 г. В.К.

[19] В числе купцов, не поддавшихся чинобесию, были известные коммерческие дома: в Рыбинске - Журавлев, в Великом Устюге - Грибанов, в Ярославле - Пастуховы и т. д. Последствия показали, что дела преемников этих лиц, и вообще многих других, не поддавшихся соблазну, процветают и в настоящее время. Журавлев сам себе выработал колоссальный чин, снискав знанием дела такое общее доверие, что он сделался положительно торговым руководителем всей Волги со всеми ее притоками. Грибанов то же самое выражал по системе рек Северной Двины, Юзы и Вычегды. Стотысячное население, живущее около этих рек, передавало на его суда весь свой хлеб без определения цены, и расчет делался впоследствии, по продаже хлебов в Архангельске. Так продолжалось дело в течение нескольких десятков лет. Какой же чин может заменить подобное значение, столь сильно выражавшее общее доверие к г. Грибанову, сын которого, бывший председатель С.-петербургской биржи, вполне заменил для северного края

Вышеизложенные очертания корней и горечи последствий выясняют полное разрушение экономической силы от невнимания и пренебрежения к мыслям тех лиц, которые, видя близко народную жизнь во всей ее подробности, не раз заявляли все то, что для общей пользы нужно и что вредно. Вся беда в том, что наш либерализм, начавшийся с 60-х годов и заявивший себя разными преобразованиями, был не искренний, а ложный. Первая подкладка преобразований заключалась большею частью в служебной карьере тех лиц, которые сочиняли и проводили новые законопроекты. Вторая подкладка при утверждении законопроектов - желание пощеголять перед Европой появлением в России либеральных начал. При всем этом никто не давал себе труда вникнуть в народные потребности, и оттого новые правила и постановления сыпались на русскую жизнь, как хлопья снега, производя всеобщее угнетение. При этом нельзя отрицать того, что многие из лиц, подготовлявших преобразование, трудились, по их понятиям, добросовестно, желая всем добра, но вышло то, что все эти труженики усердно рыли ров для низвержения в него не только благосостояния, но даже и общественного порядка.

Не могу не заметить сам себе, что в экономических провалах, в нескольких местах, я повторяюсь в изложении причин и последствий, и это происходит оттого, что сжато и сокращенно (без повторений) мне писать некогда, за недостатком свободного времени, а потому я и остаюсь при том изложении, какое диктует мне внутренний голос. Всякий из нас знает, по опыту на самом себе, что внутренний голос многократно раздается внутри нас по тем предметам, которые внедрились в тоскующее сердце. Повторюсь еще раз: эти наболевшие предметы составляют в моем сердце самое горестное ощущение и выражаются в следующем: бедное и убогое денежное положение России, поверженной в невылазную трясину долгов; бедные крестьяне, в полинялых и дырявых ситцевых рубахах, лишенные сбыта льна и разоренные кабаками; бедные мелкопоместные помещики в количестве, конечно, более 50 тыс. семейств, лишенные крова и безбедного существования и не знающие, какая постигнет участь их бесприютных детей и т. д., и т. д.

Затем щемит сердце другая сторона медали: счастливая Америка, обирающая нас 50 лет за хлопок и вытянувшая из нас миллиарды; счастливая Германия, возвысившая свое политическое значение на счет упадка нашей политической силы;

своего незабвенного отца. К великой чести фамилии Грибановых относится учреждение в Великом Устюге льнопрядильной фабрики, закупающей местный лен и вырабатывающей лучшие полотна. Точно так же заслуживают всеобщей благодарности льнопрядильные фабрики: в Костроме СМ. Третьякова, под Ярославлем - Г.И. Хлудова и в Вязниках - Демидова. Все означенные фабрики могут вырабатывать полотна только высших сортов, а дешевые народные ткани производит бумагопрядильная нитка из привозного хлопка, в явный подрыв своему деревенскому льну.

Когда был произведен в действительные статские советники один из табачных фабрикантов, покойный Журавлев при встрече с этим фабрикантом называл его генералом-от-папирос, а другого чайного торговца из Сибири, получившего также превосходительный чин, - генералом-от-цибиков; теперь покойный Журавлев нашел бы генералов-от-тюков и генералов-от-кубиков. В.К.

счастливая Европа, высосавшая из нас всю старую монету времен Петра, Екатерины и Александра I и все сибирское золото и захватившая в залог, посредством закладных листов, многие русские земли! Не правда ли, есть отчего почувствовать нытье и тоску сердца и есть отчего подпасть под гнет невыразимого горя?

Вполне сознаю, что экономические провалы со всеми их подробностями не стоят, в смысле практической пользы, той одной строки, которая года три назад напечатана была (кажется, в "Современных известиях") и которая ясно и коротко определила, в чем кроется спасительное благоустройство русской жизни.

Статья эта задала себе вопрос: "Что нам нужно?" и ответила на него одною строкой: "Нужно хотя бы восьмушку Бисмарка".

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОВАЛЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ С 1837 г. (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Недели через три после напечатания "Экономических провалов" я приступил к прочтению их с самым напряженным вниманием. Мысли мои перенеслись в давно минувшее время, потом смешались с настоящими событиями и затем невольным образом устремились в будущую непроглядную даль. Из всего этого вышло целое наслоение критических взглядов на свой собственный труд: то обвинительных, то оправдательных, то отрицающих всякую надежду на выход из окружающих нас экономических затруднений, то имеющих слабое упование на освобождение русской жизни от накопившихся, в течение 50 лет бедственных угнетений.

Не скрою того, что написание "провалов" потребовало гораздо больших усилий, чем я предполагал, потому что мне не раз приходилось вытягивать из себя за 50 лет уснувшие воспоминания, и если читатели найдут мое повествование в некоторых местах довольно непоследовательным, то это едва ли можно отнести к прямой моей вине, потому что за давно прошедшим временем самые мысли и думы не могли быть стройными и поневоле являлись смешанно и сбивчиво.

Кроме того, в определении минувших действий властных лиц встречаются противоречия: одно и то же лицо то одобряется, то порицается, но в действительности это так и было, и избежать этого противоречия невозможно, не исказив верность современных взглядов и мнений, которые одобряли, например, сооружение железных дорог и порицали самый способ сооружения и делавшиеся для постройки заграничные займы. Точно так же, в знаменательное время уничтожения крепостной зависимости, в общих взглядах существовало полнейшее противоречие: все одобряли освобождение крестьян с землею, и в то же время все порицали равнодушие правительства к положению лично помещиков и угнетение землевладения уничтожением опекунских советов, без замены их новым кредитным учреждением с дешевым и доступным кредитом.

Вместо заключения представляю благосклонным читателям простой отчет в тех мыслях, которые роились у меня в голове после прочтения "Экономических провалов", излагая их совершенно в том порядке, в каком они появлялись в моем воображении, так что очерк мыслей составляет, так сказать, стенографию разговора, происходившего с самим собою, под диктовку внутреннего голоса.

Вот первое наслоение мыслей.

После калейдоскопного появления в моем воображении бывших событий, после неясных и смешанных воспоминаний, сам не знаю почему, по прочтении "Экономических провалов", я остановился на слове: безумный! безумный! Затем из этого слова стало развиваться дальнейшее мышление. Зачем ты, безумный, наделал себе изданием в печать "провалов" огромную массу врагов? Вникни.

Затронув интересы бумагопрядильных и ткацких фабрикантов (провал третий), ты образуешь в них враждебное настроение.

Говоря о повороте чайной торговли на Кяхту для оживления Сибирского тракта и для уменьшения выпуска монеты за границу, затрагиваешь (провал

четвертый) интересы всех чайных торговцев, основавших свою деятельность на распродаже чаев, привозимых из-за границы.

Выясняя вредоносность Главного общества железных дорог (провал пятый), задеваешь учреждение, имеющее почти полугосударственное значение.

Выводя наружу причину всех бедствий, созданных фирмою они, забываешь, что значение этой фирмы непомерно сильно: к ней принадлежит множество влиятельных лиц, и ее принципы укоренились не только в мыслях этих лиц, но даже вошли в штукатурку тех присутственных кабинетов, где заседают члены могущественной фирмы они. Подумал ли ты, безрассудный, о том, какая нужна вентиляция, чтобы освежить и проветрить штукатурку?

В седьмом, восьмом и девятом провалах ты восстановляешь против себя все многочисленное и многозначащее акцизное ведомство, ставя ему в вину уничтожение мелких винокурен и увеличение пьянства, и затем касаешься устроенных для помещиков мышеловок, т.е. земельных банков.

В десятом провале, говоря о неудовлетворении готовности русского народа кредитовать правительство своим трудом, осмеливаешься скорбеть о допущении злополучных займов на счет народа без его ведома, совершенно забывая, что займы эти проектированы и одобрены современными финансовыми светилами.

В одиннадцатом и двенадцатом провалах доказываешь, что все наше сибирское золото ушло за границу, вследствие предательских тарифов и широкого проживания денег за границей. Тут уже чувствительно задеваешь самую интеллигентную часть общества, потому что проживатели денег за границей считаются, так сказать, сливками общества, и если они портят наш баланс и обесценивают наш денежный курс (не считая прожитка больных и учащихся) на 10-20 млн. в год, то это, из вежливости к Европе, следует переносить безропотно.

Тринадцатый провал единственный, где ты никого не задеваешь, говоря о беседе с князем Барятинским. Тут главнейше соприкасаются этому вопросу одни молчаливые могилы на высотах Шипки и в оврагах Плевны.

Четырнадцатый провал также никого не оскорбляет: в нем идет речь о разрушении мареноводства в Дагестане и солеварения в Пермской и Вологодской губерниях, следовательно дело касается только рабочих тружеников, значит, и недовольных из интеллигентной сферы быть не может.

Пятнадцатый провал говорит о вредных для развития и упрочения торговли последствиях от болезни чинобесия, выражающейся переходом купцов в чиновные классы. Очевидно, что это замечание делает недовольными всех тех, до кого оно касается.

Действительно, я поступил опрометчиво, выведя наружу все то, что за 50 лет во мне скопилось. Ведь можно бы было поговорить кое о чем, так себе, кругленько и жиденько, пошевеливая пером без всякого участия сердца, следовательно и не задевая никого, вроде того, как пишут в канцеляриях: с одной стороны, мы видим недостижение цели, а с другой стороны, если взять во внимание бывшие обстоятельства, то нельзя не сожалеть, что они (эти обстоятельства) упорно противодействовали осуществлению других, более полезных мер и т. п. Наконец, какая цель идти на неприятность при полном убеждении, что стену равнодушия к общей пользе ничем пробить нельзя. Другое дело, если бы самопожертвование своим спокойствием привело, хотя бы частью, к поправлению бедствий, принесенных "провалами"; тогда бы не стоило обращать

внимания на вред, приносимый самому себе; а теперь остается повторить то, что сказано вначале: безумный! безумный!

Второе наслоение мыслей

После продолжительных и мрачных дум показался какой-то свет в мыслях, выразившийся так: Но позвольте, отчего же я безумный? Безумные ничего не помнят и не имеют никакой способности к последовательному изложению пережитых событий, и, короче говоря, безумные несут дичь, а я написал сущую правду, продиктованную мне возбуждением воспоминаний за 50 лет моей жизни, и написал это, вступая в восьмой десяток лет, когда уже делается возможным и позволительным, стоя одною ногою в гробу, относиться с полным хладнокровием к человеческой вражде.

Впрочем, не все же, до кого касаются "Экономические провалы", обратятся в моих врагов; и в числе их найдутся люди, добросовестно сознающие свои ошибки, последовавшие от временного затмения их воззрений, а затем сколько же найдется людей, которые отнесутся одобрительно. Вот кто одобрит:

Все те, которые, при замене бумагопрядильной нитки льняною, будут вместо линючего непрочного ситца носить рубашки и сарафаны из прочной льняной ткани.

Все те, которые начнут сеять лен и продавать его на льнопрядильные фабрики.

Все те, которые получат несуществующий теперь заработок при провозе по Сибирскому тракту нескольких миллионов пудов чая, при направлении этой торговли на старый порядок. Заработок этот составит более 10 млн. рублей в год для сибирских извозчиков, не говоря уже о государственной пользе в отношении уменьшения отлива нашей монеты за границу.

Все те помещики, которые от устройства мелких сельскохозяйственных винокурен получат возможность водвориться в своих заброшенных имениях и жить безбедно.

Все те крестьяне, которые с приобретением барды в деревнях, увеличат свое скотоводство, напоят детей молоком и увидят на своем столе мясное варево.

Все те, которые спасутся от дальнейшего пропойства, вследствие значительного уменьшения мест продажи хлебного вина.

Все те рабочие в Пермской и Вологодской губерниях, которые, при возрождении там солеварения, избавятся от нищенства.

Все те, которые спасутся в купеческом сословии от заразы чинобесия и тем самым сохранят устойчивость своих торговых домов и твердое положение для своих наследников.

Неправда ли, читатель, что итог пользы значительно перевешивает итог неприятностей, которым я подвергаюсь по случаю напечатания "Экономических провалов"?

Третье наслоение мыслей

Какая пустая мечта воображать, что из "Экономических Провалов" выйдет какая-то польза. Еще непозволительнее думать, что "все те", за приобретенное ими

благоустройство в жизни, затмят своим сочувствием вражду тех лиц, которые сочинили выраженные в провалах беды и напасти. Такой взгляд, по меньшей мере, выражает ребячество и непонимание того, что "все те" будут давно уже в могиле, когда вопросы об улучшении их быта, зародившись в канцелярских лабораториях, поступят в особые комиссии для составления объемистых томов под названием: "Труды такой-то комиссии". Между тем эти-то, которые повергнули русскую жизнь в обнищание, сейчас же высунут свое ядовитое жало. Кроме того, где же проводники к введению в жизнь всего того, что по смыслу провалов должно быть усвоено для жизни? Нет, от обаятельной мысли достижения пользы надобно отрешиться, приводя на память следующие, испытанные на самом себе события, в которых я был действующим лицом.

I. В 1862 г. был представлен с лишком от 50 лиц составленный с моим участием проект сооружения железных дорог на русские средства без гарантии от правительства, поставленный в связь со сбором акциза с хлебного вина. Проекту этому дали истолкование возрождения откупной монополии, тогда как вся продажа хлебного вина предоставлялась, на основании вновь вводимой тогда акцизной системы, всем желающим торговать вином, но только без спаивания народа, т. е. без увеличения кабаков, а чтобы частная компания заменяла собою казенную администрацию по сбору акциза, обязываясь притом строить железные дороги, как выше сказано, без гарантии и без займов за границей. На проект этот была объявлена резолюция, напечатанная в то время во всех газетах и начинавшаяся словами: "отвергая" и проч.

После этого отвержения мы стали искать милостивых пособий, в виде займов у заграничных банкиров. Расчет компании, предлагавшей обойтись русскими средствами, был основан на том, что у нее не будет потерь по вознаграждению винокуренных заводчиков за перекур вина, и на сбереженные через это суммы построятся железные дороги и поступят в собственность правительства. Таким образом, правительство, не делая заграничных долгов, имело бы даром железные дороги. Вознаграждение за перекур, как мы видели (в девятом провале), составило по отчетам министерства финансов по 1880 г. 324.250.160 руб., а по 1887 г. оно, вероятно, составляет 500 млн., на которое могло бы быть выстроено, по меньшей мере, 10 тыс. верст железных дорог. И вот такой-то проект, в котором заключалась сила саморазвития, спасение России от внешних долгов и выражение перед всей Европой нашей возможности создавать все нам нужное дома, своими собственными средствами, был отвергнут. Сильно затрещала тогда русская грудь и лопнула подоплека, дух предприимчивости и деятельности был убит, карман у всех - включительно с правительством - оказался прорванным; но зато адски улыбнулись немцы и полунемцы, т.е. теоретики-финансисты, возрадовались биржевые маклеры, комиссионеры и всевозможные агенты, действовавшие по приисканию денег за границей для бедной и убогой России, признанной самим правительством бессильною к самовозрождению и бесправною в смысле удовлетворения ее патриотических ходатайств. И все это происходило в те годы, в которые мы стремились прославлять себя проявлением в России либерализма.

Обращаясь к воспоминанию об означенном проекте, живо представляю себе те дни, в которые мы развозили его ко всем господам министрам. От всей

компании для этой развозки и потребных объяснений было выбрано 10 лиц: Д.Е. Бенардаки, В.Н. Рукавишников, М.А. Горбов, В.С. Каншин, И.Ф. Мамонтов, банкир Капгер и я, а остальных не могу припомнить. Везде мы были приняты очень холодно, и никто из властных лиц не хотел продолжать с нами никакого разговора о подробностях проекта, так что мы совершенно напрасно усиливались доказывать возможность обойтись при сооружении железных дорог без внешних займов и необходимость охранить сельскую жизнь от непомерного пьянства, долженствующего последовать при безграничном распространении кабаков. Самое памятное событие совершилось при появлении нашем в министерстве внутренних дел, у Чернышева моста, где в каком-то из департаментов министр внутренних дел граф Валуев принимал просителей. Мы приготовились высказать министру, заведовавшему направлением и порядком внутренней жизни России, что акцизная система, не охраняющая интересов мелких сельских винокурен и представляющая развитие пьянства, приведет в обнищание десятки тысяч помещичьих семейств и сотни тысяч крестьян; но все, эти соображения остались невысказанными, потому что здание министерства было ночью поражено пожаром, охватившим его со стороны сгоревшего в то время Апраксина двора, и швейцар нам объявил, что никого принимать не велено. Через 3-4 года после этого путешествия по министрам, при свидании с банкиром Капгером, он мне сказал: "Я был в вашей русской компании, чтоб строить железные дороги без заграничных займов; но финансисты отвергли наше предложение, а потому я невольно преобразовал себя в пиявку, высасывающую денежную силу России, т.е. сделался фактором приискания денег за границей фон Дервизу для устройства рельсового пути от Коломны до Рязани и далее". Вот где начало железнодорожных высоких цен и накопления внешних долгов.

II. В течение десяти последних лет сколько написано было мною и другими лицами статей в московских и петербургских газетах и журналах, сколько сказано речей в Петербургском сельскохозяйственном клубе, сколько подано записок властным лицам о прекращении безобразного пьянства и о необходимости образовать мелкое сельскохозяйственное винокурение для спасения небогатых помещиков от расстройства, и нигде, ни у властных лиц, ни в земствах, ни в дворянских собраниях, ни в городских думах и ни в обществе (увы!) эти слова и речи услышаны не были.

В этом деле, т.е. в распространении кабаков и уничтожении мелких винокурен, равно и в отказе русской компании строить железные дороги на свои средства, знаменитые "они" проявили всесильное могущество и вместе с тем полную бесчеловечность, поразив Россию в самое сердце тремя тяжкими и неисцелимыми язвами, а именно: Государственное казначейство - заграничными долгами, быт крестьян - соблазном к пьянству, мирную жизнь помещиков - изгнанием их из отцовских жилищ. На всей этой почве смешанных зол засел и укоренился нигилизм, породивший адское динамитоварение. Затем образовались те преступные намерения и действия, которые наполняли ужасом русские сердца в страшные дни 4 и 2 апреля и 1 марта и которых тление и вспышки существуют и доныне.

III. На множество неутешительных и самых безотрадных мыслей наводит бывшее в 1868 г. ходатайство 92 русских людей об отдаче им Николаевской железной дороги. Это

ходатайство было возбуждено уверенностью, что правительство пришло к сознанию своей ошибки в учреждении Главного французского общества железных дорог, ухитрившегося обобрать русскую казну на несколько десятков миллионов, и что если это общество имело дерзновение просить об отдаче ему Николаевской дороги, то, вероятно, в том убеждении, что в России не найдется такой внутренней силы, которая могла бы быть ему соперником. Сила эта нашлась в упомянутых 92 лицах, которые выбрали из себя депутатов для ходатайства перед правительством; депутаты эти были: Чижов, Кошелев, двое Мамонтовых, Рукавишников, Горбов, Полетика, я и еще кто-то. Депутаты эти прожили в Петербурге по этому делу семь месяцев. Для рассмотрения наших предложений, сравнительно с предложениями Главного общества, было памятное и замечательное особое заседание в Аничковом дворце, состоявшее из всех министров, под председательством Наследника Цесаревича, ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра Александровича, с участием в заседании Великого князя Константина Николаевича и с приглашением от Главного Общества бывшего тогда председателем совета оного графа Г.А. Строганова и от русской компании двух лиц, Полетики и меня. Ни граф Строганов, ни мы не были членами заседания, нас призывали только для ответов на предлагавшиеся нам вопросы. К.В. Чевкин, сильно желавший успеха русской компании, накануне сказал мне, что нас спросят в заседании о каком-то добавочном миллионе (подробного значения этого миллиона не упомню) по платежу в казну за право владения дорогой, то чтобы мы отвечали на это полным согласием, что, разумеется, и было нами исполнено. После этого заседания дело перешло вскоре в Комитет министров, где значительное большинство членов было за отдачу Николаевской дороги русской компании. Затем, для окончательного решения дела, был назначен в Царском Селе особый совет в Высочайшем присутствии Государя Императора. Совет состоял из министров, председателей департаментов Государственного совета и других высокопоставленных сановников, а всего из 22 лиц, из которых 17 были за русскую компанию, включительно с Августейшим покровителем русской предприимчивости Государем Наследником Цесаревичем; но дело решилось согласно с мнением меньшинства, на основании каких-то финансовых интересов, долженствующих выразиться в возвышении цены на акции Главного общества. Понятно, что ожидания эти оправдались, когда в состав деятельности этого общества вошла такая сильная и доходная дорога, как Николаевская. Акции сильно поднялись в цене, а народный говор удостоверял в том, что значительная часть акций Главного общества принадлежала некоторым членам меньшинства, подававшим голоса за отдачу этому Обществу Николаевской дороги. Этот говор может быть доказан или опровергнут документальною справкою в делах Главного общества; но мы обратимся теперь к разбору того мнения, почему возвышение цен на акции Главного Общества могло быть признано полезным для всей России в видах улучшения ее финансового положения. Разве возможно улучшать финансы подавлением внутреннего стремления русских людей к деятельности? Такую систему можно сравнить вот с чем: положим, в какой-либо волости отлично удобрили поля и получили значительный урожай, но удобрение произвели, зарезав

в этой волости всякое дыхание, запахав в землю трупы и полив поля кровью. Так вышло и здесь. Поднялись акции Главного общества на европейских биржах, к очевидной выгоде держателей этих акций, по большей части иностранцев, и поднялись оттого, что задушили стремление 92 лиц, за которыми стояло ожидающих правдивой развязки дела - за каждым более ста лиц. Это решение произвело великое разрушение русской экономической силы. Ходатайствуя об отдаче русской компании Николаевской дороги, все мы чувствовали, чем каждый из нас мог выразить пользу относительно верного назначения перевозочных тарифов, устройства на станциях здоровых помещений для служащих, слесарных школ, товарных складов и т. д.; но оказалось, что никогда никто из нас не может ничем быть полезен своей стране[20].

После всего этого понеслась по обширному пространству русской земли молва, что кровные дети русской земли напоминают собою пасынков, обреченных мачехою не на самостоятельное хозяйство, а на батрацкую работу у иноземных хозяев.

В числе означенных 92 лиц были известные представители дворянства, земства и купечества; все это взятое вместе изображало кружок людей живых, мыслящих и знающих русский быт. Когда разнеслась весть, что в Комитете министров оказалось значительное большинство за русскую компанию, поздравлениям не было конца, потому что успех этот веселил сердце каждого русского; но когда после совета в Царском Селе последовал отказ, и дорога, сооруженная Императором Николаем Павловичем, попала в руки такого общества, корни которого находятся в Париже, тогда выражению огорчений не было предала. В домах, в клубах, в трактирах, на гуляньях несколько дней шел гул глубоких сожалений о презрении к русской деятельности. Вот тут-то ясно обозначилась ложность тогдашнего либерализма и ясно высказалось то, что мы либеральничаем только перед Европой и для Европы и душим дома всякое начинание, желающее выразить русскую самобытность. Из сановников всех более скорбели Чевкин и Мельников, сильно желавшие успеха русской компании. Нам казалось, по некоторым признакам, что Чевкин своим сочувствием к нам желает смыть свой грех за допущенное им устройство Главного общества, а Мельников также смывает другой грех, лежавший на его совести: за производство американца Уайненса, заведовавшего техникою Николаевской дороги, в 10 миллионные капиталисты, тогда как множество русских людей (Путилов, Струве, Полетика и т. д.) могли его заменить, не увозя нажитых денег за границу. П.П. Мельников до того придавал важное значение отказу в отдаче Николаевской дороги русской компании, что

---

[20] Скоро исполнится 20 лет, как Главное общество владеет Николаевской дорогой, и чем же заканчивается это двадцатилетие? Оно заканчивается, бывшим на днях, рассмотрением в Комитете министров дела о самовольном недовзносе Обществом из выручки Николаевской дороги 13 млн. рублей, а по отчетам ревизовавшей дела и отчеты Общества комиссии - 30 млн. рублей. Очевидно, что такая сумма, как 30 млн., могла накопиться только в течение нескольких лет. Не было ли бы удобнее, не допуская этого накопления, оканчивать расчеты каждогодно, и тогда, вероятно, не понадобилось бы сочинять новые стеснительные налоги на страхования и на дрожжи, нужные для печения хлеба. Теперь, конечно, придется означенные миллионы присоединить к прежним десяткам миллионов, состоящим в долгу за Главным обществом. В.К

открыто многим сановникам и посещавшей его публике выражал свое огорчение, присовокупляя, что отриновение русской компании от дела умаляет значение знаменательного дня 19 февраля 1861 г., так как по его мнению после этого дня надобно было всякую деятельность - большую и малую - сосредоточивать только в русских руках, с обязанностью давать служебные занятия обнищавшим помещикам, дабы не распложать недовольных. Вероятно, громкие сетования Мельникова были отчасти поводом к увольнению его от должности министра путей сообщения.

Но что же выиграли финансы в общем итоге от подъема акций Главного общества и к чему все это привело? Наш рубль упал впоследствии наполовину, а заграничные наши друзья-банкиры, еще более завладевши нами посредством уступки Николаевской дороги Главному обществу, успели окончательно одурманить нас мнимою дружбою и вовлекли в неоплатные долги. Кто же нас спасет, когда наступят горькие дни несостоятельного всероссийского конкурса. Конечно, спасителями явятся не заграничные друзья, а те же горемычные лица, которых мы зачислили в батраки, выказав полное неуменье поднять экономическую силу России посредством подъема русских деятелей, хотя Германия представляла нам пример этого подъема в лице Борзига и Круппа.

Итак, говоря без преувеличения, что если такие предложения (постройка железных дорог на свои средства, уничтожение пьянства, спасение помещиков от разорения и передача Николаевской дороги русской компании), которые составляли твердые устои государственной жизни, не удостоились никакого внимания: так что же за пустая мечта думать, что какие-то "Экономические провалы" будут иметь лучшую участь? Так думать - значит, вовсе не понимать того, что у людей власти решительно нет времени для уяснения себе глубокой сущности в предложениях, делаемых русскими людьми. Одно выслушивание докладов о текущих делах с соображениями, почерпнутыми из архивных шкафов, и затем подпись массы распорядительных бумаг, порождаемых этими докладами, поглощает все время, хотя 9/10 этих бумаг, если б они никогда не выходили из Петербурга, только уменьшили бы сумму жизненных затруднений.

Все это приводит к такому заключению, что действие машины, расстроенной введением в жизнь чужеземных оснований, сообщило ей такую постановку, что если в некоторые места вложить (выражаясь технически) цельные шестерни и пальцы, то стучанье и неровность еще более увеличатся, потому что свежие и правильные части будут противиться действию расшатанности.

Но положим, что машина скрипит и хлопает, но зато в обществе живы верные и устойчивые взгляды. Едва ли! Мы видели, как чествовали в Москве, сердце России, поставщика хлопка в сырце и устроителя бумагопрядильных фабрик. Это чествование было бы понятно в Лодзи или Дерпте, но и там на это не решились, а в Белокаменной, возле стен старейшего университета, вредоносную деятельность торговца хлопком возводили в заслугу России. К чему же после этого существуют кафедры Политической экономии и статистики? Было бы сто раз полезнее заменить их кафедрою изучения русской избы и разъяснить простой вопрос, что если деревня богата своими домовными произведениями, тогда и волость богата, а когда все волости богаты, тогда - и только тогда - богата и вся Россия. Все политико-экономические многоглаголания с кафедр, уклоняющиеся от

вышеизложенных простых начал, наполняют головы слушателей такими финансовыми и экономическими знаниями, из которых, как мы видели во всем настоящем повествовании, происходят деятели, вовсе не знакомые с потребностями русской жизни и при занятии ими высших должностей могущие повторить ошибки своих предшественников. Кажется, пора убедиться в том, что в России нет политико-экономической науки, выращенной на русской почве, и оттого все наши финансовые деятели, которые явились в 60-х годах пионерами преобразований, хотя трудились добросовестно, с уверенностью, что они преобразовывают русскую жизнь к лучшему, но последствия показали, что труды их незаметно для них самих клонились к ниспровержению общественного благосостояния и порядка.

А вот главнейший вопрос: где же этот сильный и притом преисполненный животворных мыслей человек, который протянет на самоткацкий бумагопрядильный станок льняную нитку, оживит Сибирский пустынный тракт кяхтинской разменной торговлей, развенчает Россию с Главным обществом российских железных дорог, испарит и обессилит фирму они, прекратит пьянство в деревнях, водворит помещиков в их имениях, придав им доходность посредством мелких винокурен, напоит крестьянских детей молоком и доставит крестьянской семье хотя бы в праздничные дни кусок мяса, образовав при распространении барды сельское скотоводство, выведет землевладельцев из зависимости от "мышеловок" (земельных банков), позволит народу кредитовать правительство своим трудом во всех его видах при исполнении полезных государственных работ, освободит навсегда Россию от накопления дальнейших долгов за границей, сбережет сибирское золото изменением тарифа в пользу России, устранит мотовство денег за границей, призовет к жизни солеварение в Пермской и Вологодской губерниях и уничтожит эпидемию чинобесия между купцами, - где этот человек?

Человека этого нет и не будет, да и сохрани Бог русскую жизнь от появления его с исключительным влиянием у подножия Престола. Такой человек всегда перейдет пределы должного и потребного и вовлечет общую жизнь в область неведомого пространства. Благо России состоит единственно в спасительной - Богом дарованной ей царской власти, могущей своим велением в постепенном стройном порядке созидать благоустройство русской земли, водворяя все то, что потребно для государственной силы и народного благоденствия, и устраняя все то, что противоречит потребностям самой жизни.

Четвертое наслоение мыслей

Итак, останавливаясь на последнем заключительном выражении третьего наслоения мыслей, чувствую себя исполненным радостных надежд и совершенной уверенности, что возможность улучшения нашего положения не составляет напрасной мечты.

Государь - надежа показал уже России в учреждении Дворянского и Крестьянского банков, образовавшихся вследствие непременной воли Его Императорского Величества, значительный шаг к освобождению русского землевладения от "мышеловок" (земельных банков) и в отмене Закавказского транзита благоизволил удостоверить русскую промышленность в ограждении ее от

подрыва со стороны иностранцев. Затем, сколько еще в короткое время настоящего благословенного царствования совершилось доказательств созидательной силы, исходящей прямо от воли монарха: сооружение стратегической сети железных дорог к западной границе, приспособление портов к расширению торговли с учреждением посредством добровольного флота постоянных рейсов из Черного моря в отдаленные русские порты Восточного океана и быстрое сооружение железных дорог от Каспия в Среднюю Азию, открывающее новые пути для русской торговли и сообщающее оживление среднеазиатских владений в смысле развития промышленности и упрочения в этих владениях незыблемой связи с Россией, но успехи наших дней не останавливаются на том, что мы сказали: русское сердце радуется самою вожделенною радостью при общих слухах об улучшении в войсках положения офицеров в смысле материального обеспечения и воздает похвалу мудрому правилу о несовмещении государственной службы с частными занятиями. Кроме всего этого, промышленная жизнь России чувствует себя вступившею на путь ограждения ее внутренних интересов от подрыва иностранными товарами, и это общее радостное самочувствие порождено целым рядом тарифных изменений, направленных к развитию внутреннего благосостояния. И все это, что мы перечислили, исходит прямо из сердечной заботливости нашего возлюбленного Государя о благе и славе России.

Да будет же он - наше сокровище - виновником дальнейшего и всестороннего благоустройства русской жизни. Кроме этой несомненной надежды, самое сильное содействие к достижению благоденствия доставит нам особая сила, это сила нашей нужды и крайности. В предисловии к "Экономическим провалам" было сказано, что над Россией совершится исполнение священного изречения: в скорби моей распространил мя еси. Силу и значение этих слов, заменяющих собою всяких влиятельных проводников, может познать и оценить только тот, кто носит в себе горячую любовь к отечеству.

Странное свойство России! То, что в других государствах окончательно расслабляет народную мощь, у нас, наоборот, из немощи может возродиться укрепление экономической силы и поводом к тому будет (всенепременно будет) наша обязанность ежегодно платить 270 млн. процентов по долгам и наш многомиллионный дефицит по, государственной росписи. При этом нельзя не сказать, что "они" ужасно как дорого взяли с России за урок нашего сознания и ощущения наших общих трудностей. Итак, судите сами, сколь велика наша сила, когда видимое бессилие имеет способность толкать нас к новой силе. За доказательствами дело не остановится. Вот они: усиленный тариф на хлопок, с применением всего вообще тарифа к полной охране русских интересов, прекращение пьянства, распространение мелкого винокурения, спасение сибирского золота от исчезновения его за границу и сокращение прожитка денег за границей без всякого стеснения для больных и учащихся, с избытком покроет все потребности государственной росписи. Это явление воздействует самым благоприятным образом на улучшение курса и покажет всем нашим недругам, что надежда на поворот к лучшему представляется вероятною и достижимою. Какое сильное горе поразит тогда всех недругов при виде того, что они нас не совсем еще доколотили и что мы, вздохнув и оправившись, получили возможность встать на свои ноги,,

Пятое наслоение мыслей

После восторженных надежд мысли мои опять сделались робкими и подчинились духу сомнений, иначе говоря, подчинились общему настроению, в котором все мы находимся, т.е. маловерию в возможность полного и быстрого во всех частях возрождения. Затем все надежды показались увядающими и внутреннее настроение преисполнилось безотрадного уныния. Да будет же это настроение неверным и ложным.

Но где же корень грустного направления? Не есть ли это явление бессознательное? Нет, к несчастью, оно исходит из глубокого сознания неисправимости трех тяжких провалов: 1) опоздание в 40-х годах сооружением железной дороги из Москвы к Черному морю; 2) накопление заграничных долгов и 3) пренебрежение к мысли фельдмаршала князя Барятинского. Остается одно утешение - принять эти провалы, как наказание свыше за великий грех духоугашения светлых патриотических мыслей, и затем никогда подобных грехов не делать, чтобы еще более не пострадать.

Приближаясь к окончанию, скажу несколько слов о том, что хронология и цифры в "Экономических Провалах" намечены приблизительно. В самом предисловии к провалам сказано, что они извлечены из запаса памяти без всяких материалов; но впрочем, тут дело не в хронологии и не в точности специальных цифр, а главное - в сущности, т.е. были ли провалы и существует ли последовавшее от них экономическое и финансовое расстройство?

Что касается изложения пережитых мною (начиная с 37 года) взглядов и разговоров и вообще изображения народных мыслей, при всех вышеизложенных провалах, то все это списано с натуры с фотографическою точностью. Если бы мне понадобилось защищать себя перед судом общественного мнения в главной сущности провалов, то я могу выставить сильную защиту, состоящую в том, что мы действительно провалились на большую глубину: монеты нет, долгов бездна, дефицит непоправимый, а в экономическом положении что видим? Народ пьянствует, северные земли без удобрения и помещики без пристанища. Прибавим к тому: большинство молодежи во всех сословиях не видит ничего впереди, и день ото дня все более и более нравственно падает от нужд и лишений; а старость, видя могилу, с сердечною болью сознает, что оставляет своих преемников ни в чем не обеспеченными Но есть старость еще более скорбная - это жизнь тех стариков, сыновья или внуки которых, составлявшие цель и утешение их в жизни, лежат в земле, покончив свое существование, в припадке отчаяния, самоубийством. И таких изнывающих от печали старцев надо считать уже не сотнями, а тысячами.

О, ужас, ужас, ужас!

Окончу тем, что если нашей внутренней экономической политике суждено принять, во всех ее частях, русское направление, соглашенное с потребностями народной жизни, тогда из многих поразивших нас провалов мы выберемся на свет Божий и освежим себя чистым и здоровым воздухом; но, конечно, главные провалы останутся неисправимыми, и нам надобно уже примириться с тою горькою действительностью, которая будет проходить через всю будущую историю России. Повторим для глубокого укрепления в своей памяти, дабы не только наяву, но и во сне не забывались три ужасных непоправимых провала:

1. Опоздание в сооружении железной дороги из Москвы к Черному морю.

2. Жестокие по своим условиям заграничные займы.

3. Пренебрежение к спасительным мыслям князя Барятинского.

Все наши провалы, начавшиеся с 1837 г., не были последствием зол, нанесенных небом, вроде эпидемий, землетрясений и неурожаев, или грозного нашествия каких-либо врагов, подобно бывшему в 1812 г. Все беды надвинулись на нас, как наказание за великий смертный грех - духоугашения, и чем более гаснул дух народных мыслей, тем более входил в законопроекты и вообще в насилование жизни дух умопомрачения. Историк России будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, так сказать, ничтожное дело, отправляясь, в течение XIX столетия, по два раза в каждое царствование, воевать с какими-то турками, как будто эти турки могли когда-нибудь придти к нам, в виде наполеоновского нашествия. Покойное и правильное развитие русской силы в смысле экономическом и финансовом, без всяких походов под турку (говоря солдатским языком), порождавших на театре войны человекоубийство, а дома - обеднение в денежных средствах, произвело бы гораздо большее давление на Порту, чем напряженные военные действия[21].

Пора сознаться в том, что мы забыли то, чего нельзя ни на минуту забывать, забыли, что животворные мысли, выражающие наитие Божией благодати, ниспосылаются тем людям, которых наша горделивая и бессодержательная суетность считает невеждами, не ведая того, что выражение на земле высших небесных тайн было вверено грубым простолюдинам, оставившим нам завет не угашать духа, в нем бо сила!

И этот великий завет, изреченный носителями на земле всетворящего Духа Божия, должен бы был составлять неуклонную стезю жизни; а мы с нашим оледенелым сердцем и извращенным воззрением, уклонившись от истинного светозарного пути, стали искать спасения в окоченелых канцелярских справках и форменных пустословных комиссиях, думая найти в них свет разума (о, несмысленное заблуждение!), и, убедившись сто тысяч раз, что на этом пути ничего нет, кроме темнообразной путаницы, все-таки продолжаем коснеть в глубокой тьме вредного лжесловесия и разрушительного злообразия.

Слышу возражения, смешанные с вопросом: все это одни слова и никто не знает, где находятся люди света и какая есть возможность их найти? Отвечаю: эти светочи живут вместе с нами и находятся на всех дорогах жизни, озаренные лучами правды и долготерпения.

Крестьянская семья, питающаяся милостыней и обливающаяся слезами о расстройстве жизни, по случаю увеличения кабаков, представляет собою живую государственную лекцию (гораздо более поучительную, чем все наши экономические лекции), к которой надобно бы было приложить внимательное ухо власти более двадцати лет тому назад[22].

---

21 Читатели "Архива князя Воронцова" припомнят, что эту же самую мысль относительно безвредности турок и необходимости беречь нашу силу для врагов с Запада неоднократно выражал граф Семен Романович Воронцов еще в прошлом столетии. ("Русский Архив" 87 г.).

22 Мне не раз случалось посещать лекции политической экономии в Москве и Казани, и эти посещения вполне убедили в том, что слушатели ничему научиться

Помещичья семья, вытесненная из своего гнезда бескредитным удушьем и разрушением мелких винокурен и скитающаяся по белу свету уже четверть столетия, составляет вторую государственную лекцию.

Кружок людей, умолявший властных лиц не учреждать Главного французского общества железных дорог, а образовать вместо этого русскую деятельность, составляет своего рода поучительную, также государственную, лекцию.

Другой кружок, составившийся из 92 патриотических лиц и ходатайствовавший об отдаче Николаевской дороги, выражал собою живой родник чистых струй народной деятельности; но этот родник засыпали разным сором теоретических чужеземных воззрений и т. д. и т. д.

По всему видно, что смиренные светочи, т.е. помещичьи и крестьянские семейства, разоренные преобразованиями, не могут в течение 25 лет возбудить к себе такого внимания, которое бы поворотило их быт на новый лучший путь. Без сомнения, это нерадение происходит от общего свойства русской натуры, одинаково подчиняющейся как в простонародье, так и в интеллигенции, известной поговорке: русский не перекрестится, пока гром не грянет. Впрочем, течение русской жизни представляет не одну только сдержанную скорбь, но и грозу со страшным громом, беспрестанно вокруг нас раздающимся. Замерзающие зимой на дорогах крестьяне, пропившие свою одежду и обувь, или преждевременно умирающие в деревнях от жестокого пьянства, разве не представляют собою грозу и бурю? Затем, случаи убийства из-за нескольких гривен, совершаемые от помутившегося от пьянства рассудка, также выражают смертоносный гром бедствий. Наконец, наша молодежь, наши будущие заместители в жизни (офицеры, студенты и гимназисты), оканчивающие жизнь самоубийством, неужели не в силах возбудить такую деятельность в наших мыслях, которая додумалась бы до причины, порождающей отчаяние? Если каждодневные оглашения в печати скорбных известий о самоубийствах нас не трогают, то какие же словесные убеждения могут возродить в нас чувство жалости. Какая речь может быть убедительнее и трогательнее бездушного пораженного смертью человека, и тем паче человека, самовольно лишающего себя жизни от тоски и невозможности направить себя на путь полезного труда. Давно изречено святым Златоустом, что если смерть наших братьев не может нас уцеломудрить, то затем уже никто и ничто нас не уцеломудрит. Остается одно: плакать горькими слезами при виде того, как мертвые духом погребают мертвых телом.

Но от всех разрушительных провалов, породивших бедность и самоубийства, можно бы было избавиться, если бы мы оканчивали каждый день строгим требованием от своей совести удостоверения в том, что в течение дня ни

не могут, а сбить себя с толку (если будут верить в лекции, не относясь к ним критически), могут до такой степени, что потом между ними и народною жизнью образуется неисправимое непонимание друг друга. А сколько таких сбитых с толку людей попало впоследствии на влиятельные финансовые места? И начали эти люди направлять экономическую жизнь России по указаниям Мишелей Шевалье, Адамов Смитов и т. п., и зарыдали наши Трифоны, Прохоры, Матрены и Лукерьи и т. д., а затем надели на себя суму и пошли смиренно по миру питаться подаянием. В.К.

было отвергнуто ни одной просьбы, как бы она малозначительна не была, и ни одно предложение о разных потребностях не только больших городов, но и бедной деревни, не оставлено без скорого удовлетворения.

Не трудно отгадать, что во мнении читателя возникнет удивление, смешанное даже с досадою и порицанием, за то, что воспоминания за 50 лет представляют одни только провалы, как будто русская жизнь в течение полувека не имела светлых событий. Такое неудовольствие было бы вполне справедливым, если бы я за 50 лет описывал общее течение русской жизни и это описание наполнил бы одними экономическими провалами, но так как задача сочинения состояла в обозрении экономических преобразований, то это уже не моя вина, что пережитые мною преобразования и нововведения представляют беспрерывный ряд провалов, действительность которых осязательно удостоверяется настоящим финансовым и экономическим положением России. Справедливее будет такое заключение, что не все провалы мною исчерпаны; многие из них мне вовсе не известны и некоторые, без сомнения, не сохранились в моей памяти, но чтобы не оставлять в читателях сетования на то, что при созерцании всего прошедшего я был не способен видеть отрадных явлений, считаю моею обязанностью, хотя в кратком изложении, поименовать те события, которые веселили дух русских людей. Здесь я буду держаться того же правила, как и в провалах, то есть излагать те суждения, которые высказывались в обществе и в народе и ясно доказывали, что в то время, когда мы падали в экономическом положении, русская жизнь в других ее проявлениях выражала очевидный рост. Остановимся на нашей главной гордости, - военных силах России, беспрестанно обновляющихся дальнейшим благоустройством и через это достигающих самого блестящего и влиятельного положения в Европе. У всех русских людей на глазах значительное улучшение положения солдата в отношении пищи, одежды и всей обстановки солдатской жизни в казармах и лагерях. Это улучшение выразилось на самом наружном виде солдат, в особой их бодрости и веселости лиц сравнительно с прежним временем. Введенная - вместо рекрутских наборов - всесословная воинская повинность сразу прекратила семейные слезы и отчаянные вопли, какие слышались прежде.

Затем другие части государственного строя, положим, художественная (живопись, скульптура и архитектура), давно уже заняли самое почетное место среди образованного европейского мира, заявив всесветно множество талантов и массу замечательных произведений.

Русская медицина также, заняв самое почетное место в Европе, постоянно вносит в общую сокровищницу мировых знаний свои даровитые открытия и наблюдения для пользы человечества.

Инженерное искусство, сооружая мосты через такие реки, как Днепр и Волга, и пролагая дороги по Уральским и Кавказским хребтам, имеет полное право на то заслуженное удивление Европы, которое не раз высказывалось русским инженерам.

Примерно стройное и всех удовлетворяющее течение почтово-телеграфного дела не оставляет желать ничего лучшего. Но что выражает верх успеха и верное движение вперед, с постоянным вкладом полезных сведений в общую сокровищницу жизни, - это наша русская печать, заявившая свой очевидный рост в размере, объемлющем отечественные потребности.

Все подобные совершенства и правильные шаги вперед вовсе не существуют в той части управления, которая ведает экономию и финансы. В этой части, наоборот, все идет к упадку и этим упадком тормозится общее движение жизни по пути преуспеяния. Что же за причина возвышения первых вышепоименованных частей управления и упадка другой части, т.е. финансовой и экономической? Дело представляется в таком виде: военное хозяйство находится в непрерывном сношении с живыми людьми; офицеры узнают и подмечают все нужные потребности для обыденной войсковой жизни прямо из самого хода солдатской жизни, генералы узнают это от офицеров и потом все это безо всякого промедления восходит к решению главных высших властей; тогда как экономическая жизнь не может от своего начальства добиться никакого удовлетворения в ее насущных потребностях и даже не знает, кто ее начальство и где оно находится. Между тем на эту горемычную жизнь налагаются - без всякого совета с ней - законопроекты о налогах, измышляемые в канцеляриях на основаниях европейских теорий, а не живой жизненной потребности.

Мир художественный вовсе не имеет никаких канцелярий, живет и развивается сам собою, единственно от прямого соприкосновения к живой натуре человека и природы.

Мир медицинский также чужд всяких канцелярий и имеет дело прямо с пульсом человека; но ведь и у экономической жизни есть свой пульс, только, к несчастью, наука о политической экономии не приготовила, подобно медицине, экономических Эйхвальдов, Боткиных, Захарьиных и т. п., для ощупания экономического пульса, дабы по его ударам и отбоям можно было определять состояние общего экономического организма.

Мир инженерный, при всех сооружениях, находится в неразрывной связи с народом. П.П. Мельников не раз доказывал в своих разговорах, что только тот инженер может идти вперед, который умеет пополнять свои ученые знания народным смыслом. По его мнению, в массе простых рабочих всегда есть несколько таких, которые самого опытного инженера довоспитывают своею смышленостью при практическом исполнении работ, сами не сознавая за собою столь важного достоинства.

Общий итог сводится к тому, что в военном, медицинском, художественном и инженерном деле движущая сила исходит из вдохновения и развития мыслей, не угнетаясь никаким давлением канцелярского формализма, тогда как в финансово-экономическом управлении не было не только уважительного отношения к вдохновению, а наоборот - полные и неистовые стремления к тому, чтобы задушить всякое вдохновение. Нет спора о том, что финансовое управление не может отрешить себя от двуличности, будучи обязано преследовать иногда расчет, а иногда воззрение вдаль, а потому оно может часто находиться в колебании между расчетом и воззрением, но в изложении провалов мы видим только такие действия, которые, нанося явный вред расчету и воззрению, вели к прямой погибели. Говоря народным выражением, поневоле приходится сказать, что просто не хватало смекалки ни для расчета, ни для воззрения.

Возьмем для доказательства факты, а именно: предложения русских людей строить железные дороги на русские средства без заграничных займов, мольбы не увеличивать кабаков, не доводить мелкие винокурни до разрушения, не уничтожать кредит для землевладельцев и не отдавать Николаевской дороги

анонимному акционерному обществу. Разве все это вообще и в отдельности взятое не выражает чистейшего патриотического вдохновения; но было ли это вдохновение понято и оценено? Нет, не только не было понято, а отвергнуто, как ненужное и бесполезное, отвергнуто потому, что на русской земле не образовалась еще своя финансовая наука, соглашенная с русской жизнью, и вместо нее действует идолопоклонение теориям и взглядам иностранных политико-экономистов и к поклонению этому с энергией Диоклитианов, в смысле изнурительного надрыва народных сил, привлекаются русские люди. Между тем в этих изнуряемых силах лежит истинное понятие о потребностях жизни, и кто добудет это понятие из сердечной глубины русского мышления, кто поймет чистоту народных намерений и желаний, тот будет в состоянии написать руководящую книгу о русской экономической науке. Но чтобы почувствовать в себе силу приступить к этому, надобно предварительно уметь читать и понимать еще другую многосложную книгу, называемую русская жизнь, листы которой раскрываются только для тех, кто имеет сердце, преисполненное любви к простым серым русским людям, для поклонников же чужеземных теорий книга жизни остается навсегда за твердою печатью недоверия.

Оканчивая повествование об экономическом состоянии России за 50 лет, я вижу в этом сравнительное сходство с могильным курганом, в котором погребена человеческая жизнь со всеми ее несбывшимися надеждами и мучительными страданиями от насильственного угнетения общечеловеческого роста чужеземными веригами, отравленными ядом зависти и злобы.

На этом кургане, неумолкаемо оглашаемом народным рыданием, прилично начертать:

"Если равнодушные к человеческим бедствиям услышат грозный глас: "Отъидите отъ Мене" и пр., то что же услышат создающие беды и напасти?

Не политико-экономические витийства, не парламентские хитросплетенные речи и не разновидные конституции дадут нам разум для благоустройства и возвеличения России, а живущее в простых чистых сердцах Слово Божие.

ТО - единое ТО - наставит нас на путь Истины и Правды.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Отдельное издание "Экономических провалов", помещенных в шести книжках "Русского Архива" за 1887 г., вызвано желанием употребить вырученную сумму на устройство нового, еще не существующего у нас, учреждения для учащегося юношества.

Подробности состоят в следующем: многим из нас не раз приходилось слышать от известных докторов при осмотре ими захудалых, изнуренных и слабосильных учащихся юношей, что им нужен свежий воздух и пребывание в каникулярное время в деревне, где они могут подкрепить свои силы, и тем самым предупредить появление и развитие болезней, порождаемых пребыванием круглый год в душном, спертом воздухе столичных подвалов и чердаков. Каждый согласится с тем, что хорошо пожить в деревне в продолжение каникулярного времени: и здорово, и поучительно; но где же находится такая деревня, в которой можно иметь чистую комнату, опрятную кровать и простой, но питательный обед и ужин. Такой деревни нет, и потому только одни достаточные люди могут все это для себя устроить, с затратою денег, а малоимущие не найдут никакой возможности привести благодетельный докторский совет в исполнение, оставаясь, по необходимости, все лето в столичной духоте, и окажутся на следующий учебный год не только еще более расслабленными, но уже и с зародышами серьезных болезней. Отсюда происходит такой вывод, что для учащейся, недостаточной и малосильной от природы молодежи должно быть устроено летнее житье в деревенском воздухе. Затем возникает вопрос о местности, которая представляла бы наилучшие гигиенические условия. Нижеизлагаемые по этому вопросу соображения относятся только к северным губерниям, потому что пункт летнего пребывания учащихся должен быть ближе к столицам.

Из собственных наблюдений и народных взглядов, я давно убедился по опыту, что те местности имеют самый здоровый и освежающий воздух, которые находятся на водораздельных возвышенностях. Мне известны три такие местности, а именно:

1. Город Солигалич Костромской губернии. Вблизи этого города получают свое начало две реки: Кострома и Толшма. Первая направляется в Волгу, неся свои воды в Каспийское море, а вторая в Сухону и далее - посредством Северной Двины - в Белое море.

2. Юхновский уезд Смоленской губернии, в котором находятся реки Днепр и Угра. Днепр течет в Черное море, а Угра - в Оку, и из нее в Волгу и Каспий.

3. Город Вышний Волочок, где из Петровского водохранилища, имеющего 60 верст в окружности, исходят две реки: Цна, впадающая (через Тверцу) в Волгу, и Мета, впадающая в озеро Ильмень и передающая свои воды - посредством реки Волхова - в Ладожское озеро.

Во всех означенных пунктах заболеваемость и смертность, сравнительно с другими местностями, представляют, по своей незначительности, самые отрадные цифры. Всего удобнее будет остановиться на Вышневолоцкой местности, как серединной между столицами, имеющей для сообщения с ними Николаевскую железную дорогу, причем местность эта, находясь выше Петербурга на 560 футов, имеет скатистую поверхность земли и никогда не представляет застоя дождевой воды, следовательно и не имеет тех вредных испарений, которые на ровных плоскостях происходят от почворазложения. Кроме того, окрестности Мстинского озера, находящегося в 15 верстах от Вышнего Волочка, имея песчаный грунт,

покрыты сосновыми рощами и представляют множество мест для самых приятных прогулок по берегам озера и по течению реки Меты, исходящей из этого озера.

Трехлетнее существование, при истоке из озера реки Меты, Владимире-Мариинского приюта для пребывания академистов Императорской академии художеств вполне оправдало попечительную заботливость о здоровье академистов Августейшего Президента Академии, Его Императорского Высочества Государя Великого князя Владимира Александровича, по мысли которого возник и устроился означенный летний приют.

Из 30 академистов и 2 воспитанников Московского училища живописи, зодчества и ваяния, в течение трех лет, никто не был болен и все эти лица, вступая в конце мая в приют с увядшим цветом лица, оставляли его к 1 сентября с выражением оживления и здоровья. Общая сложность веса ежегодно увеличивалась до 11,5 фунтов, а в отдельных личностях это увеличение доходило до 19 фунтов. В действительности этого удостоверяют показания наблюдающего за приютом доктора, действительного статского советника В.И. Козловского, которым сверх того замечено, что в числе академистов были двое с грудными болезнями и получили полное выздоровление единственно от влияния воздуха и местности, способствующей при разнообразных прогулках оживлению сил.

По всему, что сказано, Вышневолоцкая местность представляется самою удобною для устройства летнего бесплатного пребывания в каникулярное время той учащейся молодежи, которой медицинская опытность дает совет ехать в деревню, а материальное положение не позволяет исполнить этого благодетельного совета.

В основание потребного для устройства означенного летнего житья капитала да послужит первым вкладом выручаемая через продажу "Экономических провалов" сумма.

В заключение настоящего послесловия нельзя не пожелать от души, чтобы каникулярное время изменилось в своих числах, чтобы ученье оканчивалось в половине мая и начиналось не ранее 1 сентября. Тогда бы, для развития и укрепления сил, имелось бы 31/2 месяца вместо нынешних двух месяцев, ученье бы происходило при более крепких силах не менее успешно, чем ныне, а если бы вдобавок наше юношество освободилось от обязательного изучения мертвых языков (латинского и древнеэллинского), весьма полезных для людей науки и вовсе не нужных для всех вообще учащихся, то молодые, еще недостаточно твердые мозги гораздо менее подвергались бы расслаблению, причиняющему не только физическое, но и умственное расстройство. Нельзя без жалости смотреть на то, как непомерное напряжение сил на изучение того, что по выходе из школы почти каждым забывается, лишает очень многих молодых людей крепости сил и повергает в нервные болезни. Слова эти я говорю не из собственного мышления, а из отзывов отцов и матерей, удрученных скорбью при виде тяжкой надсады их детей над изучением неприложимых к жизни знаний.

Если в нижеследующих строках читатели усмотрят некоторую странность, то прошу их отнести это к моей старости, потому что старость всегда имеет присущий ей недостаток - хвалить все прошлое. Этот недостаток я выражу в таких словах: прежде учились меньше., легче, не сдвигая мозга с места и не расстраивая свои нервы, а знали больше, потому что по выходе из учебных заведений считали необходимым довоспитывать и доучивать себя

из книги-жизни. Ныне же множество нашей молодежи не только после университетов, но и после гимназий и реальных училищ считает себя настолько зрелым, что не только не стремится к усовершенствованию себя изучением жизни, но даже признает за собою право устраивать общественную жизнь по своим безумным воззрениям. Интересно бы доискаться, кто набивает молодые головы

такою гибельною самонадеянностью, приносящею главнейший вред им самим. Нет сомнения, что, проведя каникулярное время в деревне, а не в сообществе столичных подонков, молодые люди окрепнут телом и вместе с тем наполнят себя здравыми взглядами и понятиями о мудрой простоте смиренной и трудолюбивой сельской жизни и невольно почувствуют практическое понятие о пользе честного труда, этой единственной силы, не обходимой для устройства их будущего благосостояния. ;

В. Кокорев

ВЗГЛЯД РУССКОГО НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ТОРГОВЛЮ

I

Два месяца я уже дома, в России, после трехмесячного путешествия по Англии, Франции, Бельгии и Пруссии.

По возвращении домой, не раз проходил я в моих мыслях все виденное за границей, и, сравнивая это с русскою жизнью, старался уразуметь причины народного благоустройства вообще в Европе и в особенности в Англии.

Из таких внутренних рассуждений с самим собою составился у меня новый, для меня по крайней мере, взгляд на торговлю.

Но прежде чем говорить из России о предметах общей пользы, надобно познакомить Европу с нашим внутренним настроением и взглядом на самих себя, ибо отсюда уже происходят все прочие явления общественной деятельности.

Мы понимаем ясно, что Россия в промышленности, фабриках, путях сообщения, сельском хозяйстве и во многом отстала от Европы на огромное расстояние. Мы понимаем, что нам нужно догонять Европу в ее промышленном устройстве.

Но это стремление не должно идти путем бессознательным; ему должно предшествовать исследование и изучение всех событий в жизни европейских народов, чтобы не впасть в те крайности, коим подвергалась Европа от разных увлечений; таким образом из самой запоздалости нашей мы желаем вынести пользу, миновать ошибки и перейти к благоустройству путем хладнокровных рассуждений и соображений.

При этих соображениях следует сначала поднять и обнаружить во всей подробности свои собственные недостатки и в то же время разузнать, нет ли и в европейской промышленности, при всем ее благоустройстве, грубой, вредной силы, часто появляющейся под личиною необходимости и пользы, а между тем задерживающей развитие человечества, вносящей в его жизнь запутанность, тьму, тягость.

Рассматривая торговлю, должно вместе с нею рассматривать и земледелие, по той простой и ясной причине, что торговый класс тогда только может процветать, когда класс земледельческий имеет средства поддерживать промышленность покупкою фабричных и заводских изделий.

Где промышленность развивается от одной личной роскоши передовых сословий, а земледельцы не имеют ни средств, ни даже потребности к приобретению необходимых мануфактурных произведений, там промышленность не может распространить слишком широко свои пределы; не говоря уже о том, что она бывает безнравственна, а общее хозяйство государства не являет в себе начал человеколюбия.

До поездки моей за границу я впадал в грубую ошибку, которую разделяли со мною и другие, полагая, что торговая деятельность Европы основана главнейше на вывозе товаров в прочие страны. Путешествие мое открыло мне совсем иное. Не говоря о Франции, Пруссии и Бельгии, даже в Англии, где существует громадное число всяких заводов и фабрик, только избыток произведений выходит за границу, но главнейшее их количество сбывается дома, в своей земле, что и доказывает

изобильное развитие денежных средств во всем народонаселении. Здесь бы надо было вступить в исследование причин, сообщающих народу довольство и благоденствие, но это слишком увеличило бы объем статьи, и потому перехожу прямо к доказательствам благоустройства, видимым не в графах и отчетах, не в изворотах редакции, а в самой жизни людей.

Вот эти живые доказательства:

Не раз мне случалось заходить в крестьянские дома в Пруссии, Бельгии, Франции и Англии, и я находил в них, кроме каменной и металлической посуды, белье, одеяла, мебель, зеркала, книги, а в Англии даже ковры на полу, - словом, очевидное довольство.

Английские землевладельцы, показывая свои имения, прежде всего ведут посетителя в те дома, где живут рабочие; но таково уважение к личности, что владелец не отворяет двери, не постучав в нее и не получив согласия на вход, чтобы внезапным появлением не потревожить семейства рабочего. Такое обращение нисколько не ведет рабочий класс к нарушению своих обязанностей: он исполняет их добросовестно, о чем свидетельствует тщательная обработка полей и хороший уход за скотом хозяина. Такая привольная жизнь, проникнутая сознанием достоинства человека, сообщает сердцу правильное биение: сердце не чувствует болезненного нытья, вечной тревоги, и оттого тело крепнет, и сила людей выражается могуществом их плоти и крови. Кто что ни говори, а Англия, за исключением некоторых ее внешних действий, есть светящаяся лампада Европы, озаряющая ее не только светом истинных понятий, но и прямым показанием практического их приложения к жизни.

У нас в России промышленность опередила земледелие, которое в общей сложности остается неподвижно в первобытной простоте, предоставленное на произвол всех случайностей природы. На наших фабриках приготовляются изысканные предметы роскоши: шелковые ткани, фарфор, бронза, зеркала и т.д.; а в земледелии вовсе не известны на деле не только дренаж и ирригация, но даже травосеяние составляет редкость. Наши земледельческие орудия, за весьма немногими исключениями, все те же, как и в первые дни пашни на русской земле; их делает сам крестьянин кое-как, по преданию, и земледельческая механика вовсе не известна. В бытность мою в Шотландии, я был изумлен массою костей, выгруженных на берегу и привезенных из России для удобрения шотландских полей. Там только, в Шотландии, я узнал, что в Петербурге есть купец Степанов, который сорок лет ведет торговлю костями и продает их за границу ежегодно до 700 тыс. пудов. По возвращении в Россию я познакомился с г. Степановым и узнал, что он собирает кости на Волге, начиная с Казани, платя на месте по 3 коп. за пуд, везет их до Петербурга, где и продает англичанам по 50 коп. за пуд. Кости эти идут мимо тех русских губерний, где почва холодная и требует удобрения, но не возбуждают ни в ком желания приобрести их, и отправляются прямо через море на берега Шотландии.

При неустройстве нашего земледелия, нас обеспечивает в отношении к народному продовольствию только огромное пространство земель; достаточным сбором хлебов мы обязаны не искусству вести земледелие, не умению с ограниченными силами собрать хорошую жатву, а огромному труду крестьян, обрабатывающих обширные поля, труду, которому у нас нет другой оценки, кроме

соразмерности с силами человека и условиями климата. Труд этот поглощает все время, и оттого земледелец не может развить себя и сознать в своих мыслях потребность внести в жизнь употребление нужнейших мануфактурных изделий, не говоря уже о том, что за употреблением всего времени на медленный и тяжелый труд, не облегчаемый земледельческой механикой, он не может приобрести излишних денег.

Доказательство того, насколько земледелие в России отстало и разъединилось с промышленностью, поражает на каждом шагу.

Для примера, представьте себе, что вы провели вечер в гостях у кого-нибудь в Москве или Петербурге; вы видели на этом вечере лампы, ковры, гастрономические редкости, щегольски одетую прислугу, хозяев и гостей в роскошных платьях: все это водворила в жизнь промышленность, и все это убеждает в том, что развитие внешней обстановки в передовых русских сословиях нисколько не отстало от Европы, но вот вы выходите из дому на крыльцо и подзываете с улицы извозчика; к вам он является как представитель силы и состояния земледелия. Что же вы видите? Тощую лошаденку, увязанную веревками сбрую, грубую и бедную одежду кучера; все это жалкая самодельщина - ясное доказательство отсталости сельского быта. Это явление из жизни частной, а вот и другое, из жизни городской, общественной, также доказывающее отсталость земледелия.

Москва имеет очень маленькую реку, в которую проведены стоки всех нечистот, портящие ее воду. Между тем эти нечистоты суть удобрение для полей и могли бы быть с пользою употреблены на возделывание земли около той же самой Москвы, ибо около нее нет ни обсеянных лугов, ни гуляющих стад, несмотря на то, что этот город составляет главный рынок для сбыта жизненных потребностей.

Отсталые люди говорят, что о таких вещах надобно молчать, а мы возражаем им: нет, надо говорить. Это поведет к изъяснению неустройства, следовательно и к развитию силы. Зачем стыдиться гласного сознания своих недостатков? Вся Европа очень хорошо понимает огромные средства России, данные ей природой для обогащения себя посредством земледелия; но чтобы наше земледелие воспрянуло и догнало английское, для этого нужно одно: чтобы разговор о недостатках не прерывался, а шел бы вперед и вперед, раскрывая их как можно более. Теперь уже по Москве ходит мысль о составлении компании для дренажа города, о собрании всех нечистот в один закрытый пруд, с целью удобрять из него ближние поля, отчего вода в реке избавится порчи, а окрестности города получат вид, оживленный растительностью и стадами. В такой мысли уже кроется и самое начало пользы, происходящей от уразумения неустройства.

Не одни мы, русские коммерсанты, но и все торговые сословия Европы должны желать, чтобы земледелие и скотоводство развились в России как можно скорей, ибо от этого зависит увеличение и правильный твердый ход всей вообще европейской торговли.

Доселе интересы русской земли не имели представителей, ибо купцы в России занимаются исключительно торговлей, а дворяне извлекали доход из своих имений или посредством личных налогов на крестьян, или через обязание их трудиться над обработкою господских полей почти даром. Все это отвлекало дворянство от необходимости углубиться в обработку полей и поставить их на степень европейского устройства.

Теперь начинается новая, счастливая эра для России. Наш благодушный и твердый в добре Государь дал повеление, чтобы во всех губерниях, где того пожелают, рассуждали открыто об улучшении быта помещичьих крестьян, на твердых основаниях, обеспечивающих будущность земледельческого сословия.

Вот теперь мы, русские коммерсанты, надеемся, что дворяне, перейдя из душевладельцев в землевладельцы, поймут важность устройства земледелия по способу европейскому и сделаются представителями выгод, от земли получаемых. Равно и крестьяне, сделавшись владельцами и арендаторами земли, примутся за обработку ее внимательнее, зная, что результаты их труда все принадлежат им. Таким образом русская земля увеличит ценность своих сырых произведений, против нынешнего, на сотни миллионов, кои, разлившись в народе, породят в нем потребность к приобретению не затейных, но нужных мануфактурных товаров.

Мы уверены, что успеха в действиях, открываемых теперь в России комитетам о крестьянах, желает вместе с нами и вся Европа. Да ниспошлет Провидение членам комитетов ясность в воззрениях и чистоту в намерениях!

Теперь просим европейских торговцев обратить внимание на следующее определение.

Напрасно Европа полагает, что она, отправляя свои товары в Россию, ведет торговлю с Россией. Нет! Все наши магазины и лучшие лавки в Москве, Петербурге, в губерниях существуют только для дворянства, купечества и чиновничества; яснее говоря, они существуют для миллиона жителей приблизительно. Еще можно считать, что городское мещанство и некоторые крестьяне, в числе также не более 1 млн. людей, покупают из простонародных лавок грубые мануфактурные изделия, на выделку коих первоначальный материал выписывается из других стран. Из этого выходит сам собою такой вывод, что Европа торгует не с Россией, а только с 2 млн. русских из числа 62 млн. При этом, конечно, нельзя не удивляться уродливому, безобразному распространению роскоши, если разложить всю ценность привозимых в Россию товаров на означенное число потребителей. Какая же представляется будущность для общеевропейской торговли, когда все народонаселение России получит средства и потребность приобретать мануфактурные товары! Если Европа к своему народонаселению привила это частью, то Россия, при избытке ее природных богатств, может привить это вполне ко всем. И тогда-то для европейской торговли открылась бы в Европе еще новая Европа!

О достижении этого надобно думать серьезно и рассуждать пространно, разбирая предмет со всех сторон. Не будем говорить теперь о средствах к достижению этого, но скажем несколько слов о тех способах, которыми земледельческое народонаселение Англии, Бельгии, Пруссии и Франции дошло до настоящей обеспеченности в жизни и до возможности потреблять мануфактурные изделия. Многие обстоятельства могли от меня ускользнуть во время короткого путешествия моего по Европе, но вот перечень того, что я успел заметить в составе самой жизни народа:

1. В Европе нет так называемых казенных земель, лежащих впусте и никому не доступных. Там все земли распаханы; имей только желание обделывать землю, и никто этого желания не задерживает, а напротив поощряет.

2. Владение землею у крестьян большею частью на правах прочного арендаторства и собственности; поля, при народных переписях и по произволу

землевладельцев, не переходят беспрестанно из рук в руки, и потому каждый смело кладет в землю труд и деньги, удобряя ее почву и разрыхляя ее до степени сильнейшей растительности. Такое учреждение, скажем мимоходом, у нас, в России, при слиянии с общинным полем, необходимым при дробном наделе землею некапитальных крестьян, могло бы произвести огромное увеличение в урожае хлебов.

3. Везде проведены шоссейные дороги, чуждые всякой затейливости, но удобные, из города в город, из селения в селение; от этого лошадь земледельца не вязнет в грязи, везет в десять раз более и не теряет времени и сил, равно и сила людей не тратится на выворачивание возов из грязи. От легкости сообщений лошади не изнуряются, и это имеет прямое влияние на улучшение их породы, они делаются крупнее и сильнее, сообщения с рынками становятся

удобнее, следовательно возможность променять произведения земли на деньги ни в какое время года не встречает затруднений. Устройство шоссейных дорог имеет сильное влияние на народное здоровье и способствует к введению чистоты в крестьянских домах, по

тому что крестьянин на простых дорогах неизбежно находится в грязи, и ему не только трудно, но и невозможно соблюдать чистоту, даже при самом искреннем желании. Примером этому служат у нас в России шоссейные дороги; живущие на них крестьяне гораздо скорее привыкают к чистоте и опрятности. Я совершенно убежден в том, что линии железных дорог, проводимые с конца на конец государства, не могут принести пользы всей вообще стране и водворить благоденствие между крестьянами. Железные дороги хороши для промышленности больших размеров, а для простого народа, для земледелия нужно свободное движение по боковым трактам, между селениями и городами, и потому необходимы шоссе; иначе выйдет то, что люди зажиточные прихотливо будут пользоваться вагонами, а бедные крестьяне, отправляясь на ближний базар для продажи своих потовых произведений, по-прежнему будут вязнуть в грязи и останутся теми же бедняками!

4. Несуществование монополий на продажу хлебного вина, при возможности всем сословиям выкуривать оное и варить пиво, с обращением в продажу того и другого, по уплате положенного акциза или на жидкость, или на первоначальный ее материал, дает возможность откармливать скот на винокуренной барде, а избыток скота имеет прямое отношение к удобрению земли, улучшению пищи, следовательно и сохранению здоровья. Без этого, при всяких других мерах, земледелие за границей не достигло бы тех успехов, кои оно приобрело.

5. Дешевизна соли, которая, как необходимый предмет для жизни, нигде за границей не обложена акцизом и везде продается дешево и свободно, имеет важное влияние и на улучшение породы скота вообще и рогатого в особенности, и на предохранение его от

болезней.

6. Несуществование паспортов имеет тоже огромное влияние на развитие деятельности в жизни простого народа. Каждый из города в город, короче говоря, из конца в конец государства едет свободно, движение его не опутано никакими формами; полицейские чиновники не имеют надобности придираться, и оттого крестьянин не несет бесполезных расходов, а полиция делается честнее, ей нет

повода тревожить гражданина; тысячи несчастных не томятся в тюрьмах за просрочку или потерю паспортов.

7. Несуществование личных податей в Англии и Франции избавляет жителей от постоянной зависимости и столкновения с чиновниками; все время у народа свободно, и он употребляет его на свой труд, нисколько не отвлекаясь для исполнения пустых формальностей. Взамен личной подати, налог на имущество и капиталы в пользу государственных доходов, соразмерный с количеством получаемой пользы, падает на избытки, следовательно не поражает трудовой копейки простолюдина, подобно тому, как личная или подушная подать.

8. Существование неопределенного сословия отставных нижних военных чинов вовсе не известно. Оно не может образоваться потому, что краткий срок военной службы, во Франции 7, а в Пруссии от 1 года до 3 лет, дает возможность каждому возвратиться в

свою семью к прежним занятиям и в члены того же общества, не причиняя в семействах, при временном отсутствии некоторых членов их в военную службу, горьких слез, неизбежных при безнадежном расставании на весьма продолжительное время.

9. Но главнейшее условие благосостояния заключается в том, что все делается трудом вольным, необязательным. Этот труд спорее принужденного и толковее, потому что крестьянин считает себя не вещью, не машиной, а человеком, и сам придумывает все для

успеха своего дела.

Все вышеозначенные плодотворные и разумные начала произвели повсюду множество полезных учреждений, как например:

В деревнях и на фермах образовались школы, распространившие повсюду грамотность, следовательно развившие и мышление.

Как плод практического мышления, явилась земледельческая механика, которая, к облечению рук, ввела в сельское хозяйство удобные и легкие экипажи, вмещающие в себя большие грузы, улучшенные плуги и бороны и другие орудия, молотильные и прочие машины. Дело земледелия обратилось в науку, которая растет, совершенствуется, и крестьянин, самый простой, теперь уже пользуется изобретениями самого пытливого ума.

Существующие в Англии премии на увеличение веса в скоте побудили быть внимательными к уходу за ним, а это произвело не только усовершенствование самой породы, но даже создало особую, новую породу скота, так что теперь английский бык дает сала втрое более, чем русский. Объем английского скотоводства гораздо более русского; там закалывается быков каждогодно в 10 раз более, чем в России. И за всем тем Англия покупает в России и кожи и сало: так велика в ней внутренняя потребность на все это, или, иначе говоря, так много средств у народа к содержанию себя сытно и изобильно! Там нищенствуют только те, кто отвращается от труда, и затем еще бедствуют ирландцы; но и это, вероятно, скоро прекратится с устройством в Ирландии дренажа, для чего уже образовалось несколько обществ.

Все означенные причины породили избыток денежных средств и дали возможность образовать частные сельские банки, отчего земледелие вступило окончательно в тесную связь с промышленностью.

Наконец является венец изобретений нашего времени - дренаж, отвлекающий от почвы излишнюю сырость и сообщающий ей теплоту, отчего урожай бывает постояннее и вчетверо более, чем на обыкновенных полях. Успехи англичан по введению дренажа изумительны и невероятны: просто все земли в Англии и Шотландии дренированы. Это доказывает, как там сразу все общество проникается стремлением к осуществлению полезных мыслей.

Самый яркий, самый разительный пример сознания полезности дренажа подало французское правительство. Император Наполеон III разрешил выдать во Франции на этот предмет 100 млн. франков. Вот самое лучшее и вечно блестящее украшение в короне царствующих.

Общий итог пользы от означенных усовершенствований очевиден. В среднеурожайные годы Европа может прокормить себя собственною жатвою. Даже Англия, при ее 30 млн. жителей и при пространстве земли, равняющемся небольшим русским четырем губерниям, прикупает хлеба только на 10 дней в году, не говоря о том, что она употребляет и в корм скота различную муку, что в России вовсе не известно.

Но не надобно забывать, что народонаселение Европы возрастает, а поля ее, по тесноте своей, походят уже и теперь на огороды и сады, не имея никакого запаса земли. Эти соображения должны входить в число главных забот мыслящих людей в Европе. Надобно думать заблаговременно о средствах выгодного приобретения жизненных припасов, дабы не допустить на европейских рынках непомерного возвышения ценности на них. Куда же обратиться ближе, как не в Россию? Так полагают многие в Европе, но разве Европа не пробовала покупать в России хлеб в голодные 1846 и 1847 годы? Что же выходило? Появится десяток-другой лишних кораблей при каком-нибудь русском порте, и цена на хлеб возвышается на 50% и более. Это явление приписывали в Европе недостатку внутренних сообщений в России и теперь полагают, что с устройством железных дорог оно не повторится. Ошибка. С устройством этих дорог в России цены на хлеб и все сырые товары будут еще дороже, и вот по каким причинам. В общем итоге Россия не имеет избытка ни в хлебе, ни в сале, ни в кожах и т. п. Если мы отпускаем теперь эти товары за границу, то именно потому, что не имеем внутренних путей сообщения. Нам удобнее и дешевле отправлять хлеб к приморским городам, нежели в свои неурожайные места, Белоруссию и Литву. Когда же через эти местности будут проведены железные дороги, тогда из урожайных губерний хлеб пойдет в губернии неурожайные, а таковых всегда бывает (по обширности России, и по тому, что земледелие у нас предоставлено случайности) пять-шесть, с народонаселением более 5 млн.

Что же касается до сала, то оно найдет дома еще более обширный сбыт, чем хлеб. Лишь только крестьяне будут в состоянии жечь свечи в деревнях, вместо лучины, столь вредной для глаз, неудобной для работы и способствующей пожарам, но по необходимости употребляемой теперь во всей северной и даже средней России для освещения, тогда едва достанет сала для своего домашнего употребления.

Кожи также будут нужны у себя дома на сапоги для целой половины России, носящей теперь лапти.

Нельзя предположить - по крайней мере, грустно было бы предположить, - что все это для нас не понадобится. Такое предположение совершенно отравило бы

всякую надежду на внутреннее развитие, а мы теперь полны самого твердого верования в то, что оно будет.

После всего сказанного сам собою рождается вопрос: как же достигнуть того, чтобы Россия обеспечилась всем внутри себя и имела бы возможность, к большей своей выгоде и к выгоде Европы, отпускать излишки произведений земли за границу?

Ответ на это короткий и простой: надо довести русское земледелие до того, чтобы земля у нас родила всего столько же, сколько родит она в Европе.

Тогда Европа, и только тогда, найдет в России богатый рынок для закупки произведений русской земли и для сбыта своих мануфактурных товаров, потребление коих распространится во всех сословиях.

Но чтобы достигнуть этого скорее, что должно делать? Не говоря о тех обстоятельствах, которые для успеха земледелия должны произойти от особого внутреннего устройства, мы обратимся ко внешней стороне этого дела.

Основу деятельности должен положить труд русских граждан. Теперь уже отправлены за границу несколько лиц для изучения в Англии дренажа, земледельческой механики и вообще сельского хозяйства, с целью, по возвращении этих людей, образовать в России фабрики дренажных труб и земледельческих орудий и машин. Через год и я надеюсь иметь на моей ферме в Новгородской губернии до 1000 акров или с лишком 300 десятин дренированных полей, для коих удобрение уже приготовлено. Другие землевладельцы в разных губерниях также вводят подобные улучшения. Не рассказы и слова, а изобилие жатвы подвинет многих последовать этому примеру; а лица, посланные для изучения за границу, будут вооружены полным знанием, следовательно и будут готовы для предложения своих услуг при устройстве земледелия; но что значат труды не только немногих, а даже и многих людей в отношении к пространству России?

Надобно, чтобы кроме нас, русских, обратились к этой деятельности и иностранцы. К нам приезжают купцы для открытия модных магазинов и мастерских, относящихся к цехам портных, парикмахеров и кафе и ресторанов. Почему бы не приехать в Россию наживать деньги посредством устройства фабрик для делания земледельческих механических орудий и машин или почему бы от известных английских фабрик подобного рода не образовать депо в Москве и С.-Петербурге? Тот, кто этим займется, будет иметь несомненную выгоду, и теперь, именно теперь, это было бы очень кстати, потому что неудобство обязательного труда крестьян признано правительством, и имения помещичьи должны принять скоро иной вид. При труде вольном нельзя будет земледелию существовать с выгодою без пособия земледельческой механики. Взгляните на карту России и сообразите: сколько же нам нужно будет земледельческих орудий и машин?

Еще важнее было бы составление общества или компании из заграничных специалистов, вместе с русскими капиталистами, для введения в обширных полях России дренажа. Дело это, простое в Европе, у нас вовсе не известно, а между тем в России много, почти везде, глины и топлива, следовательно и устройство фабрик для выделки дренажных труб везде возможно; нужны только опытные люди для делания и укладки их.

Все вышеизложенное в этой статье имеет одну лишь цель- доказать, что европейская торговля может значительно увеличиться, когда в России земледелие и скотоводство станут в устройстве своем в уровень с европейскими.

II

Вступление наше к слову о торговле началось доказательствами отсталости земледелия в России и происшедшего от того совершенного разъединения жизни земледельческой с промышленною. Та и другая жизнь, к их обоюдному вреду, разошлись по разным путям. Здесь не место доискиваться: кто виноват и кто в ком должен искать освежения при встрече?

Передовые сословия, развивая себя в роскоши, мало вникали, в своем жалком и несчастном забвении, в то, что они действуют не только во вред свой, но даже и во вред грядущего поколения, во вред своих собственных детей. Внося в свою жизнь ненужные предметы роскоши, они в то же время, кроме немногих мыслящих деятелей, оставляли сельскую жизнь коснеть без всяких современных улучшений.

Что из всего этого оказалось, когда пришлось сводить итоги? За все усвоенные нами для употребления привозные товары потребовалось уплатить сырыми произведениями русской земли, посредством отпуска их за границу, а как роскошь шла вперед, не оглядываясь на народ, не справляясь со средствами земли и не улучшая ее растительности, то и оказалось, что земля уже не в силах наконец оплачивать роскошь передовых сословий. Вот откуда берет свое начало расстройство в благососгояниях; иначе говоря, начало это кроется в разъединении жизни между большинством и меньшинством. Сверх материального зла, отсюда же происходит и другое, более важное зло - это ложность всех общественных положений.

Отрадно думать, что все эти затруднения могут облегчиться и стать доступными исправлению, когда мыслящее общество проникнется сознанием своей ошибки и, в своем стремлении к исправлению ее, твердо решится обрезать роскошь и придумает способы постоянного сближения с большинством. Форма этого сближения самая простая: надобно только, чтобы в меньшинстве возродилась сердечная забота об улучшении деревенского быта; забота эта будет в силах освежить и облагородить меньшинство, и в то же время она распространит у нас свет современных земледельческих усовершенствований, кои с другими облегчениями непременно воздействуют благотворно на жизнь большинства. Без этого нет общею роста, значит, нет и выхода из затруднений.

Не то же ли самое явление мы видим теперь и в Европе, но только в ином виде раскрывающееся и от других причин происходящее? В Европе жизнь промышленная также разъединилась с природною практическою жизнью, что означает треск и гром банкротств, влекущих за собою разорение, упадок духа и извращающих многие людские положения до степени непредвидимой запутанности и ложности? Все это значит, что торговля Европы перешла пределы потребности, товаров появилось более чем нужно, излишество их произведено не натурою вещей, а от несоразмерного пользования кредитом и бессознательной уверенности в сбыте. Вместе с тем число предприятий увеличилось до степени тягостного излишества, и большая часть из них не привилась к жизни, по той причине, что самое появление их выражало не потребность, а корыстолюбивые увлечения.

Кроме этих причин, выплыли теперь наружу и другие явления, столь же вредно действующие на общечеловеческие интересы. В жизнь европейского народонаселения, разумея это слово в пространном смысле, вторглась, под личиною благовидности и даже пользы, грубая сила; это - сила некоторых банкиров, деспотическое влияние коих в последнее время стало угнетательно отражаться на движении рынков, со всеми их промышленными предприятиями, и на цене денег; следовательно, оно переходит и на цену первых потребностей жизни, потому что ценою денег определяется стоимость содержания.

Самое горе, порожденное разрушением состоянии в Европе от банкротств, не может не пособить выработке ясных воззрений. Слово истины не сочиняется, а приходит неведомыми путями; быть может, его выдавливает из сердца человеческого самая скорбь, а скорби от банкротства во всей Европе теперь немало! Не надобно думать, что европейский торговый кризис не заденет России, несмотря на то, что до сих пор мы еще очень мало испытываем на себе его гибельные последствия. Те, которые имеют дело с иностранцами, непременно должны частью пострадать. Те, которые не имеют дела с иностранцами, а просто на своих фабриках готовят разные изделия для продажи внутри России, должны непременно встретить затруднение в сбыте их, если они приготовят изделий не менее прежнего, потому что нынешний год Европа, обремененная торговыми затруднениями, не закупает у нас того количества сырых произведений, как в прошлом году, и оттого нет в народе разлития денег, сообразного с минувшим годом. Затем все эти затруднения отразятся вообще на торговле неизбежным застоем в ее ходе.

Что же из всего этого выходит вообще по торговле европейской включительно с русскою? Выходит, что вся торговля нуждается в том, чего недостает в ней, то есть связи с народною жизнью. Эта связь может возникнуть только тогда, когда торговля примет начала строго нравственные и человеколюбивые.

Кто же и где теперь может показать в Европе существование этих начал в торговле?

Не банкиры ли, с их учетами и процентами и с их разнородными способностями: одни - с уменьем захватывать бумажные знаки часто на призрачно существующие капиталы; а другие - с уменьем поглощать все то, что обеспечивает эти знаки, то есть металл?

Не биржи ли, с их азартною игрой и спекуляциями, совершаемыми по большей части без анализа предмета и без всякой справки с потребностью?

Неужели основание торговли в том, чтобы на повышение или понижение курсов, фондов и ценностей разных акций и облигаций, в один день богатеть или разоряться? Чем же это основание разнится от рулетки? Такой порядок биржевой торговли в силах исказить нравы целой страны, невольно сообщая человеку отвычку действовать вдумчиво и разрабатывать предметы в глубине своих мыслей. От такой фейерверочной торговой деятельности вечно будет в результате один дым и копоть. В выгоде останется уже никак не народ, не страна, а только одни лишь проныры и пройдохи.

Наконец, не магазины ли выражают нравственное устройство торговли, с их театральною приманкой и ложным блеском, наполненные наполовину тем, без

чего можно прожить целую жизнь, - и как еще прожить! - оставаясь здоровее телом и чище духом?

Нет, нигде в торговле Европы не видно еще тесноживительной связи с общею народною жизнью, следовательно затем уже не видно и оснований чисто нравственных. К этому определению всякий легко придет, если хотя один какой-либо предмет торговли проследит вдумчиво и сообразительно. Наблюдения наглядные, разумеется, все показывают в прекрасном виде; но вот что открывают подробности.

Купец-фабрикант, состоящий членом каких-нибудь благотворительных заведений, публично превозносится своим добродейством, - чему примеры видим и за границей, и дома на каждом шагу, - и в то же время на его фабрике будят десятилетних детей в 4 часа ночи для работ и приносят их к ткацким станкам полусонными.

При виде всей разработанности Англии, разве можно не скорбеть о том, что столь образованный народ не проявляет вне своей земли человеколюбивых начал в своих промышленных действиях? Довольно сказать об одной торговле опиумом, вносимым в Китае, - и сердце обливается кровью от ужаса, до какой неразборчивости в средствах к приобретению денег могут доходить люди! Утешаем себя мыслью, что благоразумная Англия смоет это пятно со своей гражданской чести, покаявшись в своем грехе открыто, как она привыкла во всех своих заблуждениях торжественно и величественно сознаваться.

Профессор, читающий с кафедры что-нибудь вредное общей нравственности, преследуется за то общественным мнением, а в иных местах, пожалуй, и правительством; тогда как купец, вводящий в область торговли новую прихоть, новую бесполезную роскошь, которая увеличивает тягость жизни и ведет людей к безнравственному разорению, - получает за свое изделие медаль, часто с надписью "за полезное".

Многие скажут, что роскошь остановить нельзя, что покупка дорогих и ненужных вещей дело произвольное. Так. Но зачем роскошь поощрять и почему убеждением в ее вреде и карою общественного стыда не содействовать сокращению ее? Введение в жизнь предметов роскоши извинительно только тогда, когда роскошь представляет собою лишь прожиток доходов; но нетерпима и безобразна та роскошь, которая порождает долги, ибо из массы частных долгов слагаются уже общие затруднения.

Торговля руководится в наше время, в своих главных определениях, системами и теориями, взятыми из политической экономии; но дело запуталось и отдалилось от своих начал, корыстолюбие все исковеркало и обезобразило. Не лучше ли принять основанием весьма простое и немногосложное определение, а именно: торговля должна быть посредником между производителем и потребителем, - посредником самым благонамеренным, дающим самому себе совестный отчет в своих действиях, следовательно и не вводящим ненужной роскоши и не возвышающим из спекуляции цены на предметы необходимо нужные? Одним словом, и говоря еще короче, назначение торговли - кормить и одевать людей как можно дешевле, давая ход всем произведениям человека и земли без задержки, происходящей от умысла, или лени, или недогадки.

Следуя за мыслью необходимого удешевления предметов, потребно обратить строгое и подробное внимание на размещение фабрик в Европе, то есть

осмотреть, там ли они водворились, где местные условия содействуют дешевизне вырабатываемых на них изделий.

В Шотландии я видел винокуренные заводы, тогда как часть хлеба в Шотландии привозится из России и Америки. Не лучше ли было бы привозить из России, вместо хлеба, винный спирт, по той причине, что десять пудов муки весят в спирте только три пуда? Не ясно ли, что место для винокуренных заводов должно быть внутри России, в ее хлебородных губерниях, а не в Шотландии?

У нас в России, во Владимирской губернии, поместились почти все ткацкие и многие другие фабрики; а между тем в этой губернии преимущественно живут лишь плотники да каменщики. Местность эта не имеет ни природных водяных двигателей, ни дешевого топлива. Подобных доводов несообразности можно много представить; они докажут, что размещение фабрик во всей Европе совершилось не естественно, что они образовались искусственно и существуют насильственно, поддерживаемые не природным направлением, не потребностью вещей, не бытом народа, а тарифными возбуждениями.

Тогда только фабрики могут образоваться согласно с уставами самой природы, когда торговая деятельность человеческая озарится свободой и будет существовать без всяких тарифов на всем Европейском материке.

Слышим возражения от многих людей, то от робких, то от рутинных, то от благонамеренных, но никак скоро не привыкающих к переменам; вот около чего вертятся все их возражения:

1. Тарифы нужны как доходы государства.

2. Тарифами поддерживается существованье фабрикации. Воз

разим на первое:

Для прочности и увеличения государственных доходов нужно, чтобы система сбора их представляла собою не пресс, действующий на увеличение доходов давлением, а орудье, возделывающее и разрыхляющее почву торговой и сельской промышленности до степени сильнейшей растительности, дабы доходы собирались в виде плодов, и увеличение их выражало не отягощение, а многоплодие, происходящее от обильной и довольной жизни не для отдельных личностей, а для всех вообще. При такой основе доходов, - если государство и потеряет доход таможенный, а общее благоденствие страны выиграет, - жизнь сделается дешевле, торговое движение обширнее; тогда правительство всегда может возвратить утраченные им доходы другими путями, возмещая их налогами на капиталы, на обороты, словом сказать - налогами на избытки.

Вопрос о свободе торговли всего более встречает сочувствие в России и Англии. Франция, Германия и Бельгия в понимании этого дела отстали. Вот доказательство: в этих странах, к удивлению и недоумению, существует до сих пор средневековое учреждение: сбор акциза за ввозимую в город всякого рода жизненную провизию (octroi). Непонятно, как страны, имевшие так много политико-экономических мыслителей, не могли освободить себя от такой тягости, которая беспрестанно задерживает свободный въезд в города и увеличивает в них цену жизни? Многие из жителей Парижа оправдывают это установление тем, что оно приносит городу значительный доход. Слабая причина! Доход этот получается ведь оттого, что в городе много обращается капиталов: следовательно, его можно было бы получить и в другом виде, более правильном, так чтобы он поражал не

рынки с провизией, нужною равно богачу и бедняку, а предметы роскоши и капитальные обороты, выражающие прибыль.

Это мимоходное замечание об акцизе с провизии мы включили затем, чтобы показать, как народонаселение Франции, Германии и Бельгии, к сожалению, еще мало проникլось сочувствием к свободной торговле, когда оно выносит тарифы и даже внутреннюю таможенную стражу около каждого из своих городов.

Ответим теперь на второе, то есть на мнимую необходимость поддерживать существование фабрик тарифами.

Здесь я буду говорить собственно о России, ибо положение других стран в фабричном отношении мне не довольно близко известно.

Для всякого государства действительно полезны только те фабрикации, кои обусловлены самою природой той страны, где они образовываются. Перечтем же теперь естественные фабрикации России.

Россия выпускает за границу в огромном количестве пшеницу, семя льняное и конопляное, сало, кожи, шерсть, пеньку и лен, и все это вывозится в сыром, необделанном виде. Но ведь все эти предметы не могут идти в употребление человека в том виде, как они есть, и требуют обработки, а у нас этих-то фабрикации нет и на одну десятую долю против того количества сырых материалов, кои нам дает земля. Почему бы, вместо неестественных фабрикации, у нас водворившихся, на коих обрабатывается сырой материал, привозимый из других стран, не завести нам такие фабрики, которые бы все сырые произведения, предназначенные для заграничного отпуска, приводили в обделанный вид, так, например, чтобы большая часть пшеницы дома была переработана в муку, все семя льняное и конопляное отпускалось бы маслом и т. д.? Спрашивается, где дешевле стоила бы обработка этих предметов: в России ли на месте произведения, за домашним очагом и хлебом, или за границей, где руки и цена жизни несравненно дороже? Что мешает этому? Опять тарифы, ибо они установлены во всех государствах на все обделанные произведения земли, ко вреду как тех государств, откуда эти произведения идут, так и тех, где их потребляют; но если бы этого не было, тогда бы мука и сало стоили за границей дешевле, а у нас осталось бы от пшеницы огромное количество шелухи, от семени - выжимков, которые пошли бы на зимний корм скоту и произвели бы увеличение скотоводства, что дало бы новую выгоду отправкою за границу мяса и остановило бы на тамошних рынках возвышение на него цены. Очевидно, что здесь польза была бы обоюдная.

Точно под то же соображение подходят и другие сырые произведения русской земли. Почему вместо сала мы не отправляем стеарин и свечи, почему не отправляем кожи выделанными, шерсть промытою так, чтоб она сейчас была годна на сукноделие, пеньку и лен - очищенными от всех грубых веществ? Если сосчитать, какая бы масса денег оставалась в России за этот труд, который нужно бы было употребить на обработку собственных сырых произведений, то, конечно, общий итог их был бы гораздо значительнее той суммы, которую мы получаем теперь от неестественных фабрикации, обрабатывающих привозные сырые материалы.

Тариф в другом, обратном смысле, был бы истинно полезен - вот такой, например: кто отправляет из России произведения сырые, тот платит правительству известную пошлину за право их вывоза, а кто эти произведения отправляет обработанными, тот ничего не платит, в вознаграждение за то, что он

при них отправляет невидимый товар - труд человека. Такое правило поставило бы в необходимость заводить вышеозначенные естественные фабрикации, которые и разместились бы, по указаниям самой природы, в деревнях и селах, а не в столицах, куда теперь по необходимости должны отправляться рабочие и быть в разлуке со своим семейством целый год, к явному упадку сельского хозяйства и разрушению здоровья и семейной нравственности. Желающим убедиться в истине этого грустного вывода предлагаю обратить внимание на цвет лица людей, работающих на московских фабриках. В устранение робких опасений должно сказать с уверенностью, что при свободе торговли все русские фабрикации, даже производимые из привозных сырых материалов, устоят непоколебимо.

Не удержатся весьма немногие, как-то изделия бронзовые, зеркальные, хрустальные, фарфоровые и т. п., о коих и сожалеть много нечего. При свободе торговли наши фабрики возместят выгоду тарифного охранения тем, что отыщут для себя такие местности, где изделия будут обходиться гораздо дешевле. У нас местом фабричной деятельности служит Москва и Владимирская губерния, где нет, как выше сказано, ни дарового природного двигателя, ни дешевого топлива, а между тем губерния Олонецкая, где на каждой версте природные водопады, и топливо ни почем, - не имеет ни одной фабрики, несмотря на то, что эта губерния близка к Петербургу и находится на самом дешевом пути водяных сообщений со всею Росшею. Между тарифными вопросами главное место занимает в России ткачество из бумажной пряжи и бумагопрядение. Мы боимся по этим статьям соперничества иноземных стран. Какая ложная боязнь! Одним только можно извинить эту боязнь, это разве неудачным выбором местности для русских фабрикации. Еще бы мы сделали фабрики в Орле и Курске, где так же, как и в Москве, нужен паровой двигатель, а дрова стоят около 20 руб. сер. за сажень; тогда бы и двойной тариф не охранил наших фабрик. Но за что же масса потребителей должна, за ошибку в выборе местности для фабрик, жить вечно под влиянием тарифного налога?

Возьмем теперь в пример Швейцарию, где никаких тарифов нет, но оттого, что все фабрики приводятся в действие природными водяными двигателями, швейцарские ситцы не только не боятся соперничества дома, а даже сами соперничают с английскими в торговле на Востоке. Наша северная Швейцария есть Олонецкая губерния, где водяная сила летит день и ночь с разных высот между каменными утесами и пропадает даром, а леса гниют и истребляются от пожаров. Для южной России местом фабрикации должны быть те провинции, где природа заложила образования каменного угля. Вот места фабричной деятельности России, той России, что сидит теперь еще на скамьях разных учебных заведений.

Окончим рассуждение тем, что пока человечество не доработается до свободы торговли, оно все еще будет оставаться в страшных затруднениях и под гнетом каждодневной тягости, состоящей в том, что житель западных государств будет платить дорого за свою пищу, а житель России будет также терпеть от высокой цены на первые потребности мануфактурных изделий, и в то же время терять свой доход от невозможности увеличить сбыт произведений земли.

III

Что значат для настоящих дней все предшествовавшие рассуждения наши о вреде тарифной системы? Какая польза от этих рассуждений? Дело, наверное, не изменится, неудовольствие со многих сторон, наверное, возбудится, и в результате будет один только говор, и то непродолжительный.

Говор - и довольно этого, а продолжителен он будет или нет, это зависит от степени общего участия. Во всяком случае, печатное слово должно исполнять свою обязанность и стоять за общие интересы, а здесь дело касается всех потребителей, следовательно, если они сами смотрят хладнокровно на окружающие их тягости и неудобства, то это уже их собственная вина, и печатному слову в таком случае остается одно утешение: принять на себя за них удары неудовольствия от некоторых. Но могут начаться споры, доказательства? Вот это всего лучше; в этом крайне нуждается всякое дело и всякая одиночная мысль. Часто бывало и будет, что сотня неграмотных простецов высказывает такие вещи, которые, в применении к жизни, выходят умнее всякой кабинетной мудрости.

Итог, однако ж, выходит такой, что за сделанную укоризну тарифам сожалеть не о чем.

Опять к делу, к труду одиночному, всегда более или менее ошибочному.

Мы остановились на том, что торговля должна быть нравственна и человеколюбива; значит, надо хлопотать об удешевлении цен всех припасов и изделий для покупателей, о поддержании цен для производителей.

Кроме того, надо поставить промышленную деятельность в такое положение, чтоб была возможность упражняться в ней всем тем молодым людям, кои сидят теперь на скамьях университетов, гимназий и других учебных заведений. В России это теперь в особенности нужно, потому что направление понятий изменяется, и молодые люди жаждут дела и деятельности, а не чиновничьих мест; число желающих заниматься частною деятельностью растет с каждым днем. Лишь только проносится слух о какой-либо вновь учреждаемой компании, как и начинают из всех городов сыпаться изъявления желания получить место. В компании жизненных продуктов и черноморского пароходства было столько желающих поместить себя, что предложения во сто раз превышали самую потребность. Надо взять в соображение, что преобразование помещичьих имений и благодетельное уменьшение штатов в казенных местах родит новое огромное количество свободных людей. Надо заблаговременно подумать, куда их пристроить. В благоустроенном гражданском обществе не должен раздаваться вопрос, произносимый целыми массами людей: что нам делать?

Итак, промышленность, если она хочет идти с человечеством рука об руку, нога в ногу, должна предупредить этот вопрос. Не только в России, но едва ли в Европе, за исключением Англии, вполне понята та гражданская сила, которая скрывается в промышленности. Сила эта, при хорошем направлении, развивает все: и внутреннее благосостояние, и нравственные основы, и финансы. Без этой силы - нет государственной силы!

В Европе еще большее, чем в России, число людей, ищущих месть, во всех городах осаждают словесными и письменными просьбами об определении к разным должностям по части промышленности.

Высказанное нами убеждение в пользе свободной торговли всего бы более содействовало образованию ее на общеполезных началах. Но это мечта, -

возражают многие. Мы думаем, что это семя, которое даст свои плоды в ростилах общедумия. Пусть только сообразят, что в охранении тарифами нуждаются, например в России, положим, 100 фабрикантов, а в приложении своих способностей к промышленной деятельности нуждается, по крайней мере, 100 тысяч человек; в них напрасно пропадает Божий дар и гаснет жар. Затем через свободную торговлю выигрывают все потребители, то есть все народонаселение. Нет, невозможно, чтобы такое дело могло истаять, заглохнуть, не дать плода.

Представим пока наши личные соображения, которые подсказывает внутренний голос. Пропустив его чрез свою одиночную мыслительность, представляем его, как недодумку, на общее обсуждение.

В России потребно образовать обширную компанию, под названием, положим: Общеполезная Деятельность, положим: Взаимная Польза, словом, под таким названием, какое у кого-нибудь мягко и удачно выговорится и выразит в кратчайших словах цель и мысль. Почему бы, например, не озаглавить такого общества словом: Муравейник?

Цель компании простая и чистая: быть посредником между русским производителем и европейским потребителем по всем главным отраслям торговли и заменить собою те переходы, которым товары подвергаются при нынешнем устройстве торговли. Действие такой компании, развиваясь отдельно от нынешнего устройства торговли, из капиталов, вновь привлеченных к торговой деятельности, положит преграду часто являющемуся в ней характеру монополии.

Обширность компании должна состоять не столько в ее денежных средствах, сколько в изобилии деятелей, так чтобы каждый управляющий какою-либо отдельною частью, его помощник, наконец приказчик, был член компании, одушевленный сочувствием к ее успеху не одною материальною выгодою, но и убеждением, что в общем росте дела заключается личный рост каждого деятеля, что же касается до капитала, то он может ограничиваться при самом начале компании суммою 10 млн. руб., которая будет увеличиваться впоследствии хотя бы до 100 млн. и более, смотря по надобности и по числу лиц, желающих в ней участвовать. Число желающих будет, без сомнения, весьма большое, когда все ясно увидят выгоду в помещении своих капиталов, а выгода эта несомненна, потому что цель проста, чиста, ясна.

После объясним действия компании, а теперь скажем несколько слов об ее составе.

Во-первых, больших капиталистов не надо, а надо молодых деятелей, которые бы, имея небольшой капитал, могли из незначительных складов составить огромное целое и были бы в необходимости разобрать между собою все должности и исполнять их сами. Неужели в России нет двух тысяч лиц, имеющих по 5 тыс. рублей, или тысячи лиц, имеющих по 10 тыс. каждое? Из числа моих знакомых я могу насчитать пятьсот лиц, имеющих умеренные капиталы, а Россия велика, стоит только войти в идею предложения, и тогда общий отклик укажет многих. Что может сделать каждый молодой способный человек, владеющий 10 тыс.? Какую отдельную промышленную деятельность предпримет он с таким капиталом? Ровно ничего нельзя сделать, и по необходимости должно маяться и не двигаться с места; даже тот, кто имеет 50 тыс., ничего не в силах с ними сделать серьезного для развития отечественной промышленности, а между тем у людей, владеющих мелкими капиталами, деятельности, вдохновения больше, чем у лиц, завладевших

уже капиталами огромными, которые невольно служат причиною лености, отяготения, привычки идти по старой рутине.

Во-вторых, компанию должны составлять сто голосов, или паев.

Принимая цифру основного капитала в 10 млн. выходит, что каждый пай должен представить 100 тыс. руб. сер. Каждый пай может составляться из десяти лиц, которые свой голос предоставляют из среды себя одному. Дозволение составить одному лицу полный пай, то есть вложить 100 тыс., может быть дано только в том случае, когда недостаточно будет мелких капиталов. Без этого условия могла бы исказиться главная цель - введение в дело возникающих деятелей.

В-третьих, образование управления. Но это было бы теперь преждевременным рассуждением. Вначале нужен отклик на предложение, который обнаружит и самые имена деятелей. Наконец, всего лучше они сами, в общем своем собрании, могут выработать общим умом порядок ведения дел, соглашенный с потребностью и личными способностями деятелей. Теперь можно сказать одно, что узел действий должен быть в Москве; в ней потребно устроить главное правление и сосредоточить в нем получение всех сведений о ценах из контор закупки и продажи всех вообще предметов. Форма управления есть внешняя сторона дела, есть второстепенность, и толковать о ней нечего. Когда явятся люди, проникнутые убеждением в полезности самой основы дела, то они уже сами совладеют и с изобретением внешнего устройства, а навязывать его им, как предварительный плод умозрений, было бы насилие, вредное для всякого действия в жизни.

Начинаем разговор о деле, о том, в чем должна состоять деятельность стогласной торговой компании. Разделим эту деятельность на три пути:

Первый путь, проложенный опытами прежних лет.

Второй, - тот, на который направляют нас обстоятельства.

Третий, - неведомый еще, но который должен уясниться от изучения России.

Вступаю в изложение подробных действий на первом пути, то есть уже известном.

Все вообще сырые произведения русской земли, пока они дойдут из рук производителя, положим земледельца Самарской губернии, в руки потребителя, положим жителя Франции, переходят по крайней мере 15 инстанций, отчего цена их вырастает противу первоначальной, за вычетом необходимого расхода на перевозку, нередко на 300%, к явному вреду производителя и потребителя. Недавно один умный человек, крестьянин Псковской губернии, Максим Афанасьевич П., говоря со мной о переходах, которым подвергается псковский лен, выразился удивительно ясно и верно: "Лен, прежде чем дойдет до иностранцев, проходит пятнадцать рук, и каждая рука накидывает 10%" Далее: "Тот, наш же псковский лен, который возвращается к нам в хорошо обделанном виде, на обратном пути проходит десять рук, и каждая рука опять присмаливает 10%".

Максим Афанасьевич на днях едет в Бельгию и Англию для изучения обработки льна, с намерением ввести эту улучшенную обработку дома, и все то, что присмаливают к себе теперь разные руки, обратить в пользу родной земли. Я познакомился с этим замечательным лицом, потому что он желал получить от меня

адрес крестьянина Алексея Михайловича Замятина, находящегося теперь в Шотландии для изучения выделки дренажных труб и укладки их в полях.

Но коснувшись в моей статье этих двух личностей, я отдалился от дела, как скажут многие. Нет, не отдалился, а напротив - приблизился к делу. Позвольте спросить, где же яснее видно истинное пробуждение русской земли, как не в поездке этих крестьян за границу, ради изучения, на последние их гроши, общеполезных предметов? Да послужит это нам справедливым укором и вместе с тем толчком к разработке наших промышленных сил.

Перехожу опять к делу о торговле.

Кажется понятно какую общеполезную услугу может оказать предлагаемая мною компания, когда она станет лицом к лицу как с производителем, так и с потребителем. Затем понятно и то, какие она сама может иметь выгоды.

А выгоды эти привлекут огромное число малых капиталов и расширят объем действий компании до такой степени, что она будет в силах со временем направить несколько тысяч молодых людей на общеполезный труд.

Компания должна иметь постоянные конторы в местах закупки разных предметов, как-то: в Самаре - пшеницы, на Каме и в Моршанске - разных хлебов, в Орле - пеньки, в Саратове и Пермской губернии - сала и т. д.

Из этих контор земледелец будет иметь возможность во всякое время года получать за свои произведения удовлетворительную цену, совершенно освободясь от необходимости продавать их кулакам, мироедам за бесценок, что теперь случается постоянно при осеннем взыскании в казну податей, когда деньги бывают крайне нужны, а зимние базары еще не установились, и настоящие закупщики еще не приехали.

Компания должна иметь склады хлебов и всех сырых произведений земли в русских портовых городах и на всех европейских биржах выставлять каждонедельно ведомость о том, что хранится в ее складах, и что и когда ожидается к поступлению, и по каким ценам продается, дабы каждый иностранный корабль мог отправиться в Россию с полною уверенностью в том, что найдет нужный ему груз по цене, уже известной заранее.

Компания должна иметь свои собственные перевозочные средства, то есть буксирные пароходы и баржи по всем нужным ей внутренним водяным сообщениям в России. Для этой цели необходимо устроить в удобной местности собственный механический завод, который бы производил постройку новых и починку старых пароходов.

Вот и все, что указывает нам в общих чертах путь, проложенный уже существующею торговою деятельностью, но сколько и в этом пути приманчивого для ума пытливого и наблюдательного!

Один молодой человек, член компании положим, поместился в Самаре, стоит лицом к лицу с почтенным земледельцем, покупает его труд, дары природы, без обвеса и без обмера, говорит с ним приветливо, освежается и пополняется его простою и ясною речью, в случае нужды служит ему, разменивая, например, бумажку не на истертую мелочь, похожую на пуговицы, а идет за серебром ясного чекана в казначейство и добывает его там своею настойчивостью, не допуская, чтобы крестьянин был не удовлетворен. В два, три года этот молодой человек снискивает народное доверие; в той местности, где действует, он достигает высокого значения: ему поверяют и горе, и радость.

Другой молодой член компании поместился в механическом заводе и наблюдает за сборкою пароходов; в глазах его смышленый труд русского белолицего, кудреватого молодца вытачивает винт для движения речного парохода, кует, сверлит, плющит металл, как воск. Вот наступает и день спуска поспевшего парохода, и вот он плавает уже от одной пристани к другой при звуках русской песни: "Вниз по матушке по Волге". А песня эта поется уже не с лямкой на груди, не по колено в воде, не от горькой надсады на бесчеловечной работе, при тяге простых барок, а на сухой палубе парохода, в тепле и добре, после сытного обеда и после дешевой и не водянистой чарки хлебной водки, выпитой за здравие Александра II.

Третий член компании действует при складах в портовом городе, продает русское добро без излишнего возвышения цены, но с оглядкою назад, чтобы не продать того, что нужно дома, чтобы не случилось того, что вышло теперь в Архангельске. Там почти весь привезенный из Вологды и Вятки хлеб продали за границу: остаток так мал, что цена в Архангельске более рубля сер. за пуд ржаной муки, а в Пинеге и Мезени и по 2 руб. за пуд нет. Вот отчего и нашли в Архангельске тысячи людей, обратившихся в нищих и не знающих, чем им прокормиться. Нет, третий член не так будет поступать: он знает, что за выпуск хлеба без соображения со внутреннею потребностью все прочие члены стогласнои компании предадут его, как истинного виновного, на общее презрение и скажут громко, всенародно указывая на него пальцем: вот кто причина того, что ваши внутренности жжет голод.

Зато третий член, и в случае голода за границей, будет также рассуждать по-человечески и не захочет брать угнетательную цену, храня русскую честь и зная, что всякий человек, где бы он ни жил, все равно создание Божие, требующее любви и участия.

Четвертый член сидит в конторе, сводит всему счет, хранит сумму и сообщает все сведения о ходе дел, объявляя всем своим товарищам, кто из них на сколько потрудился и чья деятельность что принесла в общую кассу. Затем члены пятой, шестой, седьмой... да что много толковать? - член сороковой, семидесятый и сотый, все спаяны одною мыслью и одним стремлением - быть добросовестными исполнителями принятых ими на себя поручений народного посредничества между производителями и потребителями.

Вступаем в описание действий на втором пути компании, то есть на пути, не пробитом еще практическою деятельностью, а уясняемом только обстоятельствами и мысленным воззрением вдаль.

Здесь мы будем говорить отрывисто. Тому, кто сочувствует основаниям компании, понятна будет вся ее перспектива из одних заглавий предметов второго пути, а кто принадлежит к партии людей отсталых и рутинных, тому сколько ни говори, все будет, по русской пословице: об стену горох.

Почему от пароходов речных не перейти к устройству кораблей для вывоза на них русских произведений?

Почему вместо пшеницы не вводить в обыкновение отправку ее за границу крупитчатою мукой, заведя мельницы в удобных местностях?

Почему не устроить на Волге и Днепре плавучие мельницы для размола пшеницы, по примеру существующих в Майнце на Рейне?

Почему не обратить внимания на упадок пивной торговли, которая составляет теперь 1/8 часть против бывшей 25 лет тому назад? От этого земледелие теряет в сбыте ячменя многие миллионы рублей в год.

Почему не обратить внимания на хмель? Цена русского хмеля от 3 до 6 руб. за пуд, а привозимого из Англии - от 25 до 60 руб. Все дело в том, что у нас не умеют собирать, сушить и прессовать, и оттого русский хмель утрачивает свою силу.

Почему не арендовать степи, втуне пропадающие у казны или у частных лиц, для разведения скотоводства, с употреблением в дело той травы, которую теперь иссушает даром солнечный жар?

Почему семя конопляное и льняное не отпускать за границу обращенным в масло, а выжимками не откармливать свиней и не продавать их в виде ветчины, хотя по половинной цене противу иностранных окороков?

Почему не кормить русских свежим постным маслом и негорьким пшеном, то есть почему не завести маслобойни и круподерки на севере, хотя бы, например, в Москве, Рыбинске, Архангельске, дабы масло и пшено были сейчас сделанные, свежие, а остатки от этих фабрикации употреблялись на корм скоту, разведение коего в северной России необходимо для удобрения почвы?

Почему не обратить внимания на несоразмерно-дорогую цену кирпича в столицах (до 16 руб. сер. за тысячу), которая вдвое выше лондонской цены? Введение кирпичеделательных машин и право занимать казенные глинистые земли значительно бы удешевило и улучшило кирпич.

Почему малороссийское сало, стоящее на месте рубль за пуд, не отправлять в Англию, где оно в десять раз дороже?

Почему к этому салу не присоединить полбенную и гречневую крупу также для употребления в Англии на кашу? Теперь полба продается в Оренбургской губернии вполовину дешевле сена под С.-Петербургом.

Почему все кожи не обделывать дома? В России корье и руки дешевле. И почему из обрезков от них не вырабатывать клей при самых кожевенных заводах?

Почему бы не отправлять за границу хотя половину сала в стеарине и свечах?

Почему бы пеньку и лен не очищать дома от всех грубых веществ и не отправлять за границу то и другое в обделанных волокнах и канатах, а остатки не употреблять на выделку писчей бумаги? Теперь эти остатки валят в Малороссии на дороги, где нет проезда от грязи. Никто не хочет подумать о том, что из того, что валят в грязь, можно бы сделать самые дороги, если б эти остатки от льна и пеньки, называемые кострика, обратить в товар и капитализировать их в деньги.

Почему бы все обрывки от веревок не скупать на местах и не составить из этого статью отпускной торговли? Все это в Англии покупают наподхват.

Почему не идти дальше в этом деле, и не выделывать из этих обрывков пеньковый хлопок для тканей?

Почему бы единственное пространство частных лесов (1.200.000 десятин), находящееся по рекам Ветлуге и Унже и составляющее запас для всей приволжской и южной России, не приобрести в одни руки, чтобы прекратить существующее теперь безобразное истребление этого государственного богатства, и, разделив лес на множество участков, вырубать каждый год только один участок, дабы запас никогда не истощался?

Почему бы гниющие при казенных винных магазинах северных губерний, например в С.-Петербурге, дубовые бочки из-под спирта не скупать, не переделывать на бочки другой формы, какой они нужны за границей, и не отправлять туда, где, по неимению леса, бочки ужасно дороги? Почему бы для помещения в пустых бочках не приготовлять, для зажигательных спичек, дерево, которое у нас ничего не стоит?

Почему бы не выхлопотать разрешения устраивать фабрики для выделки этих спичек на употребление внутри России со взиманием дешевых бандеролей, а то теперь каждый раз добывание огня есть отступление от закона?

Почему бы в Иркутске, где люди ходят по железу, не завести выработку его, чтобы не возить туда гвоздей и прочих железных вещей с Уральского хребта за четыре тысячи верст?

Почему бы не исчислить, сколько живущим на Печоре, приблизительно десяти тысячам голодающего теперь народонаселения, нужно хлеба, соли и других необходимых жизненных припасов, и не отправлять их каждогодно для того, чтобы все это променивать на оленьи шкуры, которые, по Печоре, стоят полтора рубля за штуку, а в Европе впятеро дороже?

Почему бы не снабжать хлебом и все прибрежье Белого моря, получая за то сельди, семгу и треску? Там за пуд хлеба дают десять пудов рыбы: так велик ее улов и так велика нужда в хлебе!

Почему бы не подумать об устройстве, на устье Печоры и в Онежской губе, завода для выделки рыбьего жира и клея? Ведь там в известное время столько появляется белуг, что и на лодке нельзя проплыть.

Почему бы не приготовлять стерлядь герметически и не снабжать ею Россию и Европу из тех мест, где эта рыба аршинной меры по одному рублю за штуку?

Почему бы из вологодских и других, никому не нужных лесов, гибнущих или от гниения, или от пожаров ежегодно на сотни верст, не извлекать древесный спирт (метил), весьма удобный для освещения и приготовления лаков?

Почему бы не вводить освещение городов газом, вместо чуть-чуть теперь мигающих масляных фонарей?

Почему бы не просить разрешения правительства употребить беспошлинно все пни в казенных землях на выкурку или выгонку смолы и тем самым очистить землю для устройства полей? Не говоря о дальних местах - около самой Николаевской железной дороги, какой безобразный вид имеют все земли от торчащих в них пней, препятствующих обработке земли.

Почему бы с некоторыми небогатыми землевладельцами не войти в условие насчет дренирования их полей, на известное число лет, с тем чтоб урожай по лучшему году принадлежал владельцам земли, а излишество делить пополам? Эта опыты лучше всяких словесных и письменных убеждений заставили бы всех заняться устройством дренажа.

Почему бы не подумать о применении паровых машин к земледелию?

Почему бы не подумать о наших старушках, кои вяжут нитяные чулки почти без всякого вознаграждения за труд? А эти чулки и носки гораздо прочнее машинных и считаются за границей редкостью, значит их надо скупать и посылать.

Почему не образовать в Москве и С.-Петербурге магазины народного рукоделия, которое теперь не только не дает выгод и оживления тем селам, где

существует, но даже просто пропадает без вести, а между тем многие предметы выработала сама жизнь своим природным умом? Вот их названия:

В посаде Александровске Московской губернии детские игрушки.

В Арзамасе шитье золотом и серебром по бархату.

В Архангельске разные вещи из слоновой кости.

В Великом Устюге черневая работа из серебра.

В Белебее маленькие козлиные шкурки, для выделки лайки на перчатки, на которые теперь употребляется в России исключительно привозная лайка.

Романовские лучшие дубленые овчины, кои на месте стоят 5 руб. за тулуп, а у модных портных за детский тулупчик платится по 20 руб.

Валдайские колокольчики.

Вязниковские салфетки и скатерти.

Екатеринбургские изделия из богатого и разнородного собрания сибирских камней.

Оренбургские шарфы и платки, приготовляемые казачками из козьего пуха, похожие на кружевные мантильи.

Торжковское шитье по сафьяну.

Казанские узорчатые сапоги.

Мценские кружева из ниток, балахнинские из шелка.

Курские шерстяные кушаки.

Нижегородские непромокаемые, валяные из шерсти, то есть целебные, без всяких швов, пальто.

Балахнинское непромокаемое дубленое полотно, весьма удобное для лагерных палаток, потому что непромокаемое.

Макарьевские валяные из шерсти сапоги и калоши.

Вятские деревянные изделия из капа.

Великоустюжские шкатулки и прекрасно-окованные ларчики.

Сольвычегодские замочки.

Вот уже сколько набралось предметов, а мы не перебрали и десятой части России, сказав только то, что подсказывала память. Если всем предметам народного труда дать сбыт, то это улучшит самую их выделку на местах и внесет в тихую, мирную жизнь этих местностей истинное благоденствие, иначе же все то, что выработала жизнь, завянет и исчезнет. Такой печальный пример нам представляет черневая серебряная работа в Великом Устюге. Там остались только два старичка, которые знают этот секрет; все производство угасло, потому что наша промышленность, оторвавшись от народности, оставила его в забросе. В бытность мою в Эдинбурге, на заводе известного г. Мортон-Эллинга, я заметил, что он нюхает табак из великоустюжской табакерки, и завел с ним разговор о табакерке. Почтенный хозяин сказал мне, что эта работа заслуживает удивления и что во всей Англии она в уважении. "Вероятно, тот город, прибавил он, где их выделывают в России, не успевает наготовиться, и оттого так редко можно находить подобные вещи". По возвращении в Россию я едва отыскал в частных домах подержанную устюжскою табакерку, с видом Москвы, и послал ее г. Мортон-Эллингу, как ценителю этой работы.

Пока писались эти строки, входят в голову уже новые почему и почему. Опять начинаю.

Почему не подумать об устройстве рыбных рынков в Москве и Петербурге, крытых, с бассейнами проточной воды, на коих бы рыба продавалась по цене, доступной для всех? Теперь живой судак большой величины стоит в Москве 10 руб., а в Петербурге 12 руб. Тот же судак на Белеозере стоит 30 коп. Такая дороговизна происходит оттого, что нет мелких пароходов для подвоза в С.-Петербург рыбы из озер Ладожского, Онежского и других; нет потому, что нет стогласной компании, и что торговля свежею рыбою находится в руках простых рыночников.

Почему не подумать о водяном пути из С.-Петербурга к Белому морю в Онежскую губу? От С.-Петербурга до Повенца, посредством озер Ладожского и Онежского, соединяемых рекою Свирью, самое удобное водяное сообщение, а от Повенца до Онежской губы всего 60 верст, и по этому расстоянию множество рек, так что богомольцы более ста лет отправляются этим путем из С.-Петербурга в Соловецкий остров, - а новгородцы более 500 лет, - и где-то в одном месте перетаскивают свои лодки на себе версты три. Ну вот, если бы эти три версты прокопать и воспользоваться обильными запасами боковых вод, то ведь выйдет то, что из С.-Петербурга на пароходе в четыре дня можно быть на Белом море. Тогда и дороговизна на рыбу исчезнет, и будет всякий в состоянии покупать ее, что для русской жизни, соблюдающей посты, необходимо нужно.

А если мы коснулись путей сообщения и тронули тем соображение об удешевлении провозных цен на товары, то невольно являются опять новые почему и почему.

Почему не заняться расчисткою донских гирл, отчего бы Ростов соединился с Азовским морем и доставка пшеницы за границу значительно бы удешевилась?

Почему пароход из Гавра до Кронштадта идет десять дней, а от Кронштадта до Васильевского острова, до таможни, двадцать дней? И этим-то путем движется вся торговля Европы с Петербургом, Москвою и северною Россиею!

Почему русские товары, предназначенные к заграничному отпуску, идут от Ладоги до нагрузки их в иностранный корабль сорок дней? Если бы из Ладоги была железная дорога, по проекту г. Усова, к Финскому заливу, то товары вместо сорока дней поспевали бы в десять часов.

Почему между реками Волгой и Сухоной, на расстоянии 150 верст, нет железной дороги, которая бы соединила Архангельск с Астраханью, так чтобы между этими оконечностями России путь совершался, во время навигации в восемь дней?

Почему бы не обратить внимания на то, что через Волгу ни в Ярославле, ни в Костроме, ни в Нижнем, ни в Казани и т. д., нет ни одного разводного моста, тогда как на Рейне, который быстрее Волги и имеет более пароходов, есть мосты, разводимые в пять минут тремя человеками? Если на Рейне частные люди нашли выгодным построить мосты для взимания в свою пользу за проезд из леса, привезенного морем в кораблях из Норвегии, то как же нам не найти в том выгоды, имея леса почти на берегах Волги?

Почему бы не обратить внимания на то, что во всех приволжских городах пилят на дрова семисаженной длины бревна, а вершины их остаются в лесах без употребления?

Оканчивая наши почему и почему, мы надеемся, что и Европа выскажет свои почему и почему того и того у нее нет. Во время моего краткого путешествия я заметил многие странности, но я их оставлю до времени за собой.

Вот сколько набралось предметов, указуемых мыслью, при рассмотрении потребностей настоящего времени.

Слышу возражения, что компания с десятью миллионами не в силах будет совладеть со всем. Отвечаю: все названные предметы составляют только заглавие предстоящей деятельности; из них надобно выбирать нужнейшие. Здесь я повторяю мысль, сказанную прежде: когда отчет первого или второго года докажет, что вложенный в дело капитал принес, положим, 10%, тогда явятся сотни миллионов и овладеют всеми нужными предметами благоустройства, без всякого затруднения в капитале. Эта компания может вот что сделать: мать, говорящая своему сыну: "Тебя я готовлю в такую-то канцелярию или полк," - будет говорить иначе: "Готовься, мой милый, в Муравейник, и бери с собою туда свои десять или пятнадцать тысяч. Там и жалованье дают, и делу учат, и на капитал вырабатывают прибыль. Иди, трудись, будь муравьем, живи от своего труда; не старайся быть пиявкой, которая сосет сок из жизни людей". Теперь пора сказать уже и о том, что предстоит для деятельности на третьем пути - пути неведомом, который должен уясниться в изучении России.

Об этом пусть уже поговорит сама компания, когда она состоится, а теперь что же говорить, когда промышленное изучение России еще не совершилось? Этот разговор принадлежит уже членам компании, когда они разместятся по обширным углам русской земли, а теперь для первоначального размышления довольно и того, что сказано.

Нам остается пожелать одного, чтобы члены компании приготовили со временем вот что:

Промышленный словарь России, написанный на местах тех городов и селений, кои войдут в описание.

Чтение лекций о политической экономии и торговле и прикладной химии и механике.

Издание особого журнала о действиях компании, с помещением в нем практических статей о промышленности.

Училища для образования детей всех членов стогласной компании в том направлении, какое нужно для пользы дела и развития гражданства.

Клуб промышленности с библиотекой, выставкою картин русских художников и музеем образцовых изделий и товаров, открытым для безденежного входа всем.

Постоянное отправление молодых людей за границу для изучения всего полезного.

На все это могут сказать: мечты. Нет, не мечты, а глубокое убеждение, которое я подтверждаю вот чем: когда при отклике на предложение оказался бы недостаток в капитале, то я заявляю твердое намерение взять пять паев и вложить в дело полмиллиона рублей серебром; пусть этот капитал идет в основу деятельности молодого русского поколения, коему я вручаю эти пять паев с капиталом без всякого раздумья. Окончим тем, что устройство такой компании в России вызовет ответ и в Европе.

С этою целью мы и высказали все наши предположения открыто, ибо секреты в делах общечеловеческой пользы неуместны. Все наши почему есть наше богатство. Выставляем его на вид Европы, вместе с сознанием неразработанности, которое лучше всего свидетельствует о стремлении нашем идти вперед по пути развития. Всякий поймет, что все наши почему требуют труда не только в приложении к практике, но даже и в подробном изложении на бумаге. Мы представляем их как только заглавия, в той уверенности, что явятся практические люди и разберут каждый предмет в подробности. После того мы представим еще новую огромную коллекцию общеполезных предметов, под тем же названием: почему и почему.

Теперь мы желаем только того, чтобы подобная компания, для передачи в Россию европейских товаров, была задумана и в Европе. Тогда товары минуют переходы через множество рук и явятся к нам в дешевой цене, к явному увеличению их сбыта.

Народ и в России, и в других странах Европы благословит эти компании за их цель и полезное направление, которое выразится удешевлением жизненных припасов и необходимых мануфактурных изделий на рынках.

А всякое дело, благословляемое народом, прочно и многоплодно, нет, - более! - священно.

Пусть эта недодумка обработается в горниле общего ума. Более говорить нечего; а будем ждать, что скажет молодое поколение. Нам дорого замечание тех людей, кои готовятся к делу. Желаем одного: чтобы разбор, обсуждение как можно глубже проникали в дело и чтобы критика отличалась полнотою и меткою верностью взгляда.

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ДОРОГОВИЗНЫ НА ХЛЕБ И МЯСО

Все наши рынки, большие и малые, в городах и селах, объяты необычной дороговизной на первые потребности жизни; все наши порты также объяты обычной деятельностью по отправке хлебов за границу.

При существующей на рынках дороговизне на хлеб и мясо стоимость содержания рабочих, составляет такую сумму, которую они, в большинстве случаев, заработать не могут; вследствие этого положение большинства трудящихся людей делается невыносимым, разорительным. А при таких условиях остается один шаг до сокращения действий фабрик и заводов и до общего затруднения торговли и промышленности, наклонность к чему уже обнаруживается в ходе дел на нижегородской ярмарке.

На содержание рабочего, при существующей цене на хлеб и мясо в столичных губерниях, необходимо не менее 100 руб.[23] в год. Основания этого расчета следующие: на 3 фунта хлеба в день 10 коп., фунт мяса 14 коп., на квас, соль и горсть крупы в похлебку 2,5 коп. - всего в день 26,5 коп., в год 96 руб. 72 коп., не говоря о расходах на обувь, одежду и содержание семьи. Такая стоимость пропитания, выражает собою дороговизну, равносильную недостатку в продовольствии и ставит одних в необходимость обратиться к испрашиванию милостыни, чтобы снискать себе средства к существованию, других - прибегать к дерзким способам добывания себе пропитания. При этом не следует упускать из вида того обстоятельства, что к концу зимы придется кормить огромное количество людей, лишенных средств пропитывать себя при существующих ценах на хлеб и мясо, при совершенном неимении в некоторых местностях того и другого.

Все эти затруднения, не говоря об их последствиях, побуждают сделать подробный обзор причин, породивших дороговизну, и изыскать средства к ее устранению. Пределы настоящей статьи заставляют меня ограничиться только общими из собранного по этому вопросу материала выводами, основанными как на подробных расчетах, так и на указаниях житейского опыта.

Дороговизна на хлеб и мясо у нас главнейше происходит оттого, что в 15 северных губерниях нет благоустроенного сельского хозяйства. Что такое хозяйство по почвенным и климатическим условиям в этих местностях возможно - доказательством служат: Остзейские губернии и Финляндия; но так как никакое улучшение в хозяйстве немыслимо без удобрения, а для последнего необходим скот, на откармливание которого требуется барда, то рассмотрим, как велики в этом отношении средства наших северных губерний, сравнительно с Остзейскими? Для примера возьмем губернию С.-Петербургскую и из Остзейских самую скудную по почве - Эстляндскую. При существующих условиях винокурения в С.-Петербургской губернии, выкуривается 82.000 ведер вина[24], по расчету 40-градусной крепости с употреблением 100.000 пудов картофеля. Между тем

---

[23] Полученные из наших бывших житниц, Самары и Саратова, депеши от 8 августа извещают, что на тамошних базарах цены на печеный хлеб сделались равными с петербургскими.

[24] Цифры заимствованы из ежегодника министерства финансов за 1878 г.

Эстляндская губерния выкуривает 5 млн. ведер вина в год, с употреблением 4,5 млн. пудов картофеля; следовательно, в то время как Петербургская губерния, по размерам своего винокурения, может выкормить на барде 900 быков, Эстляндская губерния выкармливает 60.000 быков. Неудивительно поэтому, что хозяйство в Эстляндской губернии, имеющее средства для продовольствия столь значительного количества скота и получения через то удобрения, стоит неизмеримо выше, чем в С.-Петербургской губернии. При этом нельзя упускать из вида то обстоятельство, что количество барды, получаемой от винокурения, приобретает тем большее значение, чем больше число мест ее производства; следовательно, чем меньше будут размеры винокуренных заводов, чем больше число их, тем более представится удобств для удобрения более обширной площади, предназначенной для сельскохозяйственной обработки, что в действительности и встречается в Эстляндской губернии. Сомневающимся в этих выводах представляем доказательства: при возвышении цены на мясо в С.-Петербурге на скотопригонный двор явились, как видно из сведений С.-Петербургской думы, ливонские быки из Остзейских губерний. В апреле и мае их пригнано 8.800 голов. Представьте положение дела наоборот, т.е. мясной недостаток в Ревеле, и тогда что же бы могли три соседние губернии - С.-Петербургская, Новгородская и Псковская - прислать в Ревель? Ровно ничего. Итак, для улучшения хозяйства в северных губерниях необходимо поставить их в такое положение, при котором они могли бы выкуривать все необходимое количество вина для местного употребления и выкуривать на возможно большем числе заводов. В таком только случае представится возможность завести скот и иметь удобрение для полей.

Для выяснения того, сколько вообще теряет наше хозяйство от превращения заводов из заведений сельскохозяйственных в фабрично-промышленные, могут служить следующие соображения. Во всей России употребляется ежедневно хлеба на затор для выкурки вина, включительно с картофелем (считая 3 пуда последнего равные одному пуду муки), 220 тыс. пудов и каждый пуд затора дает барду для прокормления одного быка. Откармливание требует трехмесячного срока, а как винокурение продолжается от 9 до 10 месяцев, то откормить бардой можно 660 тыс. быков. Для Петербурга перегоняется черкасских быков 175 тыс. голов в год[25]; если такое же число необходимо нужно и для Москвы, то остается еще 300 тыс. быков; но в действительности их нет, потому что выкормить бардою 660 тыс. голов скота можно только при условии сельскохозяйственного винокурения на небольших заводах, когда ни одно ведро барды не миновало бы бычачьего желудка. А как главное винокурение у нас существует в губерниях: Тамбовской, Воронежской, Пензенской и других черноземных, заводы которых устроены для выкуривания в год от 100 до 500 тыс. ведер, то по невозможности употребить всю барду для быков, так как такого количества их нет в этой местности, да и самое помещение их представляется невозможным, то остальную часть барды спускают в овраги - таким образом не только непроизводительно утрачивается полезный материал, но и хозяйство, лишаясь удобрения, не может извлечь всей пользы из земли.

Для поднятия и устройства хозяйства в 15 северных губерниях необходимо предоставить им способы производить выкурку вина для местного употребления на

[25] Известия С.-Петербургской городской думы.

заводах, имеющих сельскохозяйственное значение, т. е. небольших размеров. Винокурение, по нашему мнению, должно быть рассматриваемо как вожатый (поводырь) сельского хозяйства. Если поводырь слепого отклоняется в стороны и слепой падает в яму, то то же самое при уклонении винокурения с правильного пути случается и с сельским хозяйством. Но для того, чтобы в северном хозяйстве могло возникнуть винокурение, которого теперь в количестве, потребном для удобрения земли, нет, необходимо интересы этого винокурения оградить от подрыва, причиняемого вином, выкуриваемым в черноземной полосе России. Винокурение в северных губерниях необходимо поставить в такие условия, при которых занимающиеся им были бы не только гарантированы в целости затраченного капитала, но получили бы уверенность в возможности приобретения известной прибыли; поэтому ограждение интересов северного винокурения могло бы выразиться в установлении добавочного акциза до 2 коп. с градуса, взимаемого с каждого ведра вина, перевозимого из губерний черноземных в северные.

Упрочение винокурения в северных губерниях, составляя не более как одну из мер сельскохозяйственной политики, не может одно послужить к поднятию упавшего хозяйства. Для этого необходим целый ряд мероприятий, но прежде всего дешевый долгосрочный кредит и облегчение переселения.

В кредите нуждаются не одни крупные землевладельцы, он настоятельно нужен крестьянам, как способ к приобретению земель. А для облегчения всем желающим жить трудом от сельского хозяйства, для облегчения способов, к достижению этого, необходимо сделать доступным пользование казенными пустопорожними землями, удобными для пашни, и чем больше будет спрос на эти земли, тем охотнее следует их раздавать. Спрос этот лучше всего будет выражать наш поворот к благоустройству, без которого невозможно прочное и мирное развитие. Нельзя отрицать, что мы имеем огромное число рук, которые "дело не делают и от дела не бегают" - а между тем объедают других. Таких людей наберется примерно до 2 млн.; они могли бы добывать из земли хлеб не только для себя, но и для других миллионов, не занимающихся сельским хозяйством. Эти люди - нравственны, честны, жаждут труда, а между тем, составляя собою избыток населения, существующий в малоземельных губерниях: Курской, Полтавской, Орловской, Тульской и др., они поставлены в такие условия, что отягощают своих односельчан и могут, при дальнейшей неустановленности их быта, обратиться в тунеядцев. Этот избыток населения, не имея возможности работать во всю мочь, так как нет земли, по необходимости стесняет и объедает своих односельчан, поэтому следует немедленно привести в известность всех малоземельных крестьян и организовать скорое и обеспеченное всеми удобствами переселение их в те благодатные местности, которые лежат у нас впусте и ждут пахаря, который где-то бедствует, не находя земли и не зная, к чему приложить свой труд. Таким образом, при избытке пустопорожних плодородных земель и рук, жаждущих земледельческого труда, мы ухитрились создать в России сельскую бедность. Бедность эта, конечно, исчезает, когда пахарь будет знать, где ему есть что пахать.

Устанавливая меры к поднятию хозяйства, необходимо обратить внимание на столь частые в последнее время случаи хищнического обращения с землею, с целью единовременного извлечения возможно большего дохода, хотя бы последствием этого было совершенное истощение почвы. Достаточно указать на то, что такой обильный край, как Самарский, приведен к нищете посредством так

называемых коммерческих посевов; а равно усовершенствовать существующее теперь обязательное страхование сельских строений от огня и учредить обязательное страхование скота - от падежей, полей - от градобития.

Придавая особенное значение примерам усовершенствованного хозяйства, как наглядно доказывающим крестьянам пользу улучшенных способов ведения его, мы полагаем, что хозяйство сельского духовенства следует возвести, на счет правительства, на высшую степень совершенства, дабы это хозяйство изображало светящиеся точки сельского благоустройства, сообщающие народной массе свет полезных знаний. Затрата эта была бы вполне производительна и повела бы к усовершенствованию способов добывания из земли большого количества произведений посредством улучшения почвы и употребления других приемов и орудий для обработки земли.

Дополним еще тем, что в каждом уезде, сообразно его обширности, должны быть образованы 3-4 пункта, в которых бы землевладелец и земледелец находили: сельскохозяйственную мастерскую, дешевую соль, зерновые семена, плуги, железные бороны и т. п., и производителей для рогатого скота, и лошадей, т. е. жеребцов и быков. При этом заметим, что выгон на пастбища с молодыми кобылицами и телушками жеребцов и быков должен быть воспрещен законом подобно тому, как воспрещена стрельба дичи до 15 июля.

Если все изложенное могло бы быть усвоено для русской жизни, тогда мы сами не только приобрели бы дешевое и изобильное питание, но и Европу завалили бы нашими избытками, не опасаясь конкуренции Америки. Тогда, забывая тяжелое время дороговизны и неизменно сопутствующей ей бедности, мы, все до единого, исполненные благоговейного умиления к Всемогущему Промыслу и благодарности к Державному Вождю и обновителю России, - восторженно возглашали бы стих царя Давида: "В скорби нашей распространил нас еси и исполнил веселия сердца наши от плода пшеницы".

Для того чтобы вожделенное время, когда сердца наши возрадуются от плода пшеницы, не осталось недостижимым идеалом, нам необходимо оставить то ложное представление, которое укоренилось так прочно, что Россия составляет житницу Европы; и, признав, что Россия сама нуждается в хлебном довольствии, обратиться к усиленному труду на поприще сельского хозяйства. Не может быть сомнения в том, что Россия, выйдя на широкую и правильную дорогу сельского хозяйства, может, при имеющемся у нас избытке плодородных, нетронутых земель, снабжать Европу хлебом в громадном количестве; но в том положении, которое ныне существует, она не имеет никакого права на вывоз хлебов, если не желает принять на себя тягость всех грустных последствий голода.

Чтобы заключение это не представлялось голословным, рассмотрим следующие факты. В Европейской России и Царстве Польском сбор хлебов в 1878 г., за вычетом семян, составлял (Сборник сведений по департаменту землед. вып. II, 1880 г.): пшеницы 24.250.000 четв.; ржи 97.348.000 четв.; овса 68.379.000 четв. и прочего ярового 39.211.000 четв.

Население Европейской России и Царства Польского по народоисчислению 1870 г. составляло 71.731.000 лиц. К означенному количеству населения мы прибавляем примерно 3.269.000 вновь народившихся в течение 10 лет и берем для наших расчетов круглую цифру населения в 75.000.000. Исключая из этого 6 млн. достаточных лиц, весьма мало употребляющих хлеба, будем иметь

хлебных едоков 69 млн., из которых 46 млн. взрослых и 23 млн. подростков. Полагая на взрослых для необходимого питания 2 1/4 четверти в год ржи или пшеницы и на подростков 1/2 четверти, получаем цифру необходимой потребности для народного продовольствия 115 млн. четвертей в год.

На винокурение в Европейской России употребляется ржаной муки, как это видно из ежегодника министерства финансов (выпуск IX, 1880 г.), 5 млн. четвертей.

Соединяя вместе цифры потребления хлеба в пищу и на винокурение, общий итог составляет 120 млн., а как чистый годовой сбор с полей пшеницы и ржи выражает 121 1/2 млн., то, очевидно, что у нас остается только 11/2 млн. четвертей для обеспечения себя в случае неурожая и стихийных невзгод. Этот остаток составляет пятидневную потребность народного продовольствия России! Итак, прежде чем помышлять о вывозе, нам надобно озаботиться о том, чтобы остаток за потреблением урожая в пищу составлял, по крайней мере, половину (до 60 млн. четвертей) годовой потребности, а затем можем безупречно вывозить лишь то, что будет превышать этот запас.

Мы не вводим в означенные расчеты сбор овса, потому что этот хлеб неприложим к употреблению в пищу для людей, но если подвергнуть ничтожное количество собираемого с полей овса (68 млн. четвертей) распределению на все количество имеющихся у нас лошадей, то едва ли придется на каждую лошадь по одному фунту к день. Вывод самый печальный и убийственный для сельского хозяйства. А между тем мы дерзаем вывозить и овес до 8 млн. четвертей в год, производя это в явное угнетение и погибель нашего хозяйства.

Затем разных яровых хлебов собирается 39 млн. четвертей, но из этого количества вывозится за границу ячменя, семени льняного и конопляного и прочего до 10 млн. четвертей, а затем в домашнем употреблении главное место занимает ячмень, идущий на пивоварение и на солод для винокурения и домашнего кваса, а потом кукуруза, греча и просо, употребляемые для каши, так что все эти хлеба, не заменяя собою ржи и пшеницы, служат только иногда добавлением к питанию, но не составляют основы продовольствия.

Хотя вышеозначенные цифры доказывают неопровержимо, что у нас нет излишнего хлеба для вывоза за границу, но между тем в 112 номере "Правительственного Вестника" 1880 г. и в сведениях департамента таможенных сборов видно, что отпускная торговля составляла в 1878 г. до 30 млн. четвертей в год по вывозу ржи и пшеницы, так что решительно не понятно, откуда мы взяли эти 30 млн., когда по вышеприведенным расчетам видно, что от урожая 1878 г. у нас осталось только 1 1/2 млн. четвертей. Нам могут сказать, что 30 млн. четвертей мы выпустили из накопившихся запасов, но это возражение опровергается тем, что 7 лет, предшествовавших 1878 г., имели урожай гораздо меньший; так, например, в 1878 г. собрано пшеницы и ржи, за вычетом семян, 121 1/2 млн. четвертей, а средний сбор за восьмилетие, начиная с 1870 г., составляет только 101 млн. четвертей. Из этого очевидно, что от прошлых лет никаких запасов образоваться не могло, и вопрос о том, откуда мы взяли 30 млн. четвертей для вывоза за границу, разрешается просто тем, что мы вывезли то, что самим необходимо нужно, и через это поставили себя в голодающее положение.

Неоспоримо, что наше богатство скрывается в земле, но к возделыванию ее надобно приложить руки, а чтобы руки могли направиться на этот труд, нужно

усвоить сельскохозяйственному делу интерес, выгоду и тогда угнетающее русскую жизнь праздношатание, служащее источником многих преступлений, обратится к честному и полезному труду. Без этого нам не видать ни радостных дней, озаренных довольством и спокойствием, ни того государственного значения, какое подобает иметь великой русской земле по ее великому объему.

Возвращаясь к мерам выше сего изложенным относительно устройства сельского хозяйства, не можем не сказать, что меры эти не представляют ничего нового. Все, что предложено, уже давно существует, но только в раздробленном виде и с распределением по разным ведомствам, а именно: винокурение - в министерстве финансов, земледелие - в министерстве государственных имуществ, народное продовольствие - в министерстве внутренних дел, страхование и т. п. - в земствах, общее попечение и направление - в сфере случайностей.

Эта разбросанность и составляет ту причину, почему Эстляндия может выкормить ежегодно 60 тыс. быков, а Петербургская губерния - только около одной тысячи. Нет надобности повторять то, что где мало скота, там мало и хлеба. Мы надеемся в отношении мяса на донские и другие степи и бездействуем на севере, вовсе не задавая себе притом труда обдумывать общее устройство нашего экономического положения. Самый громогласный порицатель нашего экономического порядка, относительно винокурения и сельского хозяйства, это - черноморский бык, шагающий 2000 верст с берегов Кубани на берега Невы, чтобы продовольствовать своим мясом петербургских экономистов с предвзятыми теориями. Бык этот может служить верным барометром нашего экономического положения: когда он будет направлять свои шаги с Кубани к черноморским портам для ростбифов в Лондоне, тогда экономический барометр будет выражать перемену к лучшему; но когда и донской бык направится вместо Невы к Черному морю, тогда барометр покажет "ясно" и тогда мы будем, подобно Эстляндии, иметь свое местное мясо. Вне этого барометра не существует никаких доказательств нашего сельского благоустройства, и, как бы мы себя ни превозносили в отчетах и какие бы ни приводили цифры, удостоверяющие наше благополучие, все это будет или ложь, или самообман, если бык своими шагами в обратную сторону, т.е. к Черному морю, не засвидетельствует нашу экономическую зрелость.

Мы неоднократно встречали в литературе известное выражение: "дайте нам хорошую политику, мы вам дадим хорошие финансы". Это неверно и неприменимо к России, да и на каких весах можно взвесить достоинство политики? Позволяем себе вместо этой нерусской фразы привести народную поговорку: "Коли на гумне не густо, так в кармане пусто".

А для того чтобы покрыть гумно России густым слоем хлебных колосьев, необходимо, кроме усиленного труда земледельца, споспешествуемого мероприятиями, ему благоприятствующими, такое учреждение, которое, соединив в себе все элементы, создающие народное продовольствие, приняло бы за правило пользу своих действий измерять не количеством предписаний и всяких бумажных указаний, а барометрическим показанием, основанным на направлении быка из степи к морям и ценами рынка, выражающими удешевление хлеба и мяса.

При теперешней разбросанности народопродовольственного дела по разным ведомствам, при всей благонамеренности лиц, ведущих это дело, и даже при их примерном трудолюбии будет постоянно выражаться то, что существует, т.е. на гумне не густо, а в кармане пусто. И это пусто, чтобы мы ни придумывали,

будет день ото дня пустее и пустев, до того времени, пока народная жизнь не приобретет хлебного довольства и простых (говоря словами Посошкова) "домовных богатств", составляющих единственную основу финансовой и политической силы, проявление которых немыслимо там, где "хлеб не укрепляет сердце человека".

В этом-то укреплении и состоит тот высший экономический закон, который один только силен вложить в наши сердца стремление к общему порядку и убеждение в благотворном влиянии власти на нашу жизнь и на этих началах создать величие государства. Путь к укреплению хлебом чист и ясен; составьте карту России с показанием всех ни кем не владеемых земель, и напишите на них четко глагол, возгремевший в первые дни мироздания: "раститесь и множитесь, наследуйте землю и обладайте ею".

Относительно переустройства винокурения и созидания сельского хозяйства слышим возражение, что это составляет длинный путь. Правда это, но справедливо, конечно, и то, что надобно же когда-нибудь начать этот путь, который, впрочем, при энергии и твердой воле может привести нас к предварительному устройству через 2-3 года. Между тем, независимо от правильного устройства земледелия, является потребность и в другой мере, могущей дать работу многим, а именно: каменщикам, каменотесам, кирпичникам, землекопам, плотникам, столярам, малярам, кузнецам, слесарям, пильщикам, подвозчикам и т. д. Эта мера - постройка правительственной железной дороги в Сибирь.

Говоря о сибирской дороге, нельзя не отнестись с особенной признательностью к мысли, выраженной господином министром финансов по поводу дальнейшего сооружения железных дорог. С.А. Грейг многим лицам, интересовавшимся взглядом правительства на этот вопрос, выразил свое мнение, что доколе не будет устроена ныне существующая сеть железных дорог в отношении снабжения ее полным подвижным составом и нужными дополнительными работами, до того времени сооружение новых дорог предпринимаемо не будет.

Мысль эта вполне верна и сообразна с практическими потребностями промышленности, уже обусловленными существованием устроенных железных дорог. Пятнадцать лет назад необходимо было торопиться с сооружением железных дорог, потому что тогда их вовсе не было и к исполнению этого существовали после крымской войны непреодолимые денежные затруднения внутри и недостаток кредита извне. Финансовое же творчество М.Х. Рейтерна победило все эти затруднения и не только создало обширную сеть железных дорог по всем направлениям Европейской России, но и обеспечило существование их устройством рельсовых и машиностроительных заводов. Это был подвиг, имеющий высокое государственное значение и вековую народную пользу. Воззрение С.А. Грейга на теперешнее состояние железнодорожного дела, заключающееся в желании осмотреться и привести сначала в полное устройство существующие дороги, несомненно имеет за собою также глубокую государственную мысль. Эта приостановка создает на сибирскую дорогу совершенно новый взгляд, сообразный с окружающими нас обстоятельствами проявления дороговизны.

Дороговизна настоятельно требует, чтобы сибирскую дорогу, как нищеснабдительный путь, мы построили как можно скорее, в 2 года; финансовое наше положение также настоятельно требует, чтобы эта дорога стоила как можно дешевле, а экономическое положение России заставляет искать для сибирской линии такого направления, чтобы на ней можно было поселить всех безземельщиков и малоземельщиков, составляющих ныне тягостную для государства массу, ничего не производящую и объедающую других.

Ни одного из означенных условий не имеет за собою линия из Нижнего в Тюмень, чрез Казань, Сарапул и Екатеринбург. А как достижение этих условий составляет такую потребность дня, без исполнения которой нет спасения от недостатка в продовольствии, то, по нашему глубокому убеждению, самая целесообразная и дешевая линия была бы из Самары в Тобольск прямо к многоводному Иртышу через Уфу, Челябинск и Шадринск с ветвью из Шадринска налево в Екатеринбург, а направо в Петропавловск. Линия эта, за исключением Петропавловской ветви, будет не длиннее так называемого южного направления через Казань, но она не представляет надобности строить мосты через Волгу и Каму, требующие пятилетнего труда и 15 млн. рублей затраты. Линия самаро-тобольская должна быть от Самары до Челябинска построена и открыта через год, дабы как можно скорей придвинуть на Волгу дешевый зауральский хлеб. Что касается ветви из Шадринска в Петропавловск, то она должна быть обселена вся крестьянами из внутренних малоземельных губерний, так как местность эта заключает в себе все условия земного рая для сельского быта. Вследствие этого, одновременно с сооружением означенной линии, все окружающие ее земли должны быть разделены на участки и обстроены крестьянскими домами, для помещения в них крестьян, переселяемых из малоземельных губерний. Чтобы представить себе вообще будущность Самарско-тобольской дороги и будущность всей местности, где эта дорога пролегает, надобно вообразить следующую картину: Волга, соединенная рельсами с Иртышом, имеющим водяной путь внутрь Сибири на 6000 верст, а между Волгой и Иртышом население крестьян, блаженствующих от избытка щедрой природы, совершенно забывших все бедствия минувшего малоземелья и награждающих свою мать - Россию за попечение об них присылкою массы продовольственных продуктов.

Коснемся теперь средств на сооружение Самарско-тобольской линии. Так как в настоящее время едва ли возможно обременять государственный бюджет новыми расходами, то является необходимая потребность изыскать предмет для обложения его налогом, дабы поступающая от этого налога сумма имела специальное назначение на платеж % и реализацию железнодорожных бумаг вновь строящихся дорог. Быть может, другие укажут более удобный предмет обложения, но я, со своей стороны, не вижу ничего удобнее, как обложение выделки всех изделий из нефти внутренним акцизом в 50 коп. с пуда при соответственном, разумеется, возвышении таможенной пошлины на иностранный керосин и другие нефтяные фабрикаты. Этот акциз даст в год до 5 млн. рублей, и этой суммы будет не только вполне достаточно на уплаты проц. и реализацию бумаг для дороги из Самары в Тобольск, стоящей не дороже 20 тыс. рублей верста, но представится еще большой остаток. На остаток этот надобно строить одновременно с сибирской другую дорогу, от владикавказской линии Петровск (300 верст), идущую по пустопорожним землям, удобным по их растительности для заселения. Заметим

притом, что выделка керосина и других фабрикатов достигла у нас до 10 млн. пудов в год и продажная цена на керосин столь низка, что акциз в 50 коп. с пуда нисколько не задержит дальнейшее его развитие. Напротив того, при устройстве железной дороги в Петровск бездействующая зимой торговая каспийская флотилия будет безостановочно во время всей зимы подвозить керосин в Петровск и оттуда по железным дорогам распространять его по всей России, тогда как теперь керосин остается в течение 5 месяцев, по случаю замерзания устьев Волги, запертым в Баку без возможности его продать, отчего усиливается потребность в оборотном капитале, стесняющая самое производство. Кроме того, устройство посредством акциза с керосина и прочих нефтяных фабрикатов двух дорог: Сибирской и Прикаспийской с непременною целью поселения около них всех безземельных и малоземельных людей, раздвинет рынок для сбыта керосина от Волги до Иркутска и притянет к нам сибирское плодородие, тогда как дальнейшее продолжение безземельного состояния крестьян, повергая их в тяжкую бедность, уменьшит сбыт не только керосина, но и всех вообще фабрикации.

Прежде чем окончить эту статью, я считаю необходимым привести следующую заметку, найденную мною при разборе своих бумаг (40-х годов): "Граф Канкрин, при всем своем уме, не понимает пользы железных дорог и даже видит в них вред. Просто все его соображения по этому делу, находятся под какой-то пеленой боязни и упрямства. Несколько лиц (в числе их Кузин и Журавлев) в споре с Канкриным высказали ему, что сначала надобно строить дорогу от Москвы к Черному морю, а потом уже между столицами, дабы укрепить нашу мощь на юге России, и что Петербург, имея для подвоза грузов три водяных системы, а для пассажиров шоссе, может 5-7 лет подождать, уступив первую линию замосковскому краю. Граф улыбнулся и сказал: "Вот еще выдумка, строить дорогу там, где за 1000 верст перевозка на волах стоит 10 коп. с пуда". В этих словах выразилось старчество графа и угасающая дальнозоркость". Нельзя не задуматься над означенной заметкой. Ясно, что при существовании дороги в 50-х годах из Москвы к Черному морю не было бы ни высадки в Крыму неприятельских войск, ни севастопольского жертвоприношения с потерею флота, ни образования государственных долгов, порожденных Крымской войной! Кто возьмется исчислить все потери России, исходящие из той минуты, в которую решился вопрос о соединении рельсовым путем столиц, прежде соединения Москвы с югом?... Но перейдем к тому, что у нас на очереди: Казань и Сарапул, будучи соединены с Нижним, Волгой и Камой, могут без всякой потери подождать железной дороги, а если мы начнем строить сибирский путь с мостами, требующими 5-летних работ, и оставим в пренебрежении как скорое привлечение зауральских хлебов, так и проведение дороги по плодородной почве для водворения на ней всех малоземельников, то в смысле экономическом произведем второй Севастополь.

Настоящую статью я считаю только вступлением в вопрос об освобождении русской жизни от дороговизны. Все подробности оставляю до зимы, кроме нижеследующей.

Дороговизну на хлеб и мясо многие относят к понижению ценности нашего кредитного рубля, выражающемуся упадком курса. В отношении хлеба это наполовину справедливо, потому что иностранцы находили расчет платить за хлеб дорого, рассчитываясь с нами уцененным кредитным рублем.

Другое влияние на дороговизну хлебов произошло от неурожая в черноземной полосе. Что касается мяса, то цены на него возвысились единственно от бескормицы минувшей зимы и весны в местностях, изобилующих скотоводством, что доказывается тем, что на петербургский скотопригонный двор в апреле и мае настоящего года пригон черкасских быков против 1879 г. уменьшился на 7600 голов, и если бы нас не поддержал Остзейский край присылкою в эти же месяцы 8800 голов, то дороговизна на мясо была бы гораздо значительнее существующей.

Обращаясь к влиянию курса на дороговизну хлеба, следует остановиться на том, что хлеб есть главный предмет нашей вывозной торговли; но все те предметы, которые не вывозятся за границу, следовательно и не проходят через реторту курса, остались в своей цене, как-то: соль, сахар, дрова и т. п. Предположим, что иностранцы вовсе не имели бы надобности в нашем хлебе, тогда у нас не образовались бы ныне существующие высокие цены; но иностранные рынки производили сильное требование на хлеб, а государство находило полезным для перевеса в торговом балансе не задерживать выпуск, и это образовало дороговизну, выразившуюся в отношении к каждому рабочему в следующей цифре: 2 года назад печеный хлеб продавался 1 1/2 коп. фунт, а теперь 3 коп., дороже на 100%. Для питания рабочего нужно хлеба в день, по крайней мере, 3 фунта; следовательно, рабочий ежедневно переплачивает 4 1/2 коп., что составляет в год 16 руб. Это новая подать, новый налог, упавший не только на работника, но и на стариков, старух и детей, включительно с голодающими и нищими, налог, платимый такими людьми, которые в упадке курса ничем неповинны. Справедливость требует тяжкое влияние этого налога ослабить ускорением заявленного правительством предложения о снятии личных податей и открытием государственных работ для доставления заработков. Заключим наше слово народной пословицей: "Беда дает разум".

Да сбудется над нами это спасительное изречение.

В. Кокорев

7 авг. 1880 г. Ушаки.

НУЖДЫ И ПОТРЕБНОСТИ

В экономической жизни России пошатнулись три главных устоя: народный кредит, сельское хозяйство и денежный курс. Так как исправление курсов достигается только посредством благоустройства сельского хозяйства, которое немыслимо без согласования винокурения с интересами земли и без уничтожения кабака, то прежде всего является потребность в мероприятиях, относящихся к питейному сбору. Только по одобрении этих мер наступит время для устройства дешевого народного кредита, тем более что и самые средства для этого предполагается извлечь из нововведений по сбору акциза с винокурения. Кроме того, пока существует кабак, никакие кредиты не принесут пользы крестьянам, а обратятся в наживу кабатчиков.

Было бы излишне доказывать ужасный вред, нанесенный народной жизни безграничным увеличением кабаков. Этот вред очевиден для каждого, ибо в течение последних двадцати лет более двух миллионов крестьян пропили все принадлежности своего хозяйства и остались без лошадей и коров. Подтверждением этой горькой истины служат подворные описи, сделанные в некоторых губерниях и обнаружившие, что в лучших уездах Рязанской губернии у 1/6 части населения не оказалось ни скота, ни молока для детей.

Точно так же нет надобности доказывать, что введение однообразной акцизной системы для сбора дохода с винокурения переместило винокуренное производство на черноземную почву, то есть в местности дешевого хлеба; а это перемещение, уменьшив число сельскохозяйственных винокурен в северных губерниях, повело сельское хозяйство на север к уменьшению скота, а землю - к лишению удобрения.

Далее, не только северные винокурни, но и южные оказались подавленными влиянием вновь возникших громадных винокуренных заводов, имеющих характер спекулятивно-промышленный. Результат вышел самый плачевный: тысячи усадеб разрушились, полевые земли за неимением удобрения остались невспаханными, а владельцы имений, лишенные крова и пищи, пошли скитаться по белу свету. Наконец, изо всех этих зол сложилось лютейшее зло - масса людей, способных на всякое злодеяние для потрясения общего спокойствия.

Для устранения облегающих русскую жизнь бедствий является делом первой потребности такое законоположение о питейном сборе, которое сообщило бы мелкопоместным дворянским имениям доходность, а крестьянской избе - сытость, и чтоб усадьба и изба возвратили к своему очагу с дороги праздношатания и отчаяния своих прежних обитателей.

Вышеизложенные побуждения сами собою создают нижеизлагаемый проект главных оснований правил, относящихся к винокурению и кабаку:

1. Принимая в соображение, что различие климатических и почвенных условий, при обширности России, препятствует винокуренному производству быть одинаково выгодным во всех губерниях и что многие губернии остаются почти вовсе без винокурения, последствием чего является недостаток в скотоводстве, а потому и в средствах к удобрению почвы надлежит установить поощрение (выдачу премий) для сельскохозяйственных винокуренных мелких заводов повсеместно, а в северных губерниях - в двойном размере против общего, дабы породить желание устраивать мелкие винокурни. Таковые премии должны существовать только для заводов, находящихся в дворянских имениях (за исключением местностей, не имеющих таковых имений), дабы сообщить этим имениям возможность восстановить, при вольнонаемном труде, сельское хозяйство.

2. При изменении устава с целью развития сельского хозяйства надлежит иметь в виду полное сохранение ныне получаемого дохода в казну от акциза с вина, а также и то, чтобы выдача премий мелким винокуренным заводам не составила для правительства но

вой статьи расхода почему сверх ныне взимаемого акциза следует установить дополнительный акциз по 2 коп. с градуса.

3. Весь сбор означенного дополнительного акциза обратить в особый капитал для выдачи из него винокуренных премий с целью урегулирования интересов винокурения; затем все остатки от сего сбора употреблять в беспроцентную ссуду на восстановление мелких винокурен, быта обнищалых крестьян и на устройство сельских шоссейных дорог, вместо ныне существующих грунтовых, надрывающих мускульную силу людей и животных.

4. При выдаче мелким сельскохозяйственным винокурням премий большие заводы не в силах будут конкурировать с мелкими и затруднятся в сбыте вина поэтому всем крупным заводам, не вошедшим в разряд сельскохозяйственных, следует также сверх существующих поощрений выдавать премию, но только при вывозе ими вина за границу. Этим способом установится постоянный отпуск хлеба за границу в виде спирта и откроется сбыт бочек в интересах русского труда.

5. Для сбережения лучших сортов хлеба на пищу и на обсеменение полей существующие ныне нормы для выкурки вина из данного количества хлеба отменить. Система перекура заставляет употреблять на винокурение лучшие сорта хлебов, так что зерновые хлеба, нужные для посевов, трудно найти в продаже. Для предупреждения этого зла в Германии существует закон, воспрещающий употреблять на винокурение хорошие сорта хлебов.

6. Неоспоримая польза акцизной системы состоит в том, что она освободила продажу вина от монополии откупа; недостаток же выражается в остановке ее на половине пути, потому что продажа вина, не имея полной торговой свободы, поставлена в зависимость от открытия кабака, с неизбежным водворением в нем кабатчика. Чтобы довести акцизную систему до полного соответствия с народною пользой, потребно обратить вино в обыкновенный товар, то есть, уничтожив кабаки, предоставить продажу вина только навынос в запечатанной посуде, крупных и мелких размеров, каждой действительно для торговли существующей лавке, желающей торговать вином, причем патент хотя и должен оставаться как торговое свидетельство, но цену его следует понизить до возможно меньшего размера.

7. А дабы обеспечить населению возможность приобретать вино прямо из заводских или торговых складов, необходимо дозволить из них продажу по 1/4 ведра, вместо нынешнего предела в три ведра, который, стесняя покупателей и торговлю из складов,

выгоден только для одних кабатчиков.

8. Распивочная продажа хлебного вина и водок должна производиться только в местах, торгующих кушаньями, то есть в трактирах, гостиницах, ресторациях и харчевнях, существующих не менее пяти лет, со взятием патентов по цене значительно возвышенной против цены патента на продажу вина навынос из лавок.

Причем, в видах сокращения пьянства, разрешение на открытие трактиров и харчевен в селениях должно зависеть непосредственно от надлежащих земств, а в городах - от городских управ.

9. Чтоб обеспечить вполне вероятность образования мелких винокурен и достигнуть через то улучшения сельского хозяйства и устройства сельских шоссейных дорог, необходимо Уставу об акцизе с вина придать твердость и незыблемость, к чему послужило бы

заявление, что основные начала сего устава останутся без изменения в течение известного периода времени, по крайней мере на тридцать лет. Необходимость этого объясняется тем, что общее благоустройство сельского хозяйства во всех странах, где оно уже водворилось, было достигнуто затратой значительных капиталов и трудом нескольких десятилетий, а такие затраты не могут быть сделаны без убеждения в том, что основания, при существовании которых капитал и труд обращены в производство, останутся не нарушенными, тем более что изменение сих оснований зависит не от условий торговли и промышленности, а от воли правительства.

Само собою разумеется, что вышеизложенные очертания нуждаются в дополнении их подробностями, но приступать к этому труду еще не наступило время. Между тем на могущее последовать возражение, что прибавка акциза 2 коп. на градус составляет новый налог на потребителей, признается необходимым объяснить теперь же, что при уничтожении кабака эти 2 коп. не составляют никакого нового налога, так как при нынешнем порядке, допускающем торговлю хлебным вином, при условии содержать кабак с особою прислугой, расходы по продаже вина равняются дополнительному налогу. Ныне эти расходы народ оплачивает в продажной цене вина, а как при обращении вина в товар не потребуется ни особых помещений для кабаков, ни особых служителей, то и цена на вино нисколько не возвысится. Главная же польза для народа выразится в том, что дополнительный акциз будет обращен на благоустройство сельского хозяйства посредством выдачи премий мелким винокурням, на воспособление обнищалым крестьянам и на доставление местным населениям новых заработков при устройстве сельских шоссейных дорог.

Казна с отменой нормы для выходов вина получит акциз уже со всего выкуриваемого количества, что значительно увеличит акцизный доход. Другое и более значительное увеличение дохода последует от уничтожения кабаков, постоянно подрывающих акцизный сбор рассыропкой вина водой. Вообще, при обращении вина в товар, вместо кабацкого пьянства возродится потребность в ежедневных домашних порциях, которые, при надзоре старших членов семейства, будут весьма умеренны; но в то же время правильное и постоянное употребление вина значительно увеличит его сбыт и усилит акцизный доход, не принося вреда благосостоянию, здоровью и народной нравственности.

Общее желание всей Руси заключается в том, чтобы наступлению священного коронования предшествовал луч надежды на то, что избранный правительством экономический путь верен. Нельзя не присовокупить, что народная и промышленная жизнь находится в самой гнетущей истоме от ожидания путеводных указаний. Вновь созданный крестьянский банк бесспорно необходим и полезен для крестьян, развивающих свое хозяйство; но он не может пособить крестьянину, который все пропил, и тому мелкопоместному помещику, который не имеет пропитания на завтрашний день. Быть может, самые эти слова покажутся многим преувеличенными и невероятными, но правдивость их подтверждается массой беспомощных людей, которые стучатся в наши двери. Иные говорят: если пропился какой-нибудь мужик, то и погибай за свою вину. Но так как пропились два миллиона, теперь пропивается третий, а за ним пойдет четвертый, то уже тут нельзя махнуть рукой! Спасая пропившихся, мы спасаем себя, спасаем общий порядок.

Надежда на экономическое улучшение нужна как воздух. Все и повсюду ждут с нетерпением, когда поднимется завеса будущего и покажет ту картину, на которой видны обновленные усадьбы, сооружения мелких винокурен, стада коров, пьющих винокуренную барду, поля с массой удобрения, дети с горшком молока и с

куском хлеба без примеси шелухи и мякины, мясное варево на крестьянском столе, словом, у всех веселые лица, кроме огорченных кабатчиков.

Да, всей России желательно видеть осуществление этой картины на самом деле; всем нам больно, что мы не имеем того, что имеет Остзейский край, который, по сравнению Эстляндии (самой бедной из числа балтийских губерний) с соседними ей русскими губерниями, представляет такие выводы: Эстляндия имеет 143 винокурни с производством в год 3,5 млн. ведер вина (40%), а губернии: С.-Петербургская и Новгородская - 20 винокурен с производством 240 тыс. ведер. Эстляндия, при населении, в 350 тыс., по размеру своего винокурения может выкормить бардой ежегодно 35000 быков, а С.-Петербургская - 90 штук и Новгородская - 2400, при двухмиллионном населении этих губерний, кроме Петербурга. Остзейский край, за полным удовлетворением себя мясным продовольствием, доставляет на Петербургский скотопригонный двор до 10000 быков ежегодно, а население Петербургской и Новгородской губерний не может выпустить на продажу ни одного быка, потому что и само не имеет мясного продовольствия.

Северное Телеграфное Агентство (в числе учредителей которого состою и я) имеет из внутренних губерний точные сведения о разрушенном положении помещичьих и крестьянских хозяйств, происходящем от неимения повсюду винокуренной барды, но не печатает их, так как распространение огорчительных известий, не помогая делу, увеличило бы только сумму досады и уныния.

Относительно сельского хозяйства в Эстляндии часто слышится такое возражение: кто же виноват, что мы не умели по примеру Эстляндии завести мелкие винокурни и образовать картофельные посевы. Не позволяя себе распространяться о том, кто виноват, не могу не сказать, что русский народ нисколько не виноват в том, что наше сельское хозяйство несогласовано, по винокуренному производству, с потребностями земли. Это согласование может дать новый устав о питейном сборе, породив стремление к устройству мелких винокурен и образовав особый капитал для дешевого народного кредита и сооружения сельских шоссейных дорог. Но народный кредит должен явиться не от акционерного или паевого товарищества, а от учреждения именуемого: Императорский Народный Банк. И только этому Императорскому Банку народная жизнь должна быть обязана сообщением ей довольства создающего семейную тишину сердца, из которой слагается общая государственная тишина, не достигаемая без экономического благоустройства никакими другими мерами.

В заключение является необходимым сказать несколько слов и о курсе: когда мы доживем до согласования винокурения с потребностями земли, до уничтожения зловредного влияния кабака на жизнь народа и до образовования Императорского Народного Банка, оплодотворяющего расшатанную жизнь дешевым кредитом, тогда до полного исправления курса будет, как говорится, рукой подать. Стоит только усилить добычу золота в Сибири, что представляется совершенно возможным, потому что мы не разведали еще и 1/1000 части пустынных сибирских пространств. Но Боже нас сохрани, до экономического устройства, обращаться прямо к сибирскому золоту, то есть прежде Царского указа о винокурении, кабаке и народном кредите помышлять об указе, усиливающем добычу золота. При теперешнем положении народного хозяйства, сколько бы мы ни добыли золота, оно все уйдет за границу и будет горшая беда, то есть при неимении золота в кармане не будет его и в земле.

Все вышеизложенные соображения заключим знаменательными словами графа Канкрина, сказанными в 40-х годах: "Меня упрекают, - сказал граф, - за то, что северным винокурам я прибавляю несколько миллионов рублей в год против цен, назначаемых заводчикам черноземной полосы. Это говорит незнание дела:

ведь я делаю прибавку не заводчикам, а земле, чтобы не оставить ее без удобрения, а иначе содержание массы нищих будет стоить гораздо дороже этой прибавки". Ныне наступила пора, доказывающая государственную дальнозоркость графа Канкрина.

В. Кокорев

15 февраля 1883 г

МЫСЛИ РУССКОГО, ПОРОЖДЕННЫЕ РЕЧЬЮ КНЯЗЯ БИСМАРКА

Речь князя Бисмарка справедливее будет назвать очерком политических событий со дня образования Германской империи. Читая эту речь, невольно погружаешься в глубокое раздумье, во время которого внутренний голос твердит: какое мировое произведение! Какое замечательное проявление ума и твердой воли, устремленных на возвеличение своего отечества! Какое смелое сочетание слова с делом!

Слово великого патриота гласит, что созданная в его время Германская империя требует твердой охраны своих границ для упрочения и развития роста на многие годы, и дабы слово это не было бесплодным звуком, следует и самое дело: на западной и восточной границах Германии выставлено по миллиону войск. Таким образом - мост мира сразу поставлен на двух твердых устоях: один - в виде двухмиллионной армии, а другой - в виде также двухмиллионного резерва. Великий патриот своего отечества, соединяя свое слою с делом, не остановился перед неимоверною трудностью предположенной задачи - достижения мира. Трудность состояла в решимости одну десятую часть германского населения поставить под ружье и не задуматься над потребными на это миллиардными расходами. Но и этого мало: громадные военные силы Германии увеличены еще союзами с Австро-Венгрией и Италией. Воздадим дань удивления глубокой попечительности Бисмарка об охране своего отечества, устраиваемой не в то время, когда беда на носу, а при первом ощущении самых слабых и едва заметных противодействующих дуновений.

За силою фактов нет надобности заглядывать в наши старые счеты с Пруссией; их надо предать вечному забвению, не затемняя разбором прежней путаницы ясность настоящего положения. Станем лицом к лицу к событиям, преобразившим скромную Пруссию в обширную Германскую империю, составляющую теперь среди европейского материка силу, решающую вопросы о мире или войне. Что же нам выгоднее: помочь ли этой силе возрастать под сенью мира и тишины или колебать ее разными противодействиями? Некоторые, конечно, скажут - колебать; но ведь это невозможно, не втягивая себя в европейскую войну, которая повлечет за собою кровопролитие и денежные разорения. Многие скажут: худой мир лучше доброй ссоры. Среди этих кратких соображений весы рассудительности сами собой склоняются на мир, с удалением всех поводов (вроде пустословного дружелюбия с Францией), могущих его нарушить.

Наши права на равный раздел с Германией политического значения давно потеряны, и все сроки для получения этого значения пропущены. Что значит Бисмарк при определении в одном слове его цельного значения? Бисмарк - это дальнозоркость ума. А разве в этом смысле фельдмаршал князь Барятинский, убеждавший участвовать в прусско-австрийской войне в 1866 г., не был дальнозорким Бисмарком? Разница в том, что Бисмарка слушали и слушались, а Барятинского отвергали и отрицали. Если бы голос Барятинского был в свое время обращен в дело, тогда бы речи Бисмарка, по меньшей мере, были предварительно присылаемы на рассмотрение в Зимний дворец. Все это произошло оттого, что между Бисмарком и верховным вождем Германии не было никакого разделяющего пространства, а между Барятинским и Александром II лежало наслоение формальностей, соединенное с вмешательством в дело других недальнозорких и нерешительных лиц.

Положим, что дальнозоркость Барятинского, заявленная им в 1866 г., была единичная, т.е. принадлежащая только ему, но у нас было множество и таких случаев, что дальнозоркость целых масс не удостаивалась никакого внимания. Множество дворян, купцов и крестьян говорили в 60-х годах: "кредитуйтесь дома у себя, не ходите за деньгами в чужие земли". А мы действиями и словами что ответили? "Вы глупы, не понимаете мудрой финансовой системы, и ваше дело не рассуждать, а выплачивать все те займы, которые насчет ваш будут сделаны за границей". Что же из всего этого вышло? Вышло то, что наше экономическое сражение давно уже проиграно и мы находимся в полном экономическом плену, так что и многотрудное сведение бюджета на 1888 г. без дефицита, стоившее министру финансов необыкновенных усилий, ни к чему не повело и наш плен, т.е. наша несостоятельность, не только не уменьшился, но еще более увеличился и принял самое угнетательное положение. Европе, конечно, нет расчета выпускать нас из экономического плена, ее интересы требуют, чтобы держать нас в тисках.

Но теперь, находясь под давлением тисков, выразим, по крайней мере, чувства признательности всем тем многочисленным чисто русским людям, которые предвидели бедствия России от внешних долгов и которые по своей дальнозоркости могли бы спасти Россию от экономического расстройства.

Восхваляя Бисмарка, как удивительного патриота и как редкое явление в истории государств, вместе с тем нельзя не сказать, что это явление могло образоваться и разрастись только в той атмосфере, в которой Бисмарк действует. Один из высокопоставленных лиц, лет 10 назад, сказал: "любовь императора Вильгельма к своему отечеству выражается тем, что он может выносить упрямого Бисмарка". У нас в России, конечно, нет Бисмарков, но в зародышах есть масса простых русских людей, чутких и прозорливых от природы. Каждый город и каждый уезд изобилует такими людьми. Про них в народе говорят: его же не оплетеши. Мы видели, как Бисмарк оплетал многих дипломатических деятелей, и потом, в своей последней речи, выставил их на всесветное посмеяние, но пусть он попробует оплести такого русского человека, который от природы чует всякое намерение к подвоху.

Все сводится к тому, что система Бисмарка состоит в том, чтобы мысли и действия шли впереди событий, а у нас, наоборот, из событий рождаются мысли для отграждения себя от затруднений и бедствий, и какие еще мысли, вовсе не творческие, а основанные на пустых канцелярских справках. Из болота этих справок никто и никогда чистой ключевой воды не добудет.

Все помещенные здесь вводные рассуждения надобно порешить тем, что Бисмарка создала сама Россия, потому что утопила всех своих носителей таланта дальнозоркости в море пренебрежения и неведения.

Переходя к вопросу о том, можно ли верить в прочность мира, устраиваемого Бисмарком, возьмем в соображение ту величину, в которой выражается Бисмарк настоящего времени; величина эта не допускает мысли о том, чтобы мировой человек перед лицом всей Европы говорил одно, а делал другое. Будем искренно верить тому, что у него нет никакого помышления идти войною на Россию. Зачем ему завоевывать польские болота и литовские пески и возрождать в этих местностях вторую Эльзас-Лотарингию с враждебными к Германии чувствами? А вдобавок, можно быть твердо убежденными в том, что Бисмарк лучше всех знает устойчивость русского оружия, действовавшего в 1612 и 1812 г., равно знает и то, что оно еще не заржавело и ясно сохраняет на себе начертанную рукою истории надпись: "да встретит неприятель в каждом духовном - Палицына, в каждом дворянине - Пожарского и в каждом гражданине - Минина". Это оружие спасло в 1812 г. Пруссию от поглощения ее Наполеоном I. Бисмарк, вполне верующий в правдивое и твердое слово Александра III, очень хорошо знает, что, в

случае крайности, Русский Царь будет окружен тьмочисленною массою Палицыных, Пожарских, Мининых, как Царь, олицетворяющий в себе первое проявление народного Императора. А наше доблестное войско, многократно являвшее всему свету свою храбрость и стойкость на полях Европы, в огне Севастополя, в снегах Альпийских и Балканских гор и в безводных степях Азии, составляет нашу славу и гордость и наш твердый оплот.

Нетрудно убедиться в том, что тот, кто, уподобляясь нашему Иоанну III (не без примеси в современной форме значительной доли и Иоанна IV), в смысле собирания Германии в одно целое, охраняет ее составлением заблаговременно многочисленных полчищ, не захочет поставить на карту все то, чего он достиг, и поставить совершенно безрасчетно, разумея эту ставку в смысле нашествия на Россию.

Весьма многие скажут, что беспримерно громадная численность германских войск в совокупности с силами союзников ставит Россию как бы в отчужденное положение, в смысле политического значения. Ответим на это: слава Богу, даровавшему нам такое счастье! Это политическое отчуждение составляет дорогой подарок для России на новый год; никто не будет огорчен тем, если этот подарок увеличится присоединением к германо-австрийско-итальянскому союзу Румынии, Сербии и Болгарии (говоря это, я убежден,

что попадаю прямо в мысли народного большинства, не желающего наступательной войны и в то же время готового лечь костьми на защиту отечества). О, тогда бы ничто не помешало нам пожить лет 20 в совершенном отчуждении от европейских и восточных волнений и заняться внутренним благоустройством, требующим осмысленной и усиленной работы на всех ступенях правительственной и народной жизнедеятельности. После этой работы мы вышли бы в начале XX века из позорной опеки европейских банкиров, освободив Россию от тяжести заграничных долгов, этого наследия ложной финансовой системы (60-хгодов), запрещавшей Русскому Царю кредитоваться у своего народа. Неужели для нас не поучителен пример Пруссии, не воевавшей 50 лет и, в глубокой тишине, развившей свою внутреннюю силу до степени ее настоящего значения.

Из всего, что сказано, выходит, однако же, весьма странный вывод, как будто бы все усилия Германии по сбору громадной массы войск были задуманы и выполнены в видах попечения и заботливости о нас, дабы Россию вдвинуть в рамы ее внутренней жизни с целью направить ее на путь домашнего благоустройства. Да, сколь ни странно это, но на поверку выходит так. Не удивляйтесь. Древняя и новая истории представляют нам множество таких примеров, в которых являющееся извне угнетение давало сильный рост угнетаемым. Недаром старые летописи говорят, что в периоды угнетений народная жизнь утешала себя священным изречением: благо мне, яко смирил мя еси, и в этом смирении, очищаясь от всех заносчивых помыслов, вырастала на целую голову выше прежнего.

Каждое государство выражает свою силу по-своему, сообразно географическому положению. Сила Англии - окружающий ее океан, сила Германии, находящейся в средине Европы, - 2 млн. войск, но сила России совсем особая и вовсе не сходная с силою других государств. Ее сила - в сохранении своей силы под спудом. Ее могущество - сто миллионов народа с Самодержавным Царем во главе. Россия, при ее полном и целесообразном для внутреннего благоденствия устройстве, представляет такую мощь, которую нет надобности заявлять никакими доказательствами тяготения над Европой и уже совершенно непозволительно думать о подкреплении этой силы какими-то союзами. Силу России каждый обязан знать по учебникам, и чем менее мы будем проявлять ее, тем искреннее будет к нам доверие и сочувствие всей Европы. Натянутая сила требует союзных подпорок, а действительная должна возвеличивать себя мощным великодушием и

выразительным безмолвием. Если у нас хватит характера сдерживать свою силу, тогда, какие бы ни существовали противорусские союзы, по словам Пушкина, славянские ручьи сольются в русском море, если только это море удалит от себя иссушающие его вредные последствия, порожденные заграничными займами и зловредным влиянием канцелярских воззрений.

Войдем еще в обозрение нашего положения с других сторон: независимо от составленных против нас союзов, мы находимся под угнетающим давлением упадка ценности русского кредитного рубля. Возникающий вопрос - что нам делать - разрешается сам собою: ничего более, как дружить с Германией и устраиваться внутри себя. А затем что? Также продолжать дружить и постепенно вырастать, переходя из силы в силу. А потом, когда уже вырастем, в смысле внутреннего благоустройства, в полную величину, подобающую стомиллионному населению, тогда без всяких заявлений и доказательств нашей силы будет понято и оценено в Европе наше политическое значение, к достижению которого ключ-пригодник находится в финансовом и экономическом устройстве русской жизни, с непременным сохранением притом главной нашей силы - верно-преданности Монарху. При этом первою заботою должно быть освобождение будущей России, т.е. всего нашего юношества, от гнета бедности и от всех вредных влияний, навеянных на него отчаянием и лжеучениями последнего времени. Что же затем? Все та же задача: дружить и дружить с Германией, доводя эту дружбу до полного искреннего забвения всех старых счетов, и в то же время как можно удовлетворительнее и полнее устраиваться в нашей внутренней жизни и довести это устройство до того, чтобы без всяких с нашей стороны угроз мы выражали ту силу, про которую говорят: с богатым не судись, с сильным не борись.

Вспомним известное изречение Соломона: всякой вещи - время. Теперь наступило для нас благодатное время смирения, то время, в которое жизнь требует освобождения ее от всех крайних стремлений, хотя бы в основании их лежало даже патриотическое усердие; словом, мы должны плыть по течению, но в то же время уметь создавать плодотворную экономическую почву. Идя этим путем и не впадая ни в гордость, ни в раболепие, мы должны неуклонно сознавать то, что власть существует для созидания всего полезного, а не для разрушения давно сложившихся основ, к видоизменению которых мы часто стремимся, вследствие пристрастных увлечений. Для возрождения твердой отечественной силы нам нужно укоренить в себе глубокое уважение к прозорливым помыслам отчизнолюбителей, потому что эти помыслы составляют руководящие судьбы отечества.

Да, только из этих помыслов может соорудиться здание прочного государственного бытия, а все иное носит в себе начало разложения, как бы с первого раза ни казалось привлекательным.

Немцы заявляют, что они боятся только одного Бога, а мы, если окинем строгим взором несколько минувших десятилетий, то не можем не вынести совестного упрека за то, что богобоязнь была в нашей интеллигентной и канцелярской жизни в полном забвении.

К первоначальным всемирным праотцам Всетворящее Слово нисходило от уст Самого Вседержителя, а потом оно выражалось в пророческих вещаниях и, наконец, в Новом Завете перешло в народообладание, выразившись, между прочим, в известном правиле: не угашайте духа, в нем бо сила. Мы совсем отвергли этот завет. Вспомним, как мы отнеслись в 1866 г. к дальнозоркому духопредвидению князя Барятинского и каким презрением ответили на заявление русских людей, умолявших не занимать денег за границей. Отвергнув сердобольные советы, мы последовали внушениям петербургской канцелярии и вырастили над собою угнетающую политическую силу Германии, с накоплением неоплатных долгов,

причем выказали совершенное неумение даже в составлении самых условий для займов, обязавшись платить в течение полстолетия не по тому курсу, по которому сделан заем, а по курсу того дня, в который будет производима уплата, следовательно на спину русского народа взвалили всю выражающуюся теперь и впредь могущую выразиться злобу дня. Эта преступная ошибка произвела то, что корабль русской жизни, лишенный самостоятельного хода, двигается на буксире европейских бирж.

В народной жизни существует полное верование в то, что каждая страна имеет своего Ангела Хранителя, осеняющего властительные думы светом разума, и что это осенение умаляется по мере того, как властительность, забывая установленные заветы, начинает впадать в великий грех духоугашения. Поклонники верования в высшую силу, кроме многих доводов, ставят в пример нынешнее положение Испании. Они говорят: давно ли Испания, как страна вечного раздора, изгнала королеву Изабеллу, давно ли доны Карлосы раздирали ее на части и давно ли призванный из Италии король Амедей не мог устоять против народного волнения и должен был оставить свой престол. Все это совершилось на нашей памяти; но вот теперь на престоле младенец - и все тихо и спокойно. Не ясно ли, что Ангел мира и тишины парит над страною, следовательно есть сила свыше видимой земной силы.

Да, есть сила, возвышающая и устраивающая величие государств, и эта сила является только там, где народный ум не подавлен силой канцелярии. На сколько, с одной стороны, преобразования Петра I были велики, на столько же они и губительны для России, потому что ими положен раздел между властью Царя и народным созерцанием, раздел, возникший от учреждения канцелярщины, которая в течение двух столетий до того разрослась и окрепла, что усвоила себе право действовать во всех мероприятиях без всякого соглашения с народными потребностями. А чтобы определить величину зла, от этого происходящую, то пусть какой-либо внимательный счетчик постарается - хотя приблизительно - исчислить в цифрах одну статью, а именно: в какую сумму обошлись для России в течение трех последних лет потери на курсах при платеже заграничных долгов, равно и потери на всех бумагах правительственных и частных, порожденные существованием Баттенберга и Кобургского.

Перейдем теперь к западной границе Германии: тут совсем другое дело, тут нельзя ручаться, чтоб не разыгралось желание овладеть такими пунктами, каковы Антверпен и Амстердам, с их доками и выходами прямо в океан; равно нельзя отвечать и за то, чтоб не возродилась мысль вдосталь ослабить возрождающуюся силу Франции и угасить тлеющие в ней искры отмщения; но нам до всего этого нет никакого дела, и мы можем без всякой тревоги и ущерба, в то время, когда прорвется плотина скопления военных сил на западной стороне Германии, продолжать свои домашние занятия в полном безмятежном спокойствии.

А после всего этого что будет? Что возвестит еще Европе законодательный голос Бисмарка?

Будет, конечно, что-либо великое и совершенно новое, изменяющее общую постановку экономической европейской жизни. На чем основано такое ожидание? Отвечаем: на логическом соображении о движении тех обстоятельств и явлений, среди которых находится теперь европейская жизнь. В сознании самого Бисмарка неизбежно возникнет мысль о том, что нельзя вечно охранять мир массою вооруженных войск и что было бы прочнее и величественнее внедрить в воззрения правительств и народов убеждение в выгодности мирной жизни и затем перейти к значительным разоружениям, дабы освободить человечество от тягостных расходов и затруднений в правильном росте. Отсюда один шаг до появления в

голове знаменитого Бисмарка желания увековечить свое имя новою прочною славой введения в общеевропейскую жизнь таких экономических начал, которые при малозначительных вооружениях поставляли бы сильную преграду к побуждениям начинать войну. Для обсуждения предварительной программы этих начал нельзя не предвидеть образования в Берлине будущего европейского конгресса, чтобы выработать в его заседаниях альфу и омегу общего бытия, положив в основание жизни совершенное уничтожение международной зависти, существующей ныне по столкновению государств и народов в материальных соприкосновениях. Без такого поворота вся 30-ти-летняя государственная деятельность Бисмарка не имеет значения вековечносга. Если предположить, что настоящая статья дойдет до князя Бисмарка, то едва ли он будет в глубине своей души отрицать возможность установить (под влиянием вооружения, как сильной временной меры) твердый мир на силе экономических устоев.

Дай Бог, чтобы на берлинском конгрессе представителями России оказались люди, исполненные верных воззрений и разумной заботливости об интересах своего Отечества, а не выдохшиеся изношенные губошлепы.

Чувствую, как на этом месте читатель невольно восклицает: что же это за туманные предсказания? Отвечаю: при настоящем положении, когда весь политический небосклон обложился густыми тучами, нельзя требовать совершенной ясности. Едва-едва возможно всмотреться в очертание надвинувшихся туч и в их фигурах прочесть завершение совершающихся событий экономическим конгрессом в Берлине. А коль скоро этот конгресс образуется, то уже нетрудно догадаться, кому достанется львиная доля выгод от будущего экономического новозакония. При этом мы должны преследовать одну цель - свалить с плеч русского народа угнетающую его тягость по платежу заграничных долгов. Слышу, как читатель опять говорит: да это еще новый туман? Да, новый, но освежительный, и мы можем достигнуть этого, идя путем смиренномудрия и направления в новую полосу благоприменительного течения воздуха.

Добавим несколько слов о печати. Бисмарк отвергает значение в делах государственных печатного слова, не видя в нем никакой пользы. Никто с этим согласиться не может, и здесь вполне применима поговорка, что нет умного человека без некоторой доли заблуждений. Печать можно сравнить с золотоносными россыпями, при промывке которых из ста пудов простого песку получается в золотниках чистое золото. Излишне доказывать неоспоримое влияние этих золотников на ход жизни во всех ее видах - нравственном, политическом, экономическом и т. д.

Самая речь Бисмарка осязательно все это подтверждает, потому что все изложенные в ней воззрения и даже мероприятия построены на значении золотников, промытых из песчаной массы печатного слова.

В. Кокорев

17 февраля 1888 г. С.-Петербург

ПУТЬ СЕВАСТОПОЛЬЦЕВ

Посвящается С.А. Хрулеву*

Вместо предисловия

Появляющийся теперь в печати рассказ написан 20 месяцев тому назад. Он не мог явиться своевременно по таким причинам, о коих рассказывать скучно, а читать еще скучней.

Теперь рассказ этот настолько вылежался, что он без больших затруднений является на типографский станок. Я его печатаю, как дагерротип мыслей и взглядов того времени, в которое писал рассказ.

Все выраженное здесь вспомнилось и сказалось во время вступления защитников Севастополя в сердце России - Москву; конечно, тут высказана только разве сотая часть того, что нам уяснила глубокая дума о военных событиях. Мы обращаемся теперь к особому труду, выпискам из книги: "Русская жизнь".

Из таких выписок составлен "Путь севастопольцев".

В картине человеческой жизни, подобно тому, как и во всякой древней художественной картине, тогда только можно достигнуть исправления и увидеть новые красоты и дальние планы, когда будет обнаружено и выяснено все то, что сгладила и затемнила пыль и копоть. Таково было побуждение при изложении не сочинения, а событий, подсказанных памятью сердца. Скажу словами внутреннего убеждения: задача решалась благонамеренно, но без письменной архитектуры и настолько притом ошибочно, насколько более или менее ошибочны все наши однодумы.

I

Общее горе - не горе.
Пословица

Давно, почти одновременно с образованием Черноморского флота, главная из Севастопольских пристаней названа Екатерининской. Пристань эта знаменательна тем, что все находившиеся в Севастополе моряки имели обыкновение сходиться на ней каждый день и рассуждать тут об обязанностях честной службы моряка и вообще человеческих. С пристани виднелся стоящий вдали флот. Общие взоры следили за тем, как спущены и подняты драм-реи, как одни корабли снимаются с якоря и идут в море и как другие становятся на якорь. Все делалось на кораблях живо и отчетливо, все одушевлялось желанием получить одобрение от своих собратьев. Всякую морскую опытность, всякую ученость, даже успехи по службе надлежало утверждать еще одобрением общего мнения. Суд пристани вникал в каждодневную жизнь всякого: получить похвалу на ней значило быть отличным не только в действиях, но и в намерениях. Здесь все познавали

---

* Письмо, при котором посвящается эта статья, хотя и написано по заведенному порядку, но оно еще недостаточно вылежалось. Я напечатаю его впоследствии.

себя, душа у всех была нараспашку, и ясно становилось, кто к чему способен; а знание душевной подоплеки каждого спасало от несообразного выбора людей на открывавшиеся должности и развивало во всех дух чести, бескорыстия и рвения к пользе общей.

Место сходбища росло в объеме и значении.

Грозна и отрадна была спасительная пристань, дружно стремились к ней ум и горячая любовь к Отечеству, не боясь препон и ухищрений, производимых всегда лукавой бездарностью, которая и издали не смела подходить. В главе общей оценки способностей стояли сначала Грейг, а потом Лазарев - оба они поддерживали силу общего влияния на дела уважением к мнению пристани.

Вот где сложился черноморец и откуда проистекли его славные деяния. Черноморец зародился духовно, точно так же, как и русский первообразный человек, когда были пристани спасения на стогнах Киева, Владимира, Москвы, Нижнего... когда бедствия в течение многих веков создавали и укрепляли русский дух, из коего сотворилась русская мощь.

Вместе с русской мощью славные наши предки передавали из рода в род и саму основу ее. Как определить ее? Как назвать причину спасительных движений Донского, Ляпунова, Пожарского, Минина и Сусанина? Современные Пожарские, Минины и Сусанины, т. е. все наши славные морские и сухопутные защитники Севастополя, называют все свои подвиги простым исполнением долга. Вот в этом-то простом исполнении долга, смысл коего так многозначен и обширен, и заключается русская мощь. Стремление к этой обязанности - исполнению долга - доступно лишь только тем, кто преисполнен чувством любви ко всем, кто в личных своих успехах, наносящих вред другому, видит общее зло, а в успехах человечества - собственный рост. Поэтому славное наследство, полученное нами от предков, мы должны назвать: самозабвение и общелюбие. Тяжело стало нашему корыстному и мельчающему веку хранить это священное наследие: чувство общелюбия начало угасать, а затем последовала утрата самозабвения. Опустелые места нашего сердца заменились заботой о самих себе, и ум стал опираться на шаткую подпору самонадеянности. Произошло явление, столь же естественное и столь же простое, как исполнение долга; но между этими двумя простотами оказалась великая разница в последствиях. Произошло вот что: самые отголоски самозабвения и общелюбия сделались нам сначала неприятны, потом укоризненны и, наконец, несносны; мы начали обнаруживать на них вражду.

Умолк всякий глагол, исходящий от сердца. Все получило другие очертания, другие побуждения; самый склад русского человека стал изменяться.

Оказалось... но что оказалось? Вот общее определение: беден бедный человек с его бедными надеждами на один свой бедный ум, действующий без помощи практического и сердечного сотрудничества.

Между тем, как мысли наши, лишенные прав гражданства, блуждали в какой-то пустыне бесплодия, вдруг грянул гром, Севастопольский гром, принимаемый земной суетой за последствие дипломатических недоразумений, а христианским созерцательным смирением объясняемый явлением гнева Божия.

Сошлись опять черноморцы на той же Екатерининской спасительной пристани решать дело Отечества тем же общим голосом, который возрастил и указал их для занимаемых мест. Решили скоро и коротко: приготовиться к смерти, надеть белые рубашки и защищаться до последней капли крови.

И началось время осады; и потекла ручьями лучшая, чистейшая кровь, и стали мы измываться в ней и исцеляться ею...

Почти целый год продолжалось Севастопольское жертвоприношение. Уставали уже в Европе готовить смертоносные орудия и снаряды, а славная грудь всех защитников Севастополя не уставала принимать на себя изметаемые из них удары. Смыкались сном смерти очи павших - просвещались наши душевные взоры, уяснилось многое, открылось неизвестное. Вдосталь обмельчали в глазах наших все посредственности, обозначились все бессердечности. Недочет и несостоятельность оказались в мыслях, действиях и чистоте исполнения. К болезненному нытью русского сердца прибавились новые, мучительные раны и вызвали из глубины его возглас: где же ты, куда укрылась русская, чистая, широкая, теплая, простосердечная душа?

Взывали мы долго, молились горячо, но над нами сбылось священное слово: воззовут и не услышу их.

Утихла брань, но Севастополя не стало, т.е. не стало его укреплений, домов, флота; а зато явилось во всей России общее сознание, что нам нужен другой Севастополь, которого никто не одолеет, это - Севастополь любви и истины, где все старались бы действовать на всех поприщах жизни с такими же чувствами самопожертвования в борьбе с ложью и невежеством, как действовали защитники Севастополя при обороне его.

Мы вспомнили, что на Севастопольской спасительной пристани, подобно тому, как и в Древней Руси, существовало заветное русское правило: да будет стыдно тому перед всеми, кто делает худо. Мы поняли, что значение этого слова не могли нам заменить графы, отчеты, канцелярии, ревизии, контроли, комиссии, комитеты.

Нам представилось, что виновники славной обороны Севастополя, прославленные, уязвленные, рассыпавшись теперь по всему пространству великого Русского царства, видом своим благовествуют всем возврат к утраченному нами уважению общего мнения. Нам подумалось, что вместе с этим возвратом воскреснет древнее чувство стыда пред всеми за всякое худое дело и что русский ум придет от того в связь с сердцем и примет спасительную форму ума питающего и заимствующего.

Среди таковых общеусвоенных дум, соединенных с чувством сердечной признательности к доблестным защитникам Севастополя, узнается в Москве, что идут моряки, что навстречу им приедут с Севера их Черноморские собратья. Всколыхнулась Москва. Все сословия прониклись обязанностью поклониться своим путеводным звездам, сияющим лучезарными лучами самозабвения и высшей душевной чистоты.

Москва определила, что она будет иметь такие дни, в которые почти весь остаток храбрых черноморцев соединится в ней, и что через это соединение минувшее московское горе подаст руку севастопольскому под стенами Кремля и сроднится между собой для связи Новороссии с древней Россией. Вот почему Москва сама собой двинулась на поклонение. Никто этой встречи не устраивал, никто никому и ничего не объяснял, потому что никто не знал, что и как будет или может быть; но всеми руководила какая-то необъяснимая, но общая мысль, и оттого вышло то, чего не могло быть ни при каких предварительных сочинениях. Но обратимся к тому, как дело делалось само собою.

Около половины февраля 1856 г., разнеслась в С.-Петербурге весть о вступлении в Москву 6 экипажей Черноморского флота, из коих два должны войти туда 18 февраля. Все находившиеся в С.-Петербурге черноморские офицеры возымели сердечное желание ехать в Москву на встречу своих собратьев. Одновременно с этим получено известие из Москвы, что тамошние жители ходатайствуют о дозволении им пригласить к себе в гости черноморских матросов и всех находящихся при экипажах офицеров на все время пребывания в Москве.

Известие о радушии московских жителей тотчас сообщилось всем черноморским офицерам, проживавшим в С.-Петербурге и сопредельных губерниях. Общая сердечная потребность решила в одну минуту: ехать встречать моряков.

Вчера сказали сами себе - ехать, а через три дня, по получении нужного разрешения, все уже были готовы и собрались (16 февраля 10 час. утра) в Большую Морскую завтракать, а оттуда в 2 часа по полудни поехали на станцию железной дороги и отправились в Москву, с особым поездом.

Переходя мыслию ко времени поездки в Москву, я не берусь описывать подробности этого пути: тогда все мои чувства перешли в одно зрение, тогда сводилось знакомство, и при названии многих имен, с которыми мысленно простилась вся Россия, считая их погребенными под развалинами Севастополя, мной овладевали необъяснимые думы.

Вы слышите имена, а память, посредством внутреннего голоса, подсказывает вам принадлежащие им чудодеяния:

Вот Перелешин и Керн, командовавшие 4-м и 5-м отделениями оборонительной линии и во все время защиты Севастополя удивлявшие даже Хрулева своей храбростью.

Вот Бирилев и Астапов, тревожившие и ослаблявшие неприятеля своими ночными вылазками.

Вот Белкин, находившийся во все время осады впереди 5-го бастиона на редуте своего имени, где легло три смены прислуги, а он остался невредим.

Вот Попандопуло, раненный и контуженный в голову так, что и теперь не может слышать без инструмента в ушах.

Вот замечательнейшая храбрость - Чебышев, бывший во все время на 4-м бастионе и не сходивший с него, несмотря на свои четыре сильные раны, полученные им в разное время.

Вот Тверитинов, с не зажившею еще раной на голове, и Рябинин с костылем, раненный в ногу.

Вот Шкот и Костырев, неотлучные спутники Нахимова.

Вот Скарятин, состоявший при Тотлебене, изумившем на столетия всю Европу своей находчивостью.

Вот Голенко и Поль, предложившие себя на смерть для совершения отважного подвига.

Вот Вульферт и Игнатьев, бывшие во все время при Хрулеве и Истомине.

Вот Лазарев и Гедеонов, служившие на батареях, носивших их имена.

Вот Жерве, находившийся на батарее своего имени, через которую проходили французы и устилали ее своими трупами.

Вот Кремер, отброшенный взрывом порохового погреба на сто саженей и уцелевший.

Вот Кузьмин-Короваев, получивший 15 ран от лопнувшей над его головой гранаты и исцелившийся особым чудом Божьим.

Вот с израненными головами Шумов и князь Максутов, брат которого убит при отражении неприятеля от Петропавловского порта на Камчатке.

Вот Белавенец, что успел в нынешнюю войну сразиться с неприятелем в Восточном океане, Балтийском море и Севастополе.

Наконец, вот все они, прошедшие сквозь огонь и смерть, все жертвоприносившиеся в течение почти целого года и показавшие своими действиями ряд чудес и усилий, принесенных в искупление.

Такими мыслями наполнялась душа во время пути в Москву. Каждый согласится, что поездка эта неописуема от избытка сердечных впечатлений.

Проведенные в Москве десять дней, со всеми празднествами и с изложением всех русских чувств, описаны в свое время М.П. Погодиным; а мой рассказ начинается с той минуты, когда окончилось последнее братское целование с москвичами и поезд двинулся в обратный путь.

Рассказ обратного путешествия будет заключать в себе не одно описание поездки из Москвы, но и некоторые беседы и думы, порожденные настоящими событиями. Мы вступаем теперь в новую, выстраданную нам в Севастополе жизнь, следовательно, все соприкосновенное ей - мысли, слова, деяния, - находится в нераздельной органической связи со всеми храбрыми защитниками Севастополя.

Приступаю к рассказу:

Первое время после расставания с Москвою хранили мы все глубокое, красноречивое молчание. Проводы Москвичей действовали на всех, действовали прямо на сердце, как будто каждый уезжал надолго из родительского дома с неизвестностью, что ждет его впереди. Москву все мы считаем родимым городом, Всероссийским приютом. Чувства эти сильнее всяких слов выразились в глазах и вздохах черноморских богатырей. Слава Богу, что при отъезде из Москвы русское сердце может наполняться грустью, значит, оно не совсем осиротело; в этой грусти выражается сладкое убеждение в том, что у нас есть общее достояние, есть еще одна свято чтимая народная святыня, в которой заключено наше славное прошедшее и неизвестное будущее. Самую степень почтения и уважения к нам других народов мы можем определять сами, вернее всяких дипломатических подслухов, степенью собственного нашего уважения к историческому значению Москвы. В основании такого определения лежит простая и непреложная истина, что действительный почет всегда бывает тому, кто за ним не гоняется, кому и дома есть что чтить, чье сердце не окаменело, а согрето неподдельным отчизнолюбием.

*** * ***

Быстро прикатился поезд на станцию Химки. Все вышли на платформу. Многие захотели пить после московского завтрака; но на станции этой, по положению о железной дороге, не назначено иметь гостиницы, следовательно, и пить нечего.

Кто-то из прислуги нашей сказал:

— Да с нами есть квас.

— Как есть, где?

— В каждом вагоне расставлены бутылки, стаканы, и есть чем

откупорить.

— Кто же это сделал?

— Не знаем; видели только, как двое хлопотали о размещении кваса по вагонам и настановили везде бутылок триста. Эти господа говорили, что офицеры почти вовсе не пьют вина, а квасок любят, так мы и поставим им своего домашнего, чтоб было чем дорогою

утолить жажду?

- Разузнать, от кого квас; переспросить всю прислугу!

Стали опрашивать в том вагоне, где помещалась прислуга, а ее было человек сорок, и узнали, что этим удружили нам московские знакомые, снабдили нас квасом до самого Петербурга. Мы послали общее спасибо добрым людям; они в Москве нас многим одолжали, да и на дорогу не забыли. Чисто по-русски!

И так, попиваючи освежающий квасок и воздавая хвалу Москве за многое и многое, быстро катились вперед.

— А славный квас в Москве, кто-то сказал, не выдохшийся, забористый.

— Оттого и хорош, что домашний, не продажный; в нем есть сила - дрожжи.

— А отчего же в Питере мало хорошего квасу?

— Там в ходу все кислые щи, а если есть квас, то больше рижский. Квас этот вовсе не хлебный, а какое-то горько-сладкое смешение, производящее тошноту. Кислые щи, хоть и кипят, и струи дают, но не от закваски, а от искусственной игры: поташа подкладывают.

— Как поташа подкладывают?

— Ну да, ведь там оне в продажу поступают, а всякой товар лицом продается, вот и нужен поташ: от него пошипит немного, как откупорят бутылку, а уж другую половину всегда допивают насильно.

Еще немного поговорили - все больше о квасе, разумеется, не рижском, и очень мало о кислых щах, в особенности о второй половине бутылки, как очутились уже на станции Крюковской. Освежившись тут чистым воздухом, сели опять в вагоны и поехали.

После московских празднеств, торжественных и шумных по их многолюдству, черноморцы очутились одни в вагонах, а человек, естественно, после каждого торжества наполняется какою-то особенною вдумчивостью в прошлое. Тут каждый стал вникать в значение русского человека, которое столь многоразлично выразилось в Москве. Разговор сам собою незаметно обратился к исчислению тех событий, когда в ежедневной своей жизни русский человек стоит на высоте недосягаемой, вовсе не понятной иноземцам и известной только у нас. Постараюсь передать этот разговор, происходивший в душевном сознании Руси.

Вот краткий перечень мест, на которых интересно познакомиться с русским человеком. Кто познакомился с ним на этих местах, тот никогда его не разлюбит и никогда, ни для кого не изменит его частным и общим выгодам.

Идут, например, арестанты через какую-нибудь бедную деревню, идут и гремят своими железными оковами; а к ним выступают из бедных, полусгнивших хижин старики, жены, дети; выносят хлеб, квас, и кроме того подают: кто грош, кто пятак. Что же движет людьми? Идут, говорят, несчастные, но не наше дело осуждать, а поможем им для утешения горькой их доли.

А что вы скажете про то неизменное правило, положенное в деревнях, чтобы воспитывать каждого подкинутого младенца, как бы бедно семейство ни было; там никогда не обращаются в полицию для освобождения от подкидыша. Сколько есть старух, которые, ходя по миру, воспитывают приемышей; сколько есть стариков, которые между своими детьми и приемышами наблюдают правильную очередь в рекрутской повинности! И эти ежедневные доблести совершаются в бедной русской избе не для газет, не для наград!

Мне приходит теперь на память следующая сцена, бывшая в Вятском рекрутском присутствии и рассказанная очевидцем: становят под меру молодого парня; он оказался годным, и раздалось по всему присутствию слово - "лоб!" Отозвалось это слово и в той комнате, где дожидаются очередные парни и их отцы. Вдруг вбегает в присутствие старик с сыном и объявляет, что молодой парень, которому прокричали "лоб", его приемыш и что вместо него он привел сына и умоляет не брить приемыша, которого Бог послал не для того, чтобы им заслонять своих детей. Сын сказал, обращаясь к приемышу: не поднимает моя совесть того, чтобы ты, безродный, пошел за нас; оставайся дома и служи батюшке. Приемыш говорил: спасибо вам, родимые, что призрели, вспоили, вскормили, да Бога знать научили, не мешайте мне отплатить добром. Кончилось тем, что сын стал под меру, отец дал ему благословение, приемыша же увели домой. Все присутствие до того было растрогано, что обливалось слезами; даже все Вятские присутствия стали, как говорят, на несколько недель от рассказов об этом немного мягче и благотворнее.

А сколько умилительных сцен при подаче милостыни! Печеный хлеб подается всякому просящему; есть еще особые подаяния: к Петрову дню дают бедным для разговения сметану и яйца, осенью огородные овощи; а когда молотят хлеб, то никто не отказывает нищей братии положить в мешок зерна, несмотря на то что во многих местах подающие знают, по опыту прежних лет, что урожая не хватит на год для них самих.

А каков обычай, существующий в деревнях Нижегородской и Пензенской губерний, - подавать тайную милостыню, подавать так, чтобы бедный не видел, от кого он получает. На Пасху, Рождество, Николин день и другие праздники кладут в деревянные чаши хлеб, яйца, мясо, пироги, а люди зажиточные и деньги, и выставляют эти чаши на ночь на улицу возле домов. Поставят чашу, поклонятся и уйдут. Утром придут, возьмут ее пустую, и перекрестятся, что Бог сподобил сотворить тайно святую милостыню.

Во всех деревенских избах северных и восточных губерний устраивается волоковое окно, которое не имеет ни рамы, ни стекол, а задвигается изнутри избы доской. Название волокового дано в древности, от слова "волок", т.е. лес, а назначение окна - странноприимство. К этому окну подходят прохожие и стучатся: по первому стуку в окно дорожным посохом выглядывает хозяин или хозяйка дома и приглашает путника в избу обогреться и заснуть, а поутру отдохнувший странник, подкрепив себя пищей, которая предлагается даром, идет с благословением хозяев в дальнейший путь.

Многие губернии в России можно пройти без денег, пользуясь благотворительностью волоковых окон, из коих предлагают нуждающемуся приют и пищу, не рассуждая о своей бедности. Где же есть подобная России земля, с таким всеобщим настроением сердца к добру?

В Сибири на волоковых окнах выставляют пшеничный хлеб, яйца и прочее в те дни, когда хозяева уходят на работу в дальние поля. Все это предлагается тем странникам, кои могут проходить в часы рабочей страды и иметь потребность в пище. Очевидно, что в назначении волоковых окон лежит идея приютов и всех благотворительных заведений, которые мы принимали за новое явление на Руси и даже за потребность смягчить ими русские нравы. В нашем душевном ослеплении мы искали семян добра на чужбине и в то же время втаптывали в грязь свои корнеплодные растения.

Пойдемте мыслями на север, в глушь, в северные уезды Вологодской губернии, там вы увидите чудо: замков нет, все амбары и кладовые притворены только дверью и завязаны веревочкой, чтобы скотина не вошла; все стережет значение древнего русского слова: "Да будет стыдно вору". Сила этого слова резко проявляется в Архангельской губернии: тамошние крестьяне продают оленьи шкуры галичанам, отдают их без денег, которые должны заплатить покупщики на будущий год, по продаже оленьих шкур, и полученные ими расписки, при прощании с купцами, отдают им же, говоря: берега у себя, чтоб тебе знать, сколько надо привезти денег, - и ни разу не было случая неисправного платежа, несмотря на то что доверие не оформлено ни гербовой бумагой, ни маклерской книгой. Что же скрепляет дело с той и другой стороны? Опять древняя пословица: малое неправедное большое праведное измещет.

Слыхали ли вы про Никольского купца Грибанова, которому со всего Никольского уезда (Вологодской губернии) свозят крестьяне свои хлебные избытки в его амбары, не говоря о цене и даже не требуя иногда денег? Он им платит их по продаже хлеба в Архангельске; так дело ведется слишком пятьдесят лет; значит, все довольны.

Есть еще в Шадринске, Пермской губернии, купец Фетисов, которому с пяти уездов: Шадринского, Ялуторовского, Камышловского, Челябинского и Ирбитского продают богатые крестьяне хлеб и сало, предоставляя определить цену ему самому, по продаже этих продуктов; а следующие за них деньги оставляют у него, говоря: храни у себя дома, целее будут; но только запиши в книгу, сколько ты мне должен.

Много есть Грибановых и Фетисовых! Стоит только поискать, найдутся в каждом уезде своего объема подобные люди.

Недаром же русский человек при слухах об обширных, всеядных злоупотреблениях говорит: все же есть еще добрые и честные люди! Ведь держится же кем-нибудь белый свет!

А видели ли вы, как русский крестьянин сушит рожь в печи, потому что овин еще не готов и дрова для него не запасены, а ему пришел срок отдать соседу занятый мешок ржи?

Но вот венец духовного мужества русского человека, это сцены, бывающие в губерниях Псковской и Белорусских во время голода. Посмотрите, с какой безропотностью начинают смешивать ржаную муку с сушеными древесными листьями и корою для печения хлебов! Непитательная и вредная пища, увеличиваясь день ото дня, производит различные болезни худосочия: лица вянут, желтеют, кожа присыхает к костям, ветер качает людей. Наконец, и смешанного хлеба недостает: выходят из домов за подаянием и заработком: отец оставляет детей, не надеясь их более увидеть. Дети судорожно хватают его иссохшими

ручонками за лохмотья одежды и лепечут: тятя, хлеба, хлеба! Ох, жжет, сосет сердце...

Но все это явления грустные, не проявляющие в себе никакой удали. Тут удали нет не потому, что ее не было в природе русского человека, а потому, что он совершенно потерял привычку выказывать ее в деле общих интересов. Но вот и другая сторона, представляющая эту удаль, в простой частной деятельности.

Поезжайте на берега Северной Двины, Волги, Камы и т. д. и посмотрите удаль русского человека осенью, когда река только что замерзла или когда она наполнена взломанным льдом; там вы увидите, как через нее идут и едут русские люди.

Ступайте на пороги Боровицкие и Днепровские и посмотрите, как русский лоцман, нигде и ничему не учившийся, проводит барки; полюбуйтесь, как ветер развевает его волосы на голове и бороде.

Слов не слышно - он машет руками, и это маханье понимают все, по его словам бегают и действуют; а барки летят в пене водяной волны между каменными утесами.

Побывайте при знаменитом сплаве барок в вершинах рек Чусовой и Белой, по коим все богатства, добываемые из недр Урала, сплавляются посредством искусственно накопленной воды в каждогодно устраиваемых водяных хранилищах. Сперва запирают воду в нескольких местах, потом нагружают барки почти на сухой земле, и когда нагрузка окончена, то приказчики горных заводов сходятся в одно место и начинают смекать: когда и какое хранилище воды отпереть, сколько от него поплывет барок, когда истощится вода, и где должна нагнать барки новая волна из другого хранилища, какие она по дороге снимет с берега барки, кому и где быть при крутых изгибах реки, где причалить, где отчалить, где поворот, где хватка, что кому делать утром, в полдень, ночью; кому и чем распоряжаться; как вести барки так, чтобы не столкнулись одна с другой, и что предпринять в случае нечаянной неудачи; наконец, обсудив все, расходятся по определенным местам, и в назначенный день начинается исполнение всего того, что придумано общим практическим умом и советом; каждый стремится быть исправным. Беда ошибиться: стыдно будет домой глаза показать; мир заест, все будут пальцами указывать; а дело трудное: надо выйти из безводной реки, по местному выражению, завалом воды. Наступает день открытия сплава: отпирается сперва первое водохранилище и снимает ближайшие к нему барки; несет, вертит, крутит; - что за суматоха бывает на берегах и барках, которые летят по 20 верст в час! Невозможно описать кипучести тогдашней деятельности: крик людей, шум воды, знаки шестами, руками, глазами; все действует, все силы напряжены к одному делу: как бы поскорее передать в матушку Россию сокровища Уральского хребта. И эта передача происходит всегда исправно, несмотря на то что нет ни шлюзов, ни водяных застав, ни инженеров; все делает одно русское проворство и удаль; еще ни разу не было случая, чтобы Сибирский караван не выплыл в Каму.

Подобная отвага и смелость бывает при сплаве бревен в С.-Петербург по рекам Олонецкой губернии. Бревна плывут не плотами, а вроссыпь; на круглой поверхности плывущих и вертящихся бревен стоят люди, поддерживая равновесие руками, чтобы не упасть в воду, и в то же время направляя баграми ход всех плывущих бревен, так чтобы они не могли где-нибудь сгрудиться. Бревна проплывают через мельничные плотины, в растворенные шлюзы, где вода от

стеснения образует водопад. Тут бревно идет передним концом вниз, и стоящий на нем человек погружается по пояс в воду; потом потонувший конец выскакивает стремительно вверх и человек с ним, держась на бревне единственною способностью не терять духа. Прибавьте к тому, что сплав делается в апреле месяце, вслед за льдом, когда ноги нельзя обмочить, не схвативши простуды, а крепкая русская натура, привыкшая оттерпливаться от всего, переносит влияние холода, не подвергаясь простуде.

Посмотрите в ветлужских и вятских лесах, как расставляются ульи на высоте 15 сажень от земли, на деревьях, не имеющих сучьев, как вынимают из них мед без всяких подмостков. Вышина ужасная! Надобно сильно загнуть голову назад, чтобы видеть, что делают на деревьях давние подражатели смелости Телушкина, влезавшего без подмосток на шпиц Петропавловского собора. Интересна также игра Уральских казаков, которая ставит ни во что все европейские удалые игры.

Представьте себе десятки казаков, летящих верхом по степи прямо к берегу Урала; чем ближе река, тем сильнее понуждают они лошадей. Берег на носу, последний удар нагайкою усиливает бег лошади; но чтобы она не испугалась вида реки и обрывистого, крутого берега, казак на всем скаку вдруг накидывает ей через свою голову бурку - и в ту ж секунду летит стремглав с лошадью с высоты 15 сажень; на лету успевает откинуть бурку назад, чтобы видеть, что ему надобно делать, и в это мгновение отделяется от лошади, плывя и озираясь на берег, откуда восторженные зрители платят ему за удаль громкими криками одобрения.

А что за чудеса производят звероловы вологодские и сибирские, отправляясь в леса на зиму, с одним топором за поясом и сухарями в сумке!

Взгляните в бурную ночь на маленькие челночки рыболовов, плавающие на озерах Ладожском, Гдовском и многих других; проследите мысленно все опасности, которым подвергаются беломорцы, отправляющиеся в утлых лодках на безлюдные острова Ледовитого моря. На всех этих пунктах так страшно, что просто, как говорится, уходит сердце в пятку, а русский человек делает свое дело шутя, словно не замечая опасности, и напевает свою заунывную песню.

Кто из нас не видал, как наши щекотуры починивают и поправляют карнизы пятиэтажных домов в Петербурге! Работающий щекотур сидит на доске, качающейся на веревке, конец коей задет за трубу. Он работает, передвигает себя и поет. Ему и горя мало, что он висит на 10-саженной высоте. Рассказывают, что когда русский щекотур взялся однажды починить в Лейпциге карниз дома и поднялся к нему на своей седушке, то в продолжение нескольких дней, пока он работал, весь город ходил смотреть на него. Там всякая поправка делается с лесов и подмостков, и появление русского смельчака показалось всем чудом; а у нас это весьма обыкновенная вещь!

А какова беспримерная решимость кемского купца И.Я. Богданова отправить мореходное судно в июле 1852 г. Белым морем и Северным океаном в реку Печору?

— Как, в Печору? Куда никто не достигал, кроме П.И. Крузенштерна, несмотря на многие попытки?

— Но Богданову удалось достигнуть: его судно было в Печоре, и, взяв там 850 пудов семги, благополучно возвратилось в Кемь 25 сентября. Об этом писали в Коммерческой газете, в ноябре того же года, но только очень кратко. А любопытно

бы знать все подробности этого замечательного плавания, как, например: что видели на устье Печоры? Сами ли ловили семгу или купили? У кого купили? Как миновали плавающие льды? И прочее. Особенной награды заслуживают за этот подвиг не только Богданов, но и все находившиеся

на его судне. Каковы должны быть молодцы, сделавшие тихомолком, без всякого тщеславия, такое славное дело!

— Да, да, воскликнули все в один голос; нам знакома, нам известна отвага и удаль русского человека. И говорить нечего о том.

— Как же вам не знать этой отваги? Вы сами первые ее представители.

Все исчисленные нами доказательства смирения и удали русского человека составляют менее чем единицу от сотни его достоинств, еще не открытых, не подмеченных. А сколько других светлых сторон: например, русская сметка, русское чутье, из коих можно бы составить особую науку, для особой русской дипломатии. Стоит только поразглядеть да пораскусить.

А какова способность перенимать всякое ремесло и улучшать его!

Весьма замечательно. Русский крестьянин слушает рассказы о новых предметах, передаваемых ему для исполнения. Всмотритесь в его физиономию, выражающую совершенное нежелание поверить сказанному на слово: он старается отыскать в своей голове или убеждение в вероятности, или свои способы применения. Когда действие мысли усиливается, он невольно чешет голову, крепко думает и все молчит.

Бессознательной веры нет, не ждите от него одобрения, пока он не понял, пока его мысленное око не увидело возможности исполнить; а если вы станете надсаждать его доказательствами и хвалить свое предложение, как бы добиваясь его одобрения и утверждения в неопровержимой пользе нововведения, тогда он закупоривается, и вы услышите короткий ответ: всяко бывает.

Но интересно бы поговорить и о тех сторонах, которые не представляют собой светлого сияния русского человека, даже о таких сторонах, в которых есть темные пятна.

В массе русского простонародья, за немногими исключениями, пятен нет, а есть только грехи, порождаемые скукой, всеми видимые; значит, и исправляемые общим упреком.

А если хотите искать пятен, не исправляемых общим упреком, то надо идти уже по другим разрядам человечества, где люди ходят на ходулях, где всякие пятна закрыты светлыми занавесками, да какими еще дорогими: Гобеленовскими, Брюссельскими... теперь некогда; скоро станция; разговор об этом выйдет длинный, кончить его не успеем, да лучше и не начинать, памятуя правило народной русской дипломатии: говоренное слово серебро, а умолчанное - золото.

II

"Нет ни одной потребности, для какой бы то ни было страны, более существенной и более необходимой, как потребность в "истинных людях". Количество не устоит пред качеством, а если и превозможет, то все-таки, рано или поздно, подчинится непроизвольно, со всею его громадностию, духовной власти качества. Это историческая аксиома".
Пирогов

Вскоре по выезде из Подсолнечной переехали мы мост, устроенный через канал для соединения Москвы-реки с Волгою, посредством коего предполагалось сделать Москву-реку многоводнее. Над этим делом потрудились более 15 лет и, наконец, нашли невозможным направить воду в Москву - невозможным от того, что маленькие речки, из коих должны были образоваться водяные хранилища, оказались совсем безводными. Но в воспоминание того, что здесь делался канал, существует отмежеванный бичевник, на коем покосы отдаются в аренду, с дозволением снимать их и тем помещикам, от которых отошли земли под бичевник.

Приближаясь к Клину, стали думать о чаепитии. С нами был И.А. Копосов, который принял на себя распоряжение по приготовлению чаев и обедов в оба пути - в Москву и обратно.

Да, надо вам сказать о том, кто он. И.А. Колосов, из воспитанников Коммерческого училища, поступил бухгалтером и казначеем к инженер-генералу Мельникову и находился при нем во все время постройки железной дороги из С.-Петербурга в Москву, сводил все счеты, поверил на 30 млн. квитанций, и теперь пристроился в частную службу: прежнее его место упразднилось, а ему без службы нечем жить. Отчего же генерал Мельников вверил суммы какому-то воспитаннику Коммерческого училища, и как он отыскал такого странного человека, что после поверки квитанций на 30 миллионов ему вдруг стало нечем жить? Да, генерал Мельников открыл новость: открыл то, что настоящая поверка со всем и не в поверке заключается, а только в отыскании странного человека для поверки. Можете судить, как мы все любовались блистательною бедностью И.А. Колосова, пред которою так и меркнет всякая роскошь. Каждый стал рассказывать об известной ему подобной блистательной бедности. Господи, сколько насчитали таких людей, которые скрываются в тени и не употреблены для поверки квитанций!

Отчего же это? Да верно оттого, что мало в ходу таких людей, к которым бы можно применить пословицу: на ловца и зверь бежит.

Входим на станцию в Клину. Чай, кофе готовы, калачей и саек много, и мы начали распивать от нечего делать.

Поехали далее. Вот вдали и село Завидово. Вспомнили один из известных романов Загоскина "Рославлев, или русские в 1812 году", в котором действие начинается с села Завидово. Теперь Завидово в стороне: его обошла железная дорога.

С воспоминанием о 1812 г. соединено у нас неразлучно имя Алексея Петровича Ермолова. Черноморцы с восторгом возобновили в своих рассказах сделанный им, Алексеем Петровичем, прием, припоминали его слова, говорили и

объясняли многое, но не могли объяснить только одного явления: почему у них после Севастопольской бомбардировки ничто уже не вызывает слез на глаза, а вид Алексея Петровича и слова его заставили их всех плакать, как будто слезы, с коими он говорил, сообщались им всем.

— А знаете ли, господа: у меня есть что-то относящееся к теперешнему разговору.

— Что такое?

— Письмо от Алексея Петровича, которое я имел счастие получить сегодня же утром. Это письмо заключает в себе поклон всем вам.

— Где оно? Давайте письмо скорее.

— Вот оно, читайте.

"Сообщите мое высокопочитание вашим спутникам; болезнь моя не допустила лично представить им совершенную признательность за посещение, которым угодно было им меня, старика, удостоить. Я буду уметь, не без гордости, сделать это самым лестным в жизни моей воспоминанием".

- Дайте прочесть мне. - И мне, и мне! Послышались голоса с очевидным нетерпением, и чтение продолжалось долго-долго по всем вагонам.

III

"Понеже не то царственное богатство, еже в
царской казне лежащия казны много, ниже то
царственное богатство, еже синклит царского
величества в златотканых одеждах ходит, но то
самое царственное богатство, еже бы весь народ
по мерностям своим богат был самыми домовыми
внутренними своими богатствы.
Паче же вещественного богатства, надлежит всем
нам обще пещися о невещественном богатстве, то есть
о истинной правде, а неправда не токмо вновь не богатит,
но и прежнее богатство оттанчивагт и в нищету приводит".

Крестьянин Посошков
в послании своем к Петру Великому

За мелькнувшим вдали старым Завидовым остановился наш поезд на станции нового пути, называемой, по расписанию, тоже Завидово, а в народе известной под именем Фофановской.

- Долго ли будем стоять здесь? - спросили все в один голос.

- Нет, очень недолго простоим. Это станция маленькая, и остановка вышла случайная, затем только, чтобы паров понабраться. Так объяснил кондуктор.

Все порешили, что не стоит выходить, а лучше сидеть в вагонах; но чтобы не задремать, надо завязать разговор. Для удобнейшего обобщения нашли нужным растворить все двери - сделать прямой ход из отделения в отделение. Стали сходиться и повели разговор; а поезд между тем двинулся в путь.

— Интересно бы знать, из каких губерний собрались мы здесь - все едущие? Послышались голоса: из Херсонской, Архангельской, Калужской,

Владимирской, Псковской, Казанской, Вологодской, Тверской, Костромской, Орловской, Тамбовской, Симбирской и т. д.

— Давайте рассказывать каждый про свою губернию, что им там подмечено, чего там недостает!

Трудно, разумеется, передать разговор в той последовательности, как он шел, или передать, что и кем было сказано; но вот отрывки, уцелевшие в памяти.

- В Архангельской губернии ужасно бросается в глаза опасный переезд богомольцев на Соловецкий остров, по морю в лодках; они иногда бедствуют в море недели по две. Если б иметь два парохода, то их перевозили бы за несколько часов, - а после, осенью, когда нет богомольцев, эти пароходы оказали бы услугу звероловам, которых много пропадает с голоду и холоду на безлюдных островах Ледовитого моря, куда их заносит ветрами. Да возьмите в расчет вот что: беломорцы с 10-летнего возраста уже знакомятся с морской волной, и если они Бог весть куда заходят на своих утлых лодках, то какой же бы успех они могли оказать на пароходах?

Если б были пароходы по Северной Двине и Сухоне к Вологде, то жители берегов сделались бы отличными лоцманами; они и теперь перевозят через Двину, имеющую в некоторых местах около пяти верст ширины, скот на луговую сторону на паромах и дощаниках с особенной ловкостью. Дети в лодках пускаются через Двину, отвозя обед пастухам.

Пароходы эти сблизили бы Архангельск с Вологдой и доставили бы возможность получать из Рыбинска все жизненные припасы вместо месяца в одну неделю и доставлять нашу семгу в Москву и Питер в течение 10 дней. Много могла бы дать Беломорцам ловля семги, если бы возможно было доставлять эту рыбу скоро; а то теперь и ловить ее нет охоты; сколько ни налови, все пропадает даром: ведь до зимы нельзя доставить, а зимний путь длинен, от этого семга и приходит дорога внутрь России: ценность ее задерживает сбыт, лишая нас выручки, а внутренние губернии дешевой и вкусной рыбы. Сообразите, сколько финляндцы выручают за лососину, привозя ее в Петербург целыми кораблями; и мы могли бы тоже делать, кабы придвинули нас устройством сообщений поближе к населенным местам.

Не знаю, пробовали ли архангельских сельдей солить на голландский манер: они и теперь не дурны, а если бы можно было научиться солить там, то все Беломорье процвело бы от продажи сельдей, заменяя ими привозных.

- В Орловской и около нас в Курской губернии живут больше от пеньки и конопляного масла, да плохо нам - цена дешева на пеньку, а на масло все жалуются, что оно горькое. Кабы крестьяне только сеяли да выращивали эту пеньку, а потом брали бы ее на фабрики, которые следует завести около Орла для обработки, тогда бы пенька шла в отвоз в лучшем виде, а со временем бы и в виде тонкой пряжи. Нам досталось бы рубля по три на пуд лишнего; а это составило бы большое увеличение доходов в нашем краю. Со временем, разумеется, перешли бы и к тому, что стали бы из тонкой конопляной пряжи ткать трико и прочее, награждая за выделку всего этого своих сограждан, а не чужеземцев.

Не знаю, почему вместо конопляного масла не возят от нас из Орла и Курска конопляное семя, например, сюда на Север и вообще в те губернии, где нет коноплянников; здесь бы выбивали из семян всегда свежее масло, а кстати, на Севере места лесные, бочонки дешевле. Остатки от маслобоен шли бы на корм

свиней и домашней птицы, которых так ценно продают в Петербурге, а у нас в степи они нипочем!

На это откликнулись уроженцы Новгородской и Тверской губерний:

— А как бы нам хорошо иметь этот корм! Остатки от масло боен, называемые жмыхами, составляют отличное питание и для рогатого скота. У нас в корму недостаток, а заводить более скота нужно для земледелия, не говоря уже о выгодности сбыта его. Но, впрочем, и сбыт дело не лишнее: очень полезно было бы для продавца и покупателя получать хорошую ветчину за 25 коп. вместо 75 коп., платимых Елисееву и другим за фунт английской свинины, откормленной русским добром.

— Неужели русским? Как это?

— Да. Англичане берут у нас льняное и конопляное семя, дома выбивают из него масло для краски крыш и смазки своих машин, а остатки употребляют на корм свиней, которых везут потом к нам, да и выворачивают через продажу их значительную часть того, что за

семя нам заплатили.

Дайте же Костромской и Вологодской губерниям в том же роде, как о масле говорили, подать свой голос насчет пшена. У нас, на Севере, не в ходу гречневая каша, все едят пшенную, а пшено по большей части горькое, от того что его привозят с низовья Волги; но если бы завели круподерки и обдирали бы по мере надобности в Рыбинске и Вологде, то оно бы не портилось, сохраняясь просом в шелухе; а шелуха эта, которая в низовых губерниях пропадает даром, была бы для скота гораздо питательнее соломы, которой мы кормим коров почти всю зиму, от чего они так обессиливают к весне, что и в поле выйти не могут.

Заговорили вологжане:

- Речь о пеньке идет и к нашему льну, растущему в Вологодской губернии и других, как-то: Ярославской, Костромской и Псковской; ему тоже нужна фабричная обработка, для улучшения его качества и возвышения ценности.

Но сколько есть предметов искусного труда, почти вовсе не известных! В Сольвычегодском уезде Вологодской губернии есть деревня Тимошино, где делают такие замочки, что в 12 штуках только золотник весу. Надобно особое искусство взять в руки этот замочек, равный ячменному зерну, отпереть его; а между тем он сделан мозолистыми руками в курной русской избе, и как эти замочки никому не нужны, то и труд пропадает даром. А жаль, что умение мастерить не получило выгодного приспособления! Из такой деревни легко могла бы образоваться вторая Женевская фабрика карманных часов, деревня бы процвела, и мы имели бы свои дешевые часы!

А приписанное иностранцам открытие Артезианских колодцев давно известно на Руси. В Сольвычегодске, Тотьме, Балахне, Яренске, Солигаличе земля пробуравлена на сто сажень и более в глубину. Способ буравления и инструменты и ныне можно видеть в Тотьме. Там и ныне употребляют бур для получения рассола на выварку соли, и остатки старых стосаженных колодцев, называемых трубами, видны на многих местах. Старики не помнят, когда их буравили; но есть одна труба, называемая Феодосиевскою, потому что буравление ее было производимо преподобным Феодосием Тотемеким Чудотворцем. И до сих пор, по передаче из рода в род, сохранились еще многие инструменты, употребляемые по различию пород при буравлении. Названия их, кажется, такие: долота, венки,

тюреки, желонки, трезубцы и проч. Сам я видел, как местные кузнецы ковали эти инструменты, а главными мастерами буравления были Жданов и Новожилов, из коих последний помер в великой бедности. Значит, эти люди могли бы устроить нам колодцы для пресной воды в Новороссии и везде, где нужно?

— Да где же все это делается?

— В уездах Тотемском и Яренском.

— В Херсонской губернии и около нее все живут пшеницей; возят ее в Одессу - сбыт верный.

— А интересно бы знать, что делают с пшеницей в чужих краях?

— Разумеется, мелют муку.

- Конечно, так. Да ведь эта мука не дает понятия о белизне нашего крупчатого хлеба. Справиться можете у всех бывших за границей для наблюдений, а не ради одного гулянья и траты денег.

— Отчего же это? Ведь крупчатка и у нас из пшеницы делается?

— Нет, не из пшеницы, а из нескольких пшениц: берется озимая, яровая и так называемая русская. Все зависит от уменья соединить пшеницы: иной завод и у нас делает лучше, а другой - хуже.

Надобно пустить в ход за границей нашу крупчатку, тогда за выделку ее деньги останутся дома; а иностранцы увидят, что это уже совсем не то, что у них выходит из одной нашей пшеницы. Прежде, когда не было пароходства, перевозка на парусных кораблях совершалась продолжительно, и оттого мука могла слежаться в пути; а теперь, при пароходном сообщении, требуется на доставку из Одессы в Марсель менее двух недель, и если бы ввели отпуск не зерном, а крупчатой мукой, то все наши купеческие пароходы, существующие и будущие, были бы всегда с верной работой.

Да это было бы притом и очень разительно: иностранцы учат нас, в чем надобно являться на обед, чему мы и повинуемся раболепно, надевая фрак, белый галстук и натягивая машинкою перчатки; а мы бы, отсталые, вдруг предложили им, как дойти до того, чтобы за обедом был не один белый галстук, но и белый, рыхлый тающий во рту хлеб. За такую науку мы взяли бы очень дешево, гораздо дешевле, чем иностранцы берут с нас за моды: мы не довели бы их до залога имений в кредитных установлениях, а взяли бы только поденную плату за приготовление крупчатки да оставили бы у себя шелуху от пшеницы на корм наших тощих коров.

В Псковской губернии, при самом быстром проезде через нее, ярко бросается в глаза минувшее богатство и настоящая бедность.

Представьте себе, что в Торопце, Порхове, Великих Луках и других городах по нескольку десятков церквей и огромные линии каменных лавок, а жителей нет в количестве, соответственном объему города. Лавки все пусты, торговли никакой; но если они выстроены, значит, была потребность в них, были и продавцы, и покупатели, были капиталы, избытки коих отделялись на постройку церквей. Где все это? Где же рост? Скорее замечаешь во всем недород. Жизнь верно перешла в другие губернии. Послышались такие рассказы:

- В Вологде целые линии лавок пустые. Недавно каменный корпус, принадлежащий наследникам купца Митрополова и вмещающий в себе до 30 лавок, продан за 6000 руб. На лучших пунктах получается в год за лавку 40 руб., т.

е. половина того, сколько нужно на платеж за 3-ю гильдию, а не платящему за гильдию, не дозволяется иметь лавку даже и пустую.

Это правило, быть может, и пригодно в столицах; но в Вологде и тому подобных городах оно очень тягостно, в особенности для малолетних, которые торговли не ведут, а если они наследовали лавку, то обязаны платить гильдию. От этого происходит то, что сирота, имеющий в Вологде лавку, гораздо беднее не имеющего ее.

В Тверской губернии, Торжке и Старице больше половины опустелых лавок.

В Костроме тоже все пустеет; лавки, полотняные фабрики, дома стоят себе с провалившимися крышами.

— Но верно заметен большой рост в хлебородных губерниях?

— И этого нет: в Волхове, Брянске, Севске, Рыльске и прочих, даже в самом Орле, все лавки пусты, а в Мценске, где хлебная пристань, целые площади заросли травой и внутренность огромных деревянных рядов стали разбирать уже на дрова.

— Не перешло ли городское изобилие к крестьянам; быть может, в деревнях богатеют?

— Не могут богатеть в деревнях, когда города бедны. Города заключают в себе рынки, для сбыта произведений земли; а когда на этих рынках стоят пустые лавки, торговля замирает, то какой же сбыт найдет тут земледелец предметам своего труда? Доказательством страшного недочета в крестьянских приходах может служить уже один ячмень, сбыт коего, например, по пивоварению упал на 70 процентов. За 25 лет тому назад Москва потребляла пива 2 млн. ведер, а теперь ей нужно только 400 тыс. ведер. Возьмем уездные города: в Вязьме требовалось 100 тыс., а теперь довольно 5 тыс.

— Но отчего же откупа дорожают, когда пива выходит менее?

— Дорожают оттого, что количество расходуемых денег на пиво не уменьшается, а только народ получает менее пивной жидкости от дороговизны цены на оную, в чем и кроется причина возрастания ценности откупов, применяемая к вину и водкам. Прежде можно было купить ведро пива 2 руб. ассигнац., а теперь оно стоит в 8 1/2 раз дороже, т.е. 17 руб. 50 коп. ассигнац. А жаль, что сбыт ячменя убит: это единственный, скорорастущий в нашем климате

хлеб, который может поспевать с вероятностью между весенними и осенними морозами, и потому его с выгодою можно сеять даже в Архангельске. Ясно, что земля от значительного уменьшения в сбыте ячменя на пивоварение потеряла более 10 млн. руб. серебром в год.

Крестьяне называют ячмень жито, житарь. Так и слышатся в этих словах звуки какого-то жизнеобилия, если бы только житарь был ссыпан в амбары и требовался на базаре.

Но есть люди и в деревнях, которые богатеют; их называют мироедами.

— Какие же это мироеды?

— Это люди, образовавшиеся от сбора податей.

У нас собирают подати два раза в год: весной и осенью; а приходы-то у крестьян не одновременны. Например, в хлебных губерниях бывают с деньгами зимой, по продаже хлеба; в промышленных - по возвращении с работ, а в навигационных - по закрытии судоходства. Вот хоть бы, например, в Тверской

губернии, через которую мы теперь проезжаем: какое разнообразие промыслов и сроков крестьянских денежных приходов! Одни уезды живут Волгой, другие - лесом, третьи - ковкой гвоздей, а там осташи, что расходятся делать кирпичи, киморцы сапоги шить и т. д. Приходит осенняя подать: хлеб еще не продан, зимнего пути нет; или наоборот: пришла весенняя подать, а крестьянин нанялся в бурлаки, и деньги будут у него только в конце лета; вот бедный мужик и идет к богатому, чтобы занять на нужду, а иной богатый-то мироед без того не даст, если не отдашь хлеба, или скотину за полцены, или не обяжешься работать у него в дни сенокоса и жатвы. Таких мироедов наберется десятка по два в каждом уезде. Их называют в земских судах "почтеннейшие одолжатели".

А если бы для каждого уезда сроки взноса податей были соглашены со временем денежных приходов у крестьян, то почтеннейшим одолжателям вовсе бы нечего было делать, и они сами собой бы перевелись, к общему удовольствию.

— А какое выразительное слово - мироед!

— Да, народное словцо. Народ всегда выражается коротко, да уж так сильно, что словом своим, словно клеймом раскаленным, так и выжжет всякое значение. Такое слово всегда имеет свою историю; оно не сочиняется, а отрывается от сердца человеческого в минуту его отчаянной битвы с тягостями жизни. У всякого сердца есть свой 12-й год, своя Пугачевщина и своя бомбардировка вроде Севастопольской. Представьте себе какого-нибудь бедняка в ту минуту, когда он отдал почтеннейшему одолжателю или последний мешок ржи, или не сжатую полосу в поле, или единственную корову, и, возвратясь домой, подумал о завтрашнем дне, на который нет ни хлеба, ни молока для ребятишек, и он должен идти по миру; а в это время, когда он бредет с семьей за подаянием, одолжатель сидит под окном

и облизывается после жирной баранины: бедняку вдруг кажется, что одолжатель выкусил у него часть сердца и что на губах у него кровь; и вот он заклеймит его словом мироед, другой бедняк подхватит это слово и передаст третьему, а тот десятому - и пойдет слово ходить по всем селам и деревням.

Но мы, однако, имеем барометр народного благоденствия, который всегда показывает высоко. Я разумею возрастание откупных сумм. Да хорошо ли это для почвы и растительности, когда барометр будет всегда показывать высоко? Надобно, чтобы он иногда показывал и низко, а иначе - не будет влаги и все засохнет.

— Что же всего замечательнее собственно в губернских городах?

— Всего более поражает то, что половина их окружена песками. Вот вам несколько удостоверений на память. Около Казани по тракту из Нижнего - пески. Около Нижнего по дороге из Костромы - тоже. Харьков и Екатеринослав кругом в песках. Полтава, Курск, по дороге от Харькова, Воронеж от Тулы, Тамбов от Пензы, Калуга от Смоленска, Пенза от Симбирска, Могилев, Чернигов, Пермь окружены сыпучими песками. Последнюю станцию всегда тоска одолевает: надо ехать шагом и смотреть на мученье лошадей; а приедешь в город - ничего, как и быть город: найдешь там и театр, и клуб, и лотерею-аллегри, и всякие заведения и учреждения, а въезду в город нет. Бывало, в Казань, если приедешь ночью со

стороны Нижнего в Ягодную слободку, ну и сиди тут до утра: между слободой и городом четыре версты, и это пространство не думай переехать ночью: ямы, овраги с водой, грязь невылазная среди города. Теперь этого нет: был там

военным губернатором С.П. Шипов, и в первый месяц своего приезда в 1842 г. решил сделать шоссейную насыпь между Ягодной и городом. Она исполнена уже после него; вдруг дело не могло сделаться: лет восемь задерживали его сношения, рассмотрения и высшие соображения с подлежащими исчислениями.

— А вот что со мной случилось в 1847 году под Харьковом, - сказал кто-то. Лошади в песках стали. Били, били их - ни с места! Все по брюхо в песке. Бросили экипаж и пошли пешком. Ночь была приемная. Шли по песку часа два; видели брошенные возы, изломанные телеги, затянувшихся волов и лошадей, извозчиков и чумаков21, восклицающих с досады: "Побыла тебе лыха годына та нещаслыва!"; а иные, у которых последняя животинка надрывалась в песках, жалобно вопили: "А на що мене маты на свит народыла!" Вдруг оклик. Кто-то стоит с дубиною.

— Кто ты, эй, дубина!

— Корчемная стража от откупа.

— Где же ты живешь?

— А вон в землянке: тут уже городская черта, по которой раскинуты землянки.

— Что же ты тут делаешь?

— Нас много. Мы ходим от одной землянки к другой, ловим людей и таскаем в город; там их в суд сдают, а суд в тюрьму сажает: значит, они виноваты в корчемстве. Здесь в Малороссии, Новороссийских и Западных губерниях кругом каждого города все ловят народ с вином, а ведь народ падок к дешевому товару: говорят, что и везде любят провести то именно, что запрещено. Давно я служу в этой страже, награды получал за поимки с вином да такие две поимки сделал, что пять семей в Сибирь ушло.

Он сказал это с таким диким хохотом, что ночью, при виде дубины в руках, сделалось даже страшно.

— Что же значит все это? - спросил меня мой спутник.

— Это значит практическое столкновение двух разнородных систем продажи вина, происходящее на 3500 верст. Черта столкновения идет через всю Россию - от северного берега Ладожского озера к Азовскому морю, вот так: от Кексгольма через С.-Петербург к Пскову; оттуда вскось и с разными кривулями до Анапы. По этой черте происходят драки, убийства; городские тюрьмы в средине России наполнены виновниками в провозе вина,

из которых иные или осуждаются в Сибирь, или отпускаются, по оправдании, домой, пропустя рабочую пору и доведенные до крайности.

— Да зачем же это? Разве нельзя сделать так, чтобы не было мужиков с дубинами и никого бы они не хватали?

— Сделать это можно, но рассказывать о том здесь, в сыпучих песках, не буду. Ведь это такой разговор, что сразу не передашь его во всей ясности.

Опять обратились к той же дубине:

— Послушай: хочешь ли получить на водку? Укажи нам прямую дорожку, чтоб скорее добраться до Харькова. Чай близко до города.

— Прямо - верст семь, а тропинкой не больше пяти. Я вы веду вас на Основьянский лес; тут есть под городом в лесу большая беседка, господа собираются, и сегодня сбор. Выведу вас на огонек, а там и сами дойдете.

Шли, шли, отдыхали несколько раз, и вот завидели огоньки в беседке, дали провожатому за труды и приплелись к ярко-освещенному дому: тут музыка, танцы, все власти; словом, веселый праздник, на котором радостные крики пирующих совершенно заглушали отдаленные стоны вязнувших в песку извозчиков и чумаков.

После этих приключений мы назвали Харьков песочницей и вздохнули за все губернские города, окруженные невылазными песками, которые легко могли быть устранены сделанием шоссе верст на пятнадцать под каждым городом.

— А знаете ли, разговор о шоссе на что наводит? Шоссейные дороги ведь недавно у нас учредили, и все строения на них новые.

Почему бы не дать этим строениям чисто русский характер? Это развило бы самобытный русский вкус в архитектуре. Своеобычие во всем важно, а в зданиях оно необходимо.

— Да я знаю одну русскую почтовую избу на Ковенском шоссе, там, где через реку Лугу строят почти рядом два больших моста:

один - по линии железной дороги, а другой - по шоссе. Тут не вольно каждый вспомнил, где и когда ему случилось проезжать по таким местам, где вовсе нет никаких мостов.

Пошли рассказы о том, как иной просидел целую ночь в овраге, другой - целые сутки, третий шел пешком до ближайшей деревни, чтобы позвать крестьян для вытаскивания завязнувшего в грязи экипажа.

Вообще, на проселочных дорогах поражают внимание помещичьи усадьбы с тенистыми садами, поражают оттого, что построение их и разведение садов, все относится к прошлому столетию. Редко случается увидеть поместье, возникшее после того времени. А знаете ли, какую грусть наводят такие думы, когда мысленно посмотришь вдаль!

Много рассказывали владимирцы и калужцы о дорогах, лежащих в их губерниях. Объяснилось то, что есть такие тракты, по коим перевозится товаров на несколько десятков миллионов в год, а едущие на этих трактах вязнут по колено в грязи, лошади надрываются, богатырская сила русских извозчиков тратится на выворачивание возов из грязи. В особенности замечательно движение пассажиров и товаров из Калуги в Москву; а как Калуга стоит в 80 верстах от шоссе, то на этом маленьком расстоянии маются в грязи в весеннюю колоть часов по сорока, когда грязные колеи замерзнут.

Чем дальше говорили о проселочных трактах, тем грустнее становился разговор. Открыли такой тракт, по которому перевозится на расстоянии 250 верст, туда и обратно, на сотни миллионов разных товаров. Действительно, разговор об этом тракте можно назвать открытием.

Представьте, что этот тракт, по которому перевозится громада многоценных товаров, существует как-то притаившись по секрету; его нет ни в одном дорожнике, ни даже в отдаленных соображениях об устройстве сообщений. Но он лежит не за горами и не вдалеке, а просто из Москвы в сердце нашей фабричной деятельности - Шую и село Иваново. Представьте, что все потребные предметы для шуйских и ивановских фабрик, как-то: хлопок, шелк, шерсть, краски, машины и прочее, везут прямиком, пролегающим по лесам и полям, где нет никакой дороги, исключая переездной из деревни в деревню, и по этому же пути отправляют в Москву все изделия владимирских фабрик. Лишь только обоз выедет

из Москвы за заставу около села Черкизова, так и врежется в грязь и тащится до самой Шуи по какому-то раствору из перемятой колесами глины. Под странным названием известна в народе эта дорога: ее называют Страмынка. Не по качеству ли дороги произошло название от такого укоризненного корнесловия?

Симбирская губерния поразила в рассказах своих о дешевизне там говядины, которая в зиму 1855 г. продавалась за пуд по 20 коп., так что не знали, куда ее девать.

Невольно возник вопрос:

— Что же не везли в Крым, где цена доходила до 10 руб. за пуд?

— Да в Симбирске вовсе не знали о том. У нас так мало гласности о предметах общей пользы, что мы нужные вещи узнаем после, и от того, как говорится, всегда ходим в лес по малину, пропусти лето.

Если бы война шла лет десять, тогда бы сведение, посредством изустной передачи, дошло до Симбирска, и навезли бы столько, что и в Крыму говядина была бы не дороже 3 руб. за пуд.

В разговорах о Владимирской губернии главное место занимали рассказы о разносчиках и развозчиках товаров, которыми населены уезды Вязниковский, Ковровский, Гороховецкий и другие. Эти люди рассыпаны по всей России, их вы найдете в Архангельске и за Кавказом, в Украине и в Иркутске, всюду. Никто вернее их не знает народный быт, со всею его внутренностью; многое от них можно выведать: только надо уметь заговорить с ними и расспросить их. Недавно один разносчик рассказывал преинтересный случай, аказию, как он называл: какой-то купец, торговавший ситцами в Тамбове, попал под уголовное дело, которое тянулось очень долго, много лет. Наконец, требуют его в суд и объявляют, что он лишается купеческих гражданских прав. Купец в страхе обращается с просьбой к судье о том, нельзя ли ему допродать товар в своей лавке, чтобы хоть с долгами рассчитаться и не совсем разориться. Судья отвечал, что он может не только товар допродать, но даже всю свою жизнь торговать, если будет вносить гильдейские деньги. Удивленный купец спросил: "Батюшка, да расскажите же, каких я лишаюсь прав?" Ему объяснили, что он лишается права быть избранным в городские службы и избирать других. Купец перекрестился, просиял и стал просить судью, выражая в своей физиономии намек на самую чувствительнейшую благодарность: нельзя ли его сынка приписать к уголовному приговору, уверяя, что сын также виноват вместе с ним.

О! Таких случаев я вам наберу много!

Нарочно приписывают себя к следственным делам, чтобы, считаясь под судом, избежать службы по выборам.

— Отчего же это так?

— От простой причины: возьмите вы, например, Елец, где живут 20000 жителей, и какую-нибудь Чухлому, где только 500 человек, а состав городского управления почти одинаковый; оттого в Чухломе и приходится бессменно служить по выборам.

— Но где же понятие у граждан о добром имени?

— Где? В душе. Для жизни выбирают они то, что менее тяжело: служба или приписка к следствию; разумеется, гражданское самолюбие в сторону, когда нужно сберечь время, чтобы ездить по ярмаркам и добывать средства на пищу и одежду себе и своей семье.

А ведь этаких городов, вроде Чухломы, сотни! Значит, в них много бедности.

- Однако есть же такие губернии, где вовсе не бедно живут?

- Есть: Пермская, за исключением уездов Соликамского и Чердынского, Оренбургская и обе Сибири.

— Как же это так сделалось, что там бедности нет?

— Не знаю, этого еще никто не проследил. Да и кому охота следить, что делается в Перми? Разве это Европа? Напротив, Пермь заимствует от Европы: там заведен уже и приют для будущих бедных.

— Что толковать о бедности, лишении материальном. Слыхали ли вы о лишениях особого рода, слыхали ли про месть вотяков, обитающих в Вятской и Казанской губерниях? Опозоренный вотяк приходит ночью к своему врагу, также вотяку, и вешается у него на

воротах, зная, что наедет суд и начнется следопроизводство, которым он и отомстит своему врагу сильнее всего.

— Должно быть, эти вотяки самого зверского нрава?

— Напротив, смирны, как курицы, но они так боятся всякого бумажного производства, что считают это выше всякого наказания.

— Значит, они очень часто подвергаются бумажному производству?

— Часто и всегда за один предмет - за кумышку, так что этими делами завалены вятские и казанские суды.

— Что это за штука - кумышка?

— Это хмельная жидкость, выгоняемая вотяками из муки, к которой они привыкли со времен Мафусаиловых, а им дали параграфы о кумышке. Правил поставлено много: какие иметь кадки, какой крепости должна быть кумышка и как отвечать за отступление от параграфов; а вотяки читать не умеют, суд все наезжает свидетельствовать - вот и опротивела вотякам жизнь. Недавно мне один зажиточный торговый вотяк писал, что он от кого-то узнал мою нелюбовь к процессам и заведению дел и просил меня от имени всех

вотяков взять на откуп все те места, где живут они. Разумеется, он не знал, что я распростился с содержанием откупов навсегда.

Это понятно, что вотяки легко впадают в проступки, когда не умеют читать правила, и даже публикации о подаче аппелляций в Сенат в известный срок не приносят им пользы и не дают ожидаемой законом защиты, потому что газет они не получают, а если бы и получали, то не могли бы их прочесть. Да и трудно им приучить себя исполнять правила по такому предмету, который входит в их домашнюю потребность. Это все равно, если бы нам дали правила на счет употребления капусты и соленых огурцов: какой меры кадки, какой крепости рассол, и стал бы наезжать суд и проверять, так ли все исполнено, как написано. Тогда бы все оказались такими же преступниками, как вотяки.

— На следующей станции пойдемте в тот вагон, где наша при

слуга: надо посмотреть на них, что они делают, все ли у них есть?

— А мещане не служат у вас?

— Были у некоторых, да только неудобно: им некогда служить - все их возят из конца в конец по всей России.

— Куда возят? Зачем?

— При всяком наборе требуют каждого в свой город; теперь сделано по-иностранному: вынимают жребий, а наша землица по больше иностранной, так и надо тащить каждого в тот город, где кто приписан, хотя бы это было за десять тысяч верст. Вот еще одно неудобство для ремесленных мещан. Случится за иным 5 или 10 руб. недоимки и не дают паспорта; сиди дома и копи новую недоимку.

Ведь мастеровому, какому-нибудь ламповщику, где же заработать в маленьком городке, в котором сальные свечи редкость, а лампы нигде не видать. Как бы обрадовались мещане, когда бы их не держали дома за недоимку, а выдавали бы паспорта с обозначением на них

этой недоимки, которую подрядчик и уплачивал бы в ближайшую казенную палату, при найме мещанина с недоимочным паспортом, а палата пусть переписывается с кем знает о получении ею денег; ведь на то она и палата, чтобы переписываться, как равно на то мещанин состоит мещанином, чтобы владеть своим единственным богатством -

временем и обращать его на труд, пока здоровье есть.

— Что это вы так долго читаете "Инвалид".

— Просматриваю объявление об умерших нижних чинах. Сын моей кормилицы Кондратий Семенов в солдатах, и я дал слово старухе следить за тем, не умер ли он; а в случае его смерти известить ее, чтобы могла помянуть его по долгу христианскому. Она давным-давно его оплакала и мысленно простилась с ним на веки вечные. Тут есть Кондратий Семенов, но не тот, а из Тобольской губернии; после него осталось 1 руб. 67 коп. денег, и вызывают родственников в Дубоссары Бессарабской области, т.е. туда, где полк стоит, с тем чтобы они прибыли или прислали за получением этих денег с узаконенными документами и ясными на право наследства доказательствами.

— А что бы вы сделали, если бы этот Кондратий Семенов был сын вашей кормилицы?

— Я бы просто взял да послал ей 1 руб. 67 коп.; не деньги дороги, а дорого то, что они после сына. Старуха половину бы издержала на поминки, а на другую купила бы внучке азбуку у

разносчика, да еще кое-что.

— Немало мы переговорили о всякой всячине, но ведь это все может казаться многим мелочью. Что такое как не мелочь сельди, пенька, лен, горькое масло и пшено, крупчатка из трех пшениц, сыпучие пески, дешевое мясоястие в Симбирске и мясопустие в Крыму и т. д. Затем, какая-то кумышка, задержка, за неплатеж подати, дома на печи, где на нее ничего не выработаешь, и наивное приглашение газеты "Инвалид" прибыть из Тобольска в Дубоссары с ясными доказательствами, стоящими вдесятеро более самого наследства.

Все это мелочи, мелочи, которые не могут возбудить просвещенного внимания нашего прогрессивного времени.

- Как мелочи, помилуйте! Это такие вещи, что они и отдельно взятые не мелочи, а все вообще могут составить ужасную крупность, до которой только и можно достигнуть тем, чтобы прибавить каждому крестьянскому семейству рублей 50 в год дохода, чтобы масло было не горькое, пенька не шла за бесценок, руки не отрывались понапрасну от дела, лошадь под Харьковом не задыхалась в песках; всего этого и можно, повторяю, достигнуть устройством этих мелочей. Поверьте, горькое пшено и конопляное масло есть капитальные вещи. В Оренбургской

губернии пуд проса стоит 10 коп., а на севере пуд пшена в двенадцать раз дороже, т.е. 1 руб. 20 коп.; а если бы его сделать только впятеро дороже против первоначальной цены, т.е. 50 коп. за пуд, тогда бы кашу ел всякий бедняк, да и Оренбургским крестьянам было бы лучше: у них закупали бы тройную пропорцию проса. Прибавьте к тому свежее масло, да это просто объеденье! У нас каша заменяет солдату и рабочему соус и пирожное; недаром же называется: каша - мать наша. От одной мелочи вольется в губернию 500 тыс., от другой 100 тыс. а оно не безделица - все улучшается быт. Вот это-то и есть настоящая благотворительность. Ведь вы сами лучше всех знаете, какой отличный народ у нас вон тот, что едет в третьеклассном вагоне, как он умирает славно; как же за него не думать? А ему самому нельзя всего придумать и все устроить. Значительность влияния всех мелочей на жизнь человека, следовательно, и на общее государственное богатство, всего лучше подтверждают слова Великой Екатерины, изреченные в ее мудром Наказе. Там сказано: "Человека не можно и не должно никогда позабывать. Мало в свете человеком делается, чтобы не для человека же было, и большею частью все вещи через него же делаются. Человек, кто бы он ни был: владелец или земледелатель; рукодельник или торговец; праздный хлебоядец или рачением своим подающий к тому способы; управляющий или управляемый, все же есть человек: сие одно слово подает уже совершенное изображение всех нужд и всех средств к удовольствованию оных".

— Все это так, но страшно вот что: не есть ли все это один только неприлагаемый к делу разговор? Ну как это исполнить, что бы масло из семян сбивали не там, где сбивают теперь, а в другом месте; чтобы делали для заграничного отпуска крупчатку и т. д.

— Правда, что это только разговор один, и дело долго будет оставаться при разговоре, покуда спор и обмен мыслей не научит, как все исполнить и как устранить все затруднения, сочиненные издали горделивым умозрением; а их столько сочинено, что никакая мысль не проворотит. Но надобно же начать этот разговор: ведь предметов, составляющих общее благоустройство, - тысячи, следовательно, и разговору должно быть много. Пусть один пишет, другой возражает, третий опровергает: из всего этого дело уясняется. Поверьте, где есть тень пользы, там только намекните, а люди сами дойдут до того, как исполнить. Вся штука в том, чтобы возбудить разговор; но каким образом возбудить? Мне кажется, пример тому - наш вагон. Мы растворили двери, стали сходиться, сперва молчали, всматривались в физиономии, а потом и пошли, и пошли, и начали нести свои лепты в общую сокровищницу. Надобно только, чтобы приниматели лепт не пренебрегали ими; беда-то в том, что они любят все одно эффектное. Поверьте, эффект придет сам собою, основательный, а не натянутый, следовательно, и не фальшивый, когда все эти мелочи будут устроены.

Что касается до устройства, то его должно подмечать не в отчетах, а в осязательных доказательствах; русский крестьянин по необходимости ест круглый год постные щи из одной крупы и воды; но эти щи еще одно слабое доказательство бедности, а сколько есть других! Загляните в кладовую крестьянина, посмотрите приданое деревенской невесты, и вы убедитесь, что от мелочей зависит не только многое, но просто все.

Интересно было бы на какую-нибудь выставку сельских произведений, где выложены чудовищной величины огородные растения, образцы прекрасно

удобренных земель, в красивых ящиках, и многие признаки общественного блага, выставить имущество русского крестьянина и приданое крестьянской девушки, то и другое взятое, разумеется, не на выбор, а из такой избы, как случится! Такое прибавление на выставке служило бы поверкой самого отчета о ней!

- Однако ж, расскажите, если видали, что хранится в кладовой у самых беднейших крестьян, которые всегда составляют собою и большинство населения, и главную необходимость заботливости об них.

- Небольшие там запасы: пар пять лаптей, какие-то старые веревочки для увязки сбруи, пара подков, найденных на дороге, переломленная на задельной работе коса, заржавелый и ожидающий выправки серп, по горсточке сушеных снятков и ячной крупы, завязанных в тряпице и хранимых к великому дню; треснувший глиняный горшок и убранный для оплетения его берестою, чтобы употреблять под молоко, когда станет доить единственная корова; пустая бутылка с деревянной пробкой на ниточке из-под постного масла, старые лопаты и голики; а в сундуке две-три восковые свечки для образов, завернутые в бумажку вместе с деревянной биркой, на которой зарублены занятые у зажиточного мужика хлеб и соль; на половине бирки зарубки уже сколоты, это означает прошлогодний уплаченный заем; два копеечные, окаменелые, сухие пряника, хранимые от свадьбы на погляденье и вспоминание о тех днях, в которые ели пироги с начинкой; пояс из цветной шерсти, для подпояски в Христов день; две рубахи целые и столько же ветхих, изрезанных на онучи; зверобой от удушья сердца, этой болезни русского простонародья, и сверток нового холстика на саван, в середине коего спрятаны на помин души несколько гривенников и медных грошей, тщательно укрываемых от злодейки-нужды. А для приданого невесты нет ни кладовой, ни сундука: его уже легко определить по соображению с тем, что можно выделить из запасов отца. Сама же рукодельница невеста в свободную от тяжких работ пору, при свете дымной лучины, или с утренней зарей, покидая свой войлок, кое-как успела заготовить два-три суровых утиральника с вышитыми красной бумагой краями для подарка будущему своему мужу.

Горько и грустно; но вот главный труд: где найти людей для устройства всего полезного и нужного? Посмотрите, какое затруднение в отыскании - кого же? Подрядчика. Несмотря на то что вызывают, публикуют, обязывают залогами быть исправным, пишут правила, за год сочиняют их, как бы его связать, а все грехи есть: сукнецо с коровьей шерстью, водянистое вино, слеглая мука и т. п.

Нечего сказать, призадумались все, когда дошли до этого вопроса - где людей взять, и не знали, что отвечать.

Показалась Тверь с множеством церквей и колоколен, вид коих напомнил мне разговор с одним церковным старостою:

— Беда, батюшка, - говорил он, - если на службу к общему делу попадется такой человек, который не думает, что от неправедной добычи обожжет свою душу. Это значит, что уже у него совесть обмозолилась.

— Да как же узнать, у кого совесть обмозолилась, а у кого нет?

— Э, батюшка, обмозолившуюся совесть почти на лице видно. К тому же слухом земля полнится. Земля ведь так и гудит; а люди дурные всегда боятся того, чего желают добрые.

— Что же это такое, что составляет у одних людей желание, а у других страх?

— Многосоветие, вожделенное, спасительное многосоветие.

На этом месте разговор наш вдруг прекратился: путь до Твери был окончен, поезд стоял у станции. Мы вышли и, увидав массу людей, стоявших на платформе, пошли в их кучки, чтобы послушать, как земля гудит.

IV

На Тверской станции повторилось то же самое, что и в Клину: тот же чай, и те же сайки.

Продающиеся здесь торжковские вещицы принимали к себе И.Г. Попандопуло; он купил башмаки и поясок, чтобы послать в Николаев к своим родным. Трогательно было слышать детское излияние души в речах возмужалого моряка, когда он рассказывал, с каким удовольствием будут рассматривать его посылку в Николаеве.

Отчего же это такой грустный вид у молодца, продающего торжковское шитье золотом по сафьяну и бархату? Верно, он худо торгует; спросим:

— Отчего вы не веселы, разве не здоровы, а торговля должна бы радовать; сбыт, верно, большой в Петербург торжковских товаров с золотым шитьем?

— Нет-с, совсем не берут. Там Залеманы и еще разные их свойственники, не припомню прозвищ, всем завладели по этой части.

— Странно, а кажется, можно бы в Торжке иметь все за половину цены, и эта половина цены дала бы городу до полумиллиона в год. Что же вы не откроете магазинов в Петербурге и Москве под вывесками: продажа шитья золотом по бархату от города Торжка.

Стали бы много покупать: мало ли в столицах нужно воротников, обшлагов и шитых клапанов!

— Думали мы это сделать, да смелости не хватает: некому нас там в ход пустить.

Когда мы выехали из Твери, было уже 8 часов и было темно. Зажгли огни. Иные повели речь, другие дремали. Помню, что после Твери мы собрались так: Н.А. Бирилев, И.Г. Попандопуло, В.П. Соковнин, А.Д. Скарятин, Н.И. Ильин, В.Ф. Тимм и я. Надобно сказать, что после каждой станции мы все размещались не по прежнему порядку, а как случится, и это "как случится" всегда изменяло состав наших кучек и сообщало новую жизнь беседе.

На общее желание узнать все подробности о семействе Бирилева Н.А. Бирилев рассказал, что у его матушки четыре сына (он третий) и 11 дочерей. У меня невольно сорвался с языка вопрос: "А какое состояние?"

"Усадьба с землею в Тверской губернии, при которой живут 100 человек крестьян". Опять невольно высказалась задушевная мысль: великий герой - ваша матушка, умевшая вырастить и воспитать такую семью и с такими крошечными средствами! Тут надобно было вечно быть на вылазках против страшных врагов - нужды и лишений во всем.

При краткой остановке поезда вдруг заслышался заунывный звук валдайского колокольчика. Что это значит? Станция Осташево, из которой возят почту в Торжок; зимой порядочная дорога, а летом проезду нет: 25 верст едут в дождь часов по семи.

Какой славный звук валдайских колокольчиков! Отчего же их нет на столах и везде, где нужен звонок? Да форма их нехороша. Дело не в форме, а в

звуке: стоило бы только дать в Валдай модели, и тогда, поверьте, половина денег, которые идут за колокольчики в магазины на Кузнецкой и Невской, перешла бы в Валдай, так что его бы можно было вычеркнуть из всех благотворительных списков, если он занесен в них по случаю недавно бывших двух сильных пожаров. Ну да если так рассуждать, то, пожалуй, и до того договоримся, что наши простые деревенские горшечники могут делать такие же глиняные вазы, которые мы покупаем у иностранцев для украшения садов и платим за одну штуку то самое, что крестьянин берет за пять возов своих горшков.

— А вот что всего поразительнее это несообразность в ценах
в отношении к нашей производительной единице.

— Какая же это производительная единица?

— Хлеб, разумеется, хлеб. Заметьте несообразность: в Тамбове, Курске и других местах бывает в самый дешевый год 50 коп. четверть ржи, а в Петербурге 10 руб. цена арбузу.

Значит, в одном арбузе изволит скушать иной член благотворительных заведений, без угрызения совести, 20 четвертей ржи, которою прокормились бы 15 нищих круглый год.

Вот и еще несообразность: цена за ведро посредственного вина 4,5 руб., значит надобно продать 9 четвертей ржи в тех местах, где она по 50 коп., чтобы купить одно ведро вина! А чтобы привезти девять четвертей ржи на базар, земледелец должен закладывать по нашим неустроенным дорогам пять телег, брать двух работников. Спрашивается: во сколько же обойдется ему одно ведро вина?

А если так сравнивать, то это ужась, во сколько кулей ржи обойдется ложа в Итальянской опере! Теперь, когда буду сидеть в пятирублевом кресле, то непременно вспомню, что сижу на десяти кулях ржи по тамбовской цене. - Но такое воспоминание может омрачить музыкальное наслаждение: в звуках голоса, например Марио, вдруг будет чудиться стон витебского нищего, как бы выплакивающего назад всю эту рожь, которая заплачена за кресло.

Отчего же это такая несоразмерность в ценах между предметами потового труда и роскоши? Не надо ли искать причину этого в чем-либо другом? Не кроется ли она в денежной системе? Мне кажется, наша денежная единица рубль серебром очень велика. Натурально не может быть единицей то, что для половины народонаселения составляет целый капитал! Сколько найдется деревень и целых улиц в маленьких городках, где нет ни в одном доме рубля серебром!

— Какое же отношение может иметь эта единица к жизни народа?

— А вот какое: денежная единица есть просто мера денег - все равно как мера протяжений и веса. Ну если б уничтожить аршин и заменить его саженью или фунт пудом? Понятно, какое бы произошло угнетение для всех малосильных; то же самое и крупная единица. Кроме этого, она страшно развивает нас в графу расходов, а это развитие отвлекает все наши способности от изучения, как добывать приходы умом и наукою, и от того все пустились хапать и цапать что попало.

— Но до введения этой единицы было другое зло - лаж.

— Возражаю на это: лаж не зло, а добро, добро, добро. Как добро? Трудно вкратце объяснить все стороны этого добра, но вот главная: при лаже у нас было множество всякой монеты золотой и серебряной, и даже много иностранной.

— Да, да, помним, помним петровские, елизаветинские и екатерининские целковики, екатерининские империалы и полуимпериалы, талера и так называвшиеся любанчики. Отчего же все это исчезло?

— Оттого, что лаж уничтожился, а он-то и охранял их и всякую монету. Бывало откроется на какие-нибудь звонкие деньги от банкирских спекуляций неестественное требование, они и поднимутся в цене, как товар, а от этого возвышения исчезает и самая выгода в

приобретении их для вывоза за пределы России.

"Станция Спирово и остановка на 20 минут", - возгласил кондуктор. Все порешили, что тут не надобно ни пить, ни есть, чтобы сберечь аппетит для ужина, предварительно приготовленного в Бологом. Чтобы не пропадало даром время, я взял из вагона кучу моих застольных речей и стал украшать их надписыванием имен господ офицеров и раздавать эти речи на память о поезде в Москву.

После того поехали дальше. Взошла луна и осветила бесконечные пустыни, облегающие железную дорогу.

Неужели эта безлюдность и пустота не оживятся в наш век людьми и деятельностью? Этот вопрос навел, кажется, на причину, недопускающую развития жизни на железных дорогах и на самый разговор об них. Право, странно, что в пять лет нисколько не заселились места около железной дороги: по обеим сторонам дороги живет же вдалеке народ и по обеим сторонам страшная глушь. Отчего же никто не выезжает из этой глуши? Ведь, поселясь на железной дороге, можно иметь по ней все средства к сбыту произведений земли. Еще страннее то, что фабрики не строятся: казалось бы, топливо дешевле, хлеб тоже, он мог бы приходить на барках по Волге и Волхову; полицейских формальностей менее. Отчего бы на многих прекрасных местоположениях не строить дач? Да вот кому еще след жить на железной дороге, это мастеровым: печникам, малярам, столярам и т. п. Они приходят в обе столицы издалека, живут круглый год без семьи; в праздники и прогульные дни, когда нет работы, поневоле бродят в харчевни и кабаки от скуки и одиночества; а поселясь тут, они бы через несколько часов могли быть дома, в своей семье, а при доме был бы и огород, и баня, и все удобства. А если бы поселилось тысяч пятьдесят, то из них десятая доля была бы в вечном движении на рельсах, и тогда было бы по десяти поездов в день, и доходы железной дороги страшно бы возросли.

Мне кажется, ко всем землям, окружающим железную дорогу, можно применить пословицу: око видит, а зуб неймет.

Две трети земель казенных, значит лежащих впусте и никому не доступных; остальная треть принадлежит частным имениям, по большей части заложенным в казну, а при залоге налагается запрещение на продажу.

Ну, а если бы сказать, что версты две по одну сторону дороги и столько же по другую состоит под особыми правилами, т.е. дозволяется приобретать каждому, взнося сумму за частную землю в уплату долга, если он есть, а за казенную в то общество или в казну, кому принадлежит пустая земля, словом, снять бы все письменные шлагбаумы, препятствующие заселению земель?

Значит, при образовании новых железных дорог надобно иметь в виду отведение полосы земли по обоим сторонам дороги для заселения.

Да вот как: объявите только раздачу этой земли при самом назначении линии, то прежде устройства дороги станут разбирать места и селиться, а от того и

рабочим железной дороги не нужно будет жить в пустырях и землянках и разводить тиф от душного и сырого помещения - везде явятся дома и харчевни.

— А без сомнения, нам нужна дорога от Москвы к Черному морю?

— Трудно отвечать на это, не бросив общий взгляд на сообщения в России. Разумеется, для верного определения нужны, по принятому порядку, сведения о движении товаров и ходе промышленности, и исследования о местности; но эти сведения, кажущиеся столь необходимыми, могут по их страшной массе нескончаемо замедлить дело и даже сбить с толку и совершенно затемнить главный вопрос, состоящий в том: чему быть и как быть.

В этом, как и в других важных случаях, помимо всех долгих и замысловатых соображений, очень полезно прибегать к пособию особой русской науки. Эта особая русская наука такова, что все прочие служат ей как бы только средством к разветвлению ума, и без этой прирожденной нам науки ничего нельзя сделать. Таковая Богом данная нам наука называется: глазомер. По этому глазомеру мы видим, что Россия не походит ни на одно Европейское государство. Вот неопровержимые доказательства несходства и особенностей: в Архангельске 1 мая можно праздновать катанием на коньках по Северной Двине, а в Киеве этот день проводят под тенью украинских черешен. В Оренбургской губернии в конце марта генерал-губернатор однажды получил два донесения от одного числа с границ Пермской губернии, что несколько человек замерзло от холода, а из Гурьева - что двоих убило громом. Ясно, что полезное инде нам вредно и вовсе не прикладно к делу. Многие государства покрылись сетью железных дорог, а это нам не указ: дело, пока не подходящее к русскому глазомеру. Мы видим по нем, что многие губернии накроют собою всю Францию и в многие уезды улягутся две-три Бельгии; где же при таких пространствах земли дожить нам до общей сети сочиняемых железных дорог? Попросим наших детей помечтать об этом, а теперь поговорим о том, что возможно.

Прежде всего надобно определить: где наш центр? где наши богатства? где места нашего торгового развития?

Центры не открываются умозрением; их вырабатывает история. Где привилась жизнь, куда привыкло стремиться чувство, где есть залоги нашего нравственного и вещественного бытия - там и центр. Ясно, что наш центр - Москва, и центр очень удачный, удачнее Лондона, Константинополя. Москву окружают на близком расстоянии два пояса губернских городов и входят в нее 24 дороги: одни дороги идут от черноземной почвы, другие - от Балтийского и Белого морей, третьи - из фабричных губерний, четвертые - от Волги; а там дороги из лесов Вологодских, из степей Донских, низменностей Прибалтийских, высот Кавказских. Зайдите в любой московский трактир, там вы увидите за каждым столом приезжих с Севера, Запада, Востока и Юга России. Все это означает то, что к Москве русская деятельность вполне прикипела; значит, для пособия ей нужно сблизить с Москвою наши богатства. Где они? Перечтем: недра Урала, сокровища Зауральской Сибири, произведения Приволжских степей (пшеница, сало и т. п.), каспийское рыболовство, лесные запасы - на Севере, шерсть - на Юге и проч. Одним словом: к Москве, к Москве надо придвинуть Уральский хребет, моря: Белое, Каспийское, Черное и Балтийское, для вывоза по двум последним произведений России за границу и для привоза иностранных. Новые непочатые места нашей торговли: Закавказье, восточные берега Каспийского моря, Оренбургские границы. Но как

все это придвинуть в Москве и потом передать из нее в Европу скоро и удобно? Строить железные дороги с конца на конец нельзя - пространства велики. Решим по глазомеру: нам на первый раз нужно соединить наши естественные водяные пути с будущими железными дорогами. Полгода мы будем пользоваться полным сообщением, а в остальные полгода, т. е. зимою, будем подвозить по железной дороге к речным пунктам все то, что нужно для отправления с весны по водяным путям.

Первая дорога из Москвы должна быть в Саратов; тогда посредством Волги Урал, Кавказ, Каспийское море, Персия, Туркменцы и Закавказье, Астрахань с ее рыболовством, пшеница и сало Приволжские, соль озерная и прочее будут находиться у Москвы под руками, так что из самой дальней стороны Астрахани нужно будет менее 7 дней на переезд в Москву. Длина этой дороги 600 верст.

Другая дорога от Волги к Дону - ниже того места, где была железно-конная. Посредством этой дороги придвинется к Москве весь Новороссийский край. Длина ее менее 80 верст.

Третья дорога для связи с Севером от г. Кинешмы на Волге к р. Сухоне на расстоянии 180 верст.

Этими путями центр России будет соединен со всеми отдельными пунктами ее богатств и торговых интересов.

А как передать нам свои излишки в Европу и получить из нее все то, чего неизбежно нужно?

Из Москвы уже есть дорога в С.-Петербург, только она ведет не к морю, а в угол Финского залива; а надо проложить линию от Мало-Вишерской станции через забытый Новгород к балтийскому порту, который менее бывает подо льдом и имеет покойную гавань. Длина этой дороги до 400 верст.

Итак, на первое время нужно 1260 верст необходимых железных дорог, чтобы достигнуть общей связи в сообщениях.

Без излишней роскоши эти 1260 верст можно построить с небольшим на 100 млн. руб. Но где их взять? Возникают бесконечные вопросы о гарантиях, займах и т. п. Укажу на новую статью дохода - табак. Эта статья в десять лет может дать 100 млн.; следовательно, стоит только установить правильную пошлину, и в 10 лет на счет прихотей явятся железные дороги! Вот доказательства возможности. В России есть 5 млн. курящих. Положим, что из них полмиллиона достаточных, два средних и два с половиной малоимущих. Расположите сбор по сортам табака, так чтобы достаточный заплатил до 10 руб. пошлины в год, средний - рубль, а малоимущий - гривну. Итог сбора выйдет почтенный и ни для кого не тягостный.

Странно, какую околесину мы делаем теперь, возя товары каналами все лето через Новгородскую и Олонецкую губернии, а зачем? Чтобы привезти в такой порт, где море замерзает гораздо долее, чем в балтийском порте!

Вся торговля восточной Европы с Азией возьмет направление по дороге из балтийского порта к Волге, как по пути самому ближайшему; затем, нам нужно много и много коротких линий железных дорог для связи водяных сообщений; а дороги длинные, вроде Черноморской и Варшавской, не принесут пользы, сообразной с употребленным на них капиталом, тем более что первая должна идти по такому пространству, где нет ни леса, ни камня, а построение обойдется ужасно дорого. Однако ж я не опровергаю этим суждением пользы всяких железных дорог, но думаю, что вначале должно строить их по самонужнейшим линиям, и притом

таким, чтобы сразу споспешествовать развитию производительных сил всей России, а не отдельной ее части, иначе развитие будет, как бы сказать, не в ствол, а в сук; от чего не только жизнь, а и всякое дерево принимает неестественный вид.

Много было споров, лет пять тому назад, о том, куда направить железную дорогу: в Феодосию или в Одессу? Тогда как если бы стали строить дорогу из Москвы к Черному морю, то без всяких споров ее нужно разделить за Харьковом туда и сюда, т.е. и в Феодосию и в Одессу, ибо каждый пункт важен, хотя преимущество остается все-таки за Феодосией, по ее прекрасной гавани.

С заключением мира, вероятно, явится к нам много иностранцев для постройки дорог. Это будет полезно. Почему же полезно, когда они России не знают и говорить по-русски не умеют? В этом-то и заключается вся польза, что они говорить по-русски не умеют; значит, их станут охотно слушать.

С незнающими русского языка мы обязаны уже быть вежливее и внимательнее. Хотите доказательств? Я могу их представить не сотнями, а тысячами.

Долго еще рассуждали о железных дорогах. Наконец, разговор стал прекращаться: его ослабляла дремота, и все умолкло...

Склоняясь ко сну, стало мне мерещиться, что и около шоссейных дорог должна быть полоса земли, раздаваемая для построек, что от этого будет менее пустых пространств, что люди из глуши выселятся к дорогам, дороги оживятся, а войскам и проезжим будет где обсушиться, обогреться и заснуть в тепле.

Додумавшись до сна, я почувствовал и сам желание заснуть...

А в смыкающихся глазах, кажется, что-то вроде огромной карты, похожей на Европейскую и Азиатскую Россию, с большими пустыми пространствами, на которых по черному грунту написано белою краскою: в саду гулять, травы не мять, цветов не рвать. Что такое это за места, занимающие более половины Европейской и всю Азиатскую Россию?

- Казенные, впусте лежащие земли.

Далее ничего не помню... Вот что значит заснуть: все ведь забудешь, даже на самом интересном месте ничего уж не выскажешь.

V

Велит и ткать, и прясть, и шить,
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, муки,
И счастье дома находить.

Державин

Ух! Как кто-то толкнул меня в бок и закричал: вставать, скоро Бологое. К ужину, к ужину!

Странно: человек не записывает своих полусонных мечтаний, а когда толкнут его в бок, то, проснувшись и очувствовавшись, всегда вдруг все вспомнит. То же случилось и со мной. Под влиянием последней мысли моей о свободной полосе земли около железной дороги снилось мне, или чудилось, или развитие мысли принимало ясные образы, не знаю, но вот что я вспомнил.

По всей дороге мне представлялась езда, но только с такими видами, как будто по обеим сторонам - заводы, фабрики, дачи, фермы, особые пассажирские домики, с боковыми рельсами, сделанными у больших фабрик самими фабрикантами на свой счет; на этих рельсах товарные вагоны: одни с изделиями фабрик, другие с сырыми произведениями, привезенными на фабрики для обработки, и, наконец, все земли, облегающие железную дорогу, приведены в прямое сообщение с ней; на берегах Волги, Меты и Волхова видны механические заведения: с них выносят на барки, частями, сделанные пароходы для Волги, Камы, Двины и Каспийского моря. Толпятся мастера, толкуют про какой-то главный механический завод, действующий даровою силою Иматры, называя его местом их обучения, откуда выходят люди и винты для дальних морей. Словом, от Москвы до Петербурга снилась целая улица, кипящая народом, а поезда, подмазываемые уже не американцами, а ярославцами, так и свистят от беспрепятственного хода в ту и другую сторону. Опять та же карта перед глазами: но все черные места, где было написано: травы не мять, цветов не рвать, обозначены уже зеленым цветом, цветом надежды, и с другою надписью: трудись и делай каждый на земле и в земле. Удивляясь всему, что представлялось глазам, долго не мог я придумать, кого бы спросить: что значит все это, где мы едем: город, что ли, или улица? Не помню, кого и как спросил, но мне отвечали, что это улица и называется Александровскою.

— Да ты что этому дивишься: ты посмотрел бы, что такое среди дороги, там ведь город Александровск:, по имени коего и улица называется. А город-то назвали по имени Его, ведь от Него все оживилось и разрослось. В Александровске пересекает железную дорогу тракт, что из Вологды, оно, значит, со всего Севера в тверские города, псковские, ну и дальше Пскова уедешь. Вот на это-то место, где теперь город, и велено было переезжать из Валдая, Крестцов и вообще из большого запаса разных глухих мест; но не то чтобы выгоняли народ, а только оповестили, что раздаются-де пустые земли даром: не хотите ли перебираться? Разумеется, сперва почесали затылки, кому след ехать, - уж этим всегда у нас начинается всякое новое дело – да и переехали; все теперь купцы богатеющие, все у них заводы да фабрики, а ведь что были, как по сторонам-то сидели? Просто слезы рукавом утирали!

— Что же Питер-то теперь, если здесь все так закипело и расцвело, а там ведь торговля за море!

— Нет, брат, Питер не хуже, не лучше, такой же, как был. В него уж меньше стали изводить денег; от этого и мы здесь расцвели, а торговли за море очень мало.

— Как мало! Отчего?

— Да посылать нечего.

— Как нечего? А хлеб, сало, шерсть, кожи, лен, лес?

- Пойми-ка ты вот что: хлеб нынче весь дома съедают. Сделано так, что его всюду довольно, везде дешев; ну а ведь дешевого-то, ты сам знаешь, наш мужичок втрое съест, дозволь только ему. К тому же запас оставлен на случай неурожая, да не в одних графах, а в закромах.

Сала лишнего тоже нет: едва достает для себя, с тех пор как лучины не палят, а везде свечи зажгли. Хорошо стало со свечками сидеть, глаза дымом не ест, слепых по деревням убавилось, всякая работа по вечерам идет спорее, а ведь вечера у нас целому дню равны, да и пожаров меньше бывает.

Шерсти лишней очень мало стало, как приоделись все в сукнецо. Зайди-ка теперь в церковь или на базар, не узнаешь, как изменился народ: совсем не видно стало холщовых озямов и оборванных полушубков, голых плеч и локтей.

Кожи тоже не наберемся и для себя, когда все стали обуваться из лаптей в сапоги.

А со льном, брат, чудное вышло дело! Вчетверо стали сеять: за море лен не посылают, а все не хватает. Видишь, как рассудили, чем платить в чужие руки 10 млн. в год за бумажный хлопок, так давай ткать изо льна, а из уцелевших-то миллионов и очутилась половина у псковских, вологодских и белорусских мужичков. Чай, помнишь витебских нищих, что вот здесь по железной дороге и по шоссе жили на всех станциях подаянием и которых всегда убирали при проезде больших господ, чтобы не портили вида. Теперь их и в помине нет: все сами собой убрались, голубчики, домой; сеют лен, живут сыто и желтизна лихорадочная пропала в лице, у всех румянец появился.

А лес отпускается только из Белого моря, а из других морей вывоз его строго запрещен: не хотят, видишь, чтобы наши внучата зябли да бранили нас.

— Да как же это прежде все кричали: Россия - государство земледельческое, ей нужна отправка хлеба и других сырых произведений за море!

— Пойми, дело простое: посылали не от избытка, ошибка была; верили сочинениям, переведенным с чужих языков, и оттого дома терпели нужду во всем; так начитались этих сочинений, что сами бывало дома недоедали, голодали, а кричали: избытки, избытки, избытки у нас во всем, вывозить их надо! Все происходило оттого, что сочинения-то затверживали долбежкой, без рассуждений; а теперь, как стали рассуждать-то, и открылось, что прежде всего надо себя удовлетворять, а за море потребно посылать лишь то, что дома не нужно.

Вот, другое дело, видишь, вон фабрика - делает из болховской кожи мешки для дорог, футлярцы для денег и сигар; а тут туляк переселился и оправляет их в сталь и железо - этого ужасно много вывозим за море; оно выходит выгоднее, чем сырьем посылать; за маленький футлярчик дают почти то же, что бывало за всю кожу с быка; а кожу наши ребята носят дома на сапогах. Да не одна эта статья, которую я сказал для примера, а и все так устроены: при каждом изделии идет еще невидимый товар - труд многих людей, и за этот товар добывают десятка два миллиона в год; оттого, видишь, как все славно живут. Да мало того, что все славно зажили, а все как будто изменились: веселей смотрят, ясней говорят, даже в глазах у всех что-то другое стало, у всех сердце запрыгало от радости. Ну ведь сам знаешь - к сердцу все жилы приведены и когда его не щемит, то всему человеку развязка: ум другой, сила другая, и даже запою совсем не слышно стало.

— Да отчего же теперь пошли наши изделия за границу?

— Сперва силой толкали: русского человека всегда надо раскачивать. А силу вот какую употребляли: установили на первое время за вывоз изделий наградную пошлину.

— Ничего не понимаю.

— Да что тут долго толковать, коли ты пустота непроходимая. Да и всего ведь не перескажешь и не припомнишь, а вот лучше читай эту книжку, которую всем нам раздали. Тут описано коротенько, да ясно все, что сделалось и ради чего сделалось. Ну да читай это на досуге, а теперь посмотри только, что на обертке написано: Ошибки и недодумки есть удел человеческих деяний. Именем общей

пользы просят додумывать и сообщать мысли. Вот как все ребята-то поняли, что всякий может о себе думать, и эта дума впрок идет, так и начали все смекать, да смекать, да вот как досмекали до того, как надо свою думу притачать к житию-бытию, так и вышло теперь важное житье нашим ребятам.

— Какие ребята? Где они притачивают думу к своему житию-бытию?

— Ты кто?

— Ребята, известно кто - мы, а смекаем и тачаем где придется, то дома, то на людях. Вот недавно кто-то указал такие штуки, что как начали их устраивать, то в деревнях, в глухих-то деревнях наших, зажили так славно, как будто немцы на молочных водах либо как купцы в Костроме, когда там, годов сорок тому назад, были в ходу полотняные фабрики, кормившие все села кругом, пока их не подкосил придуманный в Питере в 1823 году тариф.

— Да какие же это выдумали штуки?

— В книжке все увидишь: тут написано все, что общим умом придумано, и даже мелочи не забыты. Недавно какие-то проказники подали голоса - один из Василь-Сурска, а другой из Бирска: из-за моря-де везут к нам сардинки, а мы давайте посылать к ним маринованную стерлядь. Да ты не поверишь, как она везде пошла за границей: просто наподхват, ведь там ее нет. Другая цена стала теперь на Белой и Суре за эту рыбу. А как узнали, что стерлядь пошла, то стало этому завидно в других городах и начали из всех мест откликаться. А мценские кружевницы так и заголосили: "Бессовестные, дайте нам новые машинки для ниток, мы хотим плести эти кружева, которые привозят в Питер, и за один воротничок платят столько, что у нас в Мценске на эти деньги можно купить дом с огородом!"

- А что же ты мне не скажешь о том, кто ты такой?

- Да обо мне слово короткое - после скажу. А что тебе удивительно, что я много говорю? Мы все теперь много говорим, зато пишем очень мало: не нашли проку в келейном письме, как бишь оно по-особенному-то называлось? Не по-русски, оттого и не вспомню... ну вот помнишь, что-то такое делали со всякими бумагами, затворясь в особых клетках. Эх, не вспомню, как это называлось... Скажу по-своему, строгание бумаг. Бывало иную бумагу раз по десяти все строгали, и были особые строгальщики: они до дела не касались и дела не видали, а только все строгали да строгали, а все выходило не то, что надобно. Бывало гладко выстрогают бумагу, да уж так гладко, что дело-то все и сострогают; выйдет в мир людской Бог знает что такое: хорошо, если выйдет ничевушка, а иногда бывало вдруг при строганьи задерут суковатое место, и выйдет такая задорина, что и в толк не возьмешь, а исполнять надобно; ну и хлопочешь о том, чтобы сделать хоть вид исполнения, а время-то идет, жизнь тратится, своего дела делать некогда: голова вся забита одной заботой, как бы подешевле вывернуться... Насилу вспомнил: строгание бумаг называется редакцией, для которой пожертвовать смыслом дела ровно ничего не значило.

А вот теперь и о себе молвлю, ведь я сказал, что обо мне будет слово короткое: я, просто Иванов; еду на Валдайскую станцию и везу туда новые гвоздильные машины для череповских крестьян, промышляющих ручною ковкою гвоздей.

— К какому же лицу адресовано отношение, то есть бумага с препровождением машинок? Интересно бы узнать из этого отношения все

предшествовавшие этому распоряжению причины, которые всегда видны в прописанной справке и соображении.

— Отношение мое адресовано прямо к делу и заключается не в бумаге, а в гвоздильнях, а справку и соображение - ради чего нужно было раздать гвоздильни, нечего было долго сочинять: просто взяли два гвоздя в руки - машинный и ручной, да и увидали, что первый дешевле и лучше, а при ковке его машиною нет нужды ворочать молот руками и чувствовать, оттого к вечеру боль во всех суставах.

— Да расскажи, пожалуйста, в подробности: где ты служишь, какое же это ведомство, которое так печется обо всем и в котором есть человек, называющийся просто Иванов, как оно называется?

— Изволь, расскажу. Слушай только обоими ушами да принуждай себя понимать... А тут-то и был толчок в бок со словом "вставай". Все прервалось.

Выходя из вагонов, все любовались луной; но грустно было то, что свет озарял мертвую снежную равнину.

VI

Лишь только вошли на станцию Бологое, так и начали рассаживаться за стол. Появилась селянка, а за нею и другие блюда. Застолье было шумное, веселое. В залу набрались жители Болотова, все похожие на Иванова, того самого, который мне снился и не успел рассказать подробностей о своем значении. И все эти Ивановы, тоже как будто что-то думают и хотят рассказать, а прималчивают - то вздохнут, то затылок почешут, и все они, голубчики, умиляются и смотрят на все, вечно пригорюнившись.

Ужин был во вторник, на первой неделе поста. Постные явствы стали запивать чаем. Весело и грустно было в Бологом, где провели около двух часов: весело оттого, что все были в сборе, а грустно потому, что этот сбор был последний. К утру все должны быть в Петербурге и разъехаться по своим квартирам.

С умилением смотрел я на черноморцев; мне они казались памятником прошедшего и залогом будущего величия; казались представителями той животворной севастопольской минуты, в которую они решились защищаться и которую я избрал основанием моей речи 23 февраля, казались живыми проповедниками славного русского горя. Стоит только чтить это горе, воодушевляться им - и тогда много можно почерпнуть силы и смысла для будущего. С горя и досады русский человек сильнее все делает, сметливость заменяет ему всякую постепенность в успехах и выносит его. Мы неспособны к постоянному трудолюбию, и оно нам как-то порошит глаза, быть может потому, что нам еще многое надо воспроизводить, а для того нужны вдохновенье, сила, а не одна простая рачительность. Одним словом, русский дух не укладывается ни в какую машинную точность, и даже при всех попытках приучить нас к тому, как будто куда-то исчезла вся наша способность.

Мы ужинали в последний раз, и это пришлось на железной дороге, а мне весь вечер мечталось движение по ней. Когда налили бокалы, невольно я воскликнул:

"Мм. гг.! Тост за ожидаемое всеми и всем нам необходимо-нужное скорое устройство полезных линий дешевых железных дорог!"

Всеобщее сочувствие этому тосту выразилось общим долго, долго продолжавшимся криком.

Потом еще тост:

"Без слов, без речей поднимем прощальный бокал за общее здоровье! Скажем друг другу: до свиданья! Обнимемся по старине!"

Все перецеловались. Раздался звонок; мы пошли в вагоны и разместились на ночлег. Вьюга слепила глаза кондукторам, заметая дорогу в тех местах, где нет боковых строений, пустынные пространства быстро исчезали, и пустота их наводила ту же обычную грусть...

Вот что значит выспаться вечером, так уже и нет сна. Слышали все остановки, подмазки колес. Странно, что подмазка начинается у американцев всегда стучаньем молотков по осям и колесам, а стучат русские парни, одетые в пальто и особые фуражки с английскими буквами.

Зачем же это наши пареньки дали себя исказить нашивкою на фуражке английских букв? Не надо их винить: они люди подневольные, всю жизнь маются в нужде. Приходят из деревни ведь не с деньгами, а для заработка, и, разумеется, приходят в чем попало, рады-радехоньки всякой одеже, лишь бы прикрылось бедное тело. Заработанную копейку надо беречь в подати, да в оброки, а то паспорта не дадут. Сиди дома да объедай свою семью с попреком от всех.

- А что же не спросим, зачем прежде подмазки все стучат?

Наконец узнали из расспросов, что надо сперва станки под

вагонами осмотреть: нет ли пленок, нет ли скважин, обнаруживающих надлом, - а потом уже и масла подливать; а без того сколько ни подливай масла, все не будет толку. Бойкие парни говорили, что при ударе молотком оказываются ослабевшие винты и такие гайки, на которых вся резьба уже стерлась; они хоть и делают вид, что держатся на месте, а ехать никак нельзя: может соскочить что-нибудь, и долго ли до несчастья! Оттого ведь и бывают большие беды - людей ранит и убивает.

Убежденные этими рассказами, мы рассудили не выказывать нетерпения и решили прекратить все вопросы о причине остановки. Но хоть и решили прекратить расспросы, а все же мучит желание узнать: скоро ли поедем? Ведь ужасно скучно не знать, отчего мы не двигаемся с места, да к тому же и сидим взаперти.

Опять начался разговор со смышлеными русскими молодцами.

— А какие еще бывают причины остановки поезда; что может еще обнаружиться от стучанья молотком?

— Да бывает и так, что у иных колес подшипники оказываются недействующими; прикипают к самой оси да и мешают вертеться: не только подмоги от них нет, а задерживают поезд, делаются тормозом.

— Как же это прикипают?

— Видишь, внутри подшипников выкладывается медью, а медь-то по времени стирается, тогда уже и не действуют. Это называется: вышла захмычка.

— Как же тогда едут?

— Для американцев это и не новость: они люди опытные, всегда имеют запасные вещи, новые с медью; сейчас же истертые вон, а другие наденут и поедут лучше прежнего. Поверьте, с новыми колесами всегда наверстаешь всякую остановку и потерю во времени.

Поехали, да как поехали после того, как не стало никакой захмычки, то есть как постучали молотком по всем колесам и переменили все истертое, просто поехали на славу! Так и подпрыгивало что-то такое в нас самих от удовольствия, которое мы ощутили от скорой и плавной езды.

*** * ***

Было шесть часов утра. Солнце начало всходить. Мы просыпались, оживленные его благотворными лучами. Вьюги нет, погода изменилась, туман рассеялся. Как раз очутились в Малой Вишере и стали пить ранний чай. Между Вишерой и Любанью крепко спали. Как сладок, покоен и укрепителен сон, когда солнце всходит и нет ни тумана ни захмычки! В Любани опять чай.

Какое славное питье кяхтинский чай! А поговаривали, что его не будет и мы должны будем пить хоть и китайский чай, но не кяхтинский, а кантонский, который станут привозить к нам морем через Ливерпуль. А будет ли этот Ливерпуль брать от нас за чай плисы, меха, сукна и проч., об этом ничего не поговаривали. Быть может, попризабыли о том, или думали, что для облегчения пересылки будем вывозить за чай монету. Мне кажется, просто Иванов, снившийся мне после Спирова, сказал бы, почесав затылок: да что же это такое? Тут уже дело и не в расчете, а в кровной обиде, вот в чем. Я пью чай по 10 раз в день, и это десять-то раз в день будет мне приходить на ум, что мы не умеем сами себе добыть чаю, и как будто какая-нибудь маленькая земелька, живем чужою милостью да и отдаем еще за это сибирское золото! Нет, это нашим ребятам не по нутру, больно зазорно!

Проехали и Любань. Выезжая оттуда, я объяснил всем дорогим гостям, что следующая станция, называемая Ушаки, окружена моей землей; тут стоит моя русская изба, и я прошу, подъезжая к станции, взглянуть в окна с левой стороны.

Подъезжаем к Ушакам. Вдруг поезд останавливается. Приходит кондуктор и объявляет, что здесь задержан товарный поезд и нам придется прождать часа два по той причине, что около Тосны съехал с рельсов другой товарный поезд и путь не очищен.

В один голос все спросили, а нет ли там, около Тосны, какого несчастья? И, слава Богу, получили в ответ, что все обстоит благополучно, что никто даже не ушибся.

- Спасибо поезду, съехавшему с рельсов. Выходит-то, что иногда и с рельсов можно съехать кстати.

Все вышли и отправились ко мне в дом, который от железной дороги саженях в ста. Сейчас же попались нам навстречу вольнонаемные крестьяне, ехавшие за песком санях на десяти. Все уселись в эти сани и приехали ко мне. Можете судить, как оживился дом, когда он наполнился гостями из трех вагонов - и какими гостями? Славными, чудными, дорогими!

В доме мы нашли готовым одно только тепло, но как никто никого не ждал, то, разумеется, ничего и не было приготовлено. Сразу поспел тот же вечно неизменный самовар с чаем, пока еще кяхтинским; отыскалась малороссийская горилка, причина грусти 30 великороссийских губерний, что они ее не имеют; своя наливка, настаивание коей сопряжено с особенным письменным делопроизводством; отварные грибы, разрешаемые собирать свободно в тех лесах,

где еще нет устроенного хозяйства; хлеб из чистой ржи, явление неизвестное в западных губерниях; первая потребность всякого стола - соль, которую заимствуем мы из Англии, даже для Новгорода и Пскова, и прочее. Давайте все на стол!

Пока ходили по дому, хлопотали о скорой закуске, я наполнялся утешительными мыслями, что Бог сподобил меня каким-то случаем принять у себя, в своей избе, черноморских богатырей. Налив чарку горилки, я сказал:

- Герои-соотчичи! В этом доме, который озаряется теперь вашим присутствием, на этой земле, по которой мы ехали к дому, много перечувствовано, много пролито слез. Вот из этого окна были видны все экстренные поезда с известиями из Крыма. За известия эти трепетала душа всех русских людей. Я хотел бы теперь при виде вас в моем доме сказать, что я сейчас чувствую, но не могу: избыток чувств угнетает мое слово...

Тем и кончилась моя речь, затопленная слезами. Я выпил за здоровье всех чарку хлебной русской горилки, той самой, по которой грустят 30 великороссийских губерний.

При самом выезде нашем из С.-Петербурга в Москву я сразу запомнил имена и отчества всех черноморских офицеров, и эти славные имена остались в моей памяти на всю мою жизнь. Включаю здесь поименование всех морских богатырей, присутствием которых был осчастливлен мой дом:

Николай Яковлевич Астапов; Павел Александрович Акутин; Петр Иванович Арищенко; Николай Алексеевич Бирилев; Михаиле Федорович Белкин; Иван Петрович Балавенец; Михаило Степанович Велихов; Алексей Иванович Беклешов; Николай Михайлович Болтин; Дмитрий Николаевич Брылкин; Петр Родионович Быков; Михайло Иванович Верещагин; Николай Иванович Вульферст; Григорий Дмитриевич Гедеонов; Владимир Дмитриевич Гедеонов; барон Карл Александрович Гейкин; Константин Александрович Гире; Константин Петрович Голенко; Василий Федорович Давыдов; барон Василий Романович Дистерло; Петр Любимович Жерве; Петр Александрович Зузин; Николай Павлович Игнатьев; Николай Иванович Ильин; Петр Иванович Исаевич; Яков Иванович Исаевич; Оскар Карлович Кремер; Павел Михайлович Костырев; Николай Николаевич Кузмин-Короваев; Константин Андреевич Лазарев; князь Павел Петрович Максутов; Ростислав Ростиславович Мордвинов; Иван Григорьевич Попандопуло; Аполлон Иванович Прибытков; Николай Егорович Рябинин; Дмитрий Иванович Свешников; Аркадий Дмитриевич Скарятин; Варфоломей Петрович Соколовнин; Петр Иванович Степанов; Сергей Алексеевич Тверитинов; маркиз Иван Александрович де Траверсе; князь Эспер Алексеевич Ухтомский; Осип Осипович Федорович; Николай Ксенофонтович Христофоров; Петр Афанасьевич Чебышов; Александр Степанович Шумов; Николай Федорович Юрьев.

Кстати здесь скажу, что нас выехало из Питера более, но некоторые из черноморцев по своим служебным делам должны были ранее общего отъезда оставить Москву, а именно:

Павел Александрович Перелешин; Федор Сергеевич Керн; Павел Яковлевич Шкот; Николай Павлович Манухин; Василий Иванович Бурхановский; Семен Иванович Наумович.

Здесь, в Ушаках, под влиянием особой радости пришла мне мысль написать статью о возвращении черноморских офицеров с московских празднеств. Мысль эту я тогда же сообщил всем господам офицерам, присовокупляя, что я

помню все разговоры, которые даже ночью тревожили меня и навевали особые мечты. Все желали, чтоб я рассказал. "Нет, господа, рассказать теперь не могу, надо написать. А план статьи могу передать, потому что он верен с событиями, которые все твердо лежат в голове".

В Ушаках встретил нас сосед мой по имению, Н.В. Шеншин. Все офицеры с радостью поздоровались с ним, все с, благодарностью вспомнили его заботливые посещения севастопольских госпиталей, где он являлся по званию флигель-адъютанта. Многие напоминали ему те минуты, в которые они виделись с ним там, где закаливался русский дух, на севастопольских бойницах. Добрый сосед помогал мне хозяйничать. Мы поехали на ферму, я показал дорогим гостям скотный двор, заведенный с целью образовать породу рогатого скота. Оттуда отправились в трактир, чтобы быть ближе к рельсам. Между тем в трактире изготовили кое-что наскоро для закуски.

После закуски захотели, по укоренившейся у всех привычке, закурить сигары и папиросы. Понадобились зажигательные спички: где их взять? Бандероль рубль с тысячи, а тысяча спичек стоят всего пятак. Значит, пятак никак не выносит рублевого налога - и оттого спичечных фабрик нет и бандеролей никто не берет. Как же закурить законным образом папироску? Старые способы добывания огня исчезли, а новые затруднены и вытеснены этим рублем. Вдруг раздались голоса: "Человек, огня, огня!" Явилось несколько людей, и все со спичками в карманах. Добыли огня и закурили.

- Да откуда же спички? Ведь в лавках не продают. За это под суд упекут, и такие беды будут, что и подумать страшно.

Кто-то ответил: покупаем из-под полы в сумерки.

— А знаете ли что? Если обложить тысячу спичек вместо рубля тремя копейками, тогда бы завелись фабрики, стали бы продавать спички открыто во всех лавках, не дожидаясь сумерек; а этот трехкопеечный сбор составил бы в 10 лет столько, что на него можно бы

построить железную дорогу, например из Москвы к Западной Двине, так чтобы Рига с морем была как бы под Москвою, да и в Белоруссии голод навсегда бы исчезнул.

— А как же у нас говорят, что нет капиталов и что за этим останавливается построение железных дорог?

— Да ведь это говорят те, которые не знают нас, а мы их не ведаем. Капиталы в народе все равно что рыба в воде: ловятся тогда только, когда сети хороши, да кочеры нет.

Приближалось время отъезда: оканчивался завтрак, докуривались сигары, допивался чай, прекращалась беседа. Среди минутной тишины я предложил тост за всеми любимого и уважаемого генерала Хрулева. Невозможно описать, с каким восторгом был всегда принимаем этот тост всеми морскими офицерами. Многие стали рассказывать с жаром случаи беспримерной храбрости и распорядительности С. А. Хрулева. Умилительно было слышать привязанность морских богатырей к Степану Александровичу, привязанность сердечную, основанную на личном удостоверении в его находчивости, предусмотрительности, храбрости и уменьи привязать к себе всех.

Потом еще тост: "Господа! Мы находимся на земле Новгородской, имеющей поместье князя Васильчикова; а в поместье этом крестьяне управляются

по-старинному - мирским сходом, и живут тепло, сытно и весело! Выпьем здесь заздравный бокал за здоровье князя!"

Грянуло "ура"! И потом начались рассказы о храбрости и душевной теплоте князя Виктора Илларионовича.

Опять новый тост:

"Почтим славное присутствие духа и ничем не устрашаемую стойкость ума, всегда готового смотреть в очи смерти и изобретать в своей голове в то же время новые меры для обороны..."

Все общество воскликнуло: "Здоровье Тотлебена!! Не дали договорить это славное имя словами, а единодушно подсказали общим движением сердца.

Затем отрадно вспоминали о действиях Шеншина в госпиталях и выпили за его здоровье.

Но пришли сказать: пора ехать. Явилась охота вымолвить что-нибудь при расставании.

"Господа! Нет, господа - невыразительно, - вот так: "Черноморцы, севастопольцы, всероссийцы! Позвольте сказать вам несколько слов, последних уже на нашем пути. Не ждите от них никакой связи: скажу то, что оторвется от сердца: близко расставанье. Выпьем этот последний бокал! Чего пожелать? Да обновится русский человек новою привязанностью к России и всему русскому!"

В кружке пировавших загремели громкие повторения: да обновится... да обновится... да обновится... русский человек!

"Да явится он, дома и во всей Европе, самобытен и самостоятелен! Да ознаменуется новый период русской жизни, период севастопольский, проявлением смиренномудрия, создающего истинную, непризрачную силу! Да воссияет свет русского смысла в начальствующих и начальствуемых, везде и во всем, и да избавит он нас от всякого спотыкания, неизбежного во тьме бессознательного чужелюбия!"

Опять возобновились повторения: да воссияет свет... да воссияет свет... свет... свет!

"Бью вам челом и желаю всякого блага и удовольствия духа!"

Ура, ура, ура, бесконечное, сердечное ура!

После того все разместились и поехали. Мелькнули станции Тосна, Саблино; а между Саблиным и Колпиным поезд стал спускаться с Пулковской возвышенности в Прибалтийскую низменность. Мы вышли на балкон, чтобы увидеть Петербург; тут место открытое, можно видеть далеко. Что же оказалось? Вдали виднелся один туман, висевший над всею видимою Прибалтийскою низменностью; а в конце ее, там, где уже самая нижайшая низменность, где нет материка и один только наносный ил, туман был еще гуще и серо-виднее и заслонял собою Петербург от солнечных лучей. Приехавши в Колпино, мы ощутили уже присутствие петербургского тумана, наполненного сыростью и запахом гнилого погреба. Дорога от Колпина в особенности грустна летом: по обеим сторонам видны одни только тощие кустики, какие-то жалкие недоростки, которые, выказавшись из земли и не находя себе питания ни в почве, ни в воздухе, остаются всегда в своем чахлом положении.

В 5 часов пополудни мы были уже на Петербургской станции. При въезде в Петербург, на расставанье и прощанье, все вспомнили о Москве, оборотились в ту сторону, где она, матушка, стоит, и отдали ей поклон.

После этого умилительного поклона наступила та безмолвная минута, которая украшает собою всякое теплое расставанье. В это время ощущается какая-то тревога в душе каждого, производимая желанием сказать сильное слово на память о разлуке. Такое слово всегда исходит само собою без сочинений, а прямо из тайников душевных.

По миновании красноречивого безмолвия вот что сказали севастопольцы, обращаясь друг к другу:

- Когда-то опять будем все вкупе? Где это будет? Как это будет? Теперь каждый из нас пойдет в свою сторону, по особому пути, как в жизни, так и в службе!

А мы, мирные русские граждане, громко заявляем вам, славные севастопольские всероссийцы, наше единодушное желание направить себя на ваш севастопольский путь, т.е. на путь самозабвения о себе в делах общей пользы, с целью искать на нем истины.

В таком роде были последние, перелетавшие из души в душу слова, закрепляемые прощальным целованием и искренним рукопожатием.

Замечу еще вот что: приехали все, слава Богу, здоровы, никто не простудился - как будто ехал один человек, ежеминутно наблюдавший за собою.

* * *

На другой день многие из господ офицеров удостоили меня своим посещением, а в течение двух-трех дней я имел счастье видеть у себя всех. Как отрадно было встретить П.А. Перелешина и Ф.С. Керна, украшенных Георгиевскими крестами на шее, которые они получили за отражение приступов, командуя отделениями 4 и 5, под личным начальством С.А. Хрулева. Еще отраднее было слышать то, что они сказали, обращаясь к портрету С.А. Хрулева: "Без него мы бы не получили этой награды. Он вел нас к славе. Дай Бог ему здоровья!"

Потом я поехал ко всем героям, видел жилища их, видел их быт, видел вблизи, что это за люди. Вы ждете от меня на это слова - вот оно: в смирении их вознесется рог наш..

Смотрите, как он возносится! Что было в Москве? Славою всех севастопольцев и закавказцев славилась вся Русь, славился наш век.

Много было перечувствовано в Москве, много там было таких минут, в которые просвещались сердца, возвышался дух и обновлялось все грешное существо наше чистотою теплых слез.

Как же определить значение всех московских празднеств?

"И горе было наслажденьем,
Святым остатком прежних дней".

Василий Кокорев

ОБЩЕСТВО КУПЦОВ И ПРОМЫШЛЕННИКОВ РОССИИ

Основано в 1992 году потомками российского торгово-промышленного сословия с целью возрождения лучших традиций отечественного предпринимательства и российской деловой культуры.

Содействуя созданию в стране высоконравственного экономического пространства, инициативы Общества купцов и промышленников России направлены на утверждение в стране гражданских прав и свобод, исторической преемственности предпринимательства и создание реального среднего класса.

В своей практической деятельности Общество предлагает всем, кто разделяет цели и задачи организации:

- расширить связи и контакты в предпринимательской сфере;
- получить информацию о недобросовестных партнерах по бизнесу;
- стать участником системы финансовой взаимопомощи (взять кредит, сберечь накопления или инвестировать какой-либо проект);
- включиться в единые экономические правила ведения бизнеса;
- найти семейные корни и восстановить родословную;
- заказать личный или корпоративный герб;
- разместить на своих товарах (только высокого качества) торговую купеческую марку "Во славу Отечества";
- посетить ресторацию "Москва купеческая" с традиционной русской кухней и соответствующим интерьером.

105066, Москва, Токмаков пер., 21.
(095)261-4106,261-5089
E-mail: okipr@yandex.ru
www.okipr.ru

Серия: "Экономическая история России"

Василий Александрович Кокорев
Экономические провалы (по воспоминаниям с 1837 года)

Ответственный за выпуск Лариса Фролова
Редактор Александр Павлов
Художник Леонид Зайцев
Корректор Галина Страхова
Верстка Алексей Гарцев

Бумага офсетная. Гарнитура AcademyC
Формат 60x90/16. Печ. л. 21. Заказ 2600.

Общество купцов и промышленников России
105066, Москва, Токмаков пер., 21
Телефон: (095) 261-4106, 261-5089
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат"

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон:(0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru
Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru